

ОНС

ISSN 0869-0499

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

4

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY
WORLD

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

2024

ОНС

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Журнал издается под руководством Президиума РАН,
выходит с 1976 г. 6 раз в год

Журнал входит в Перечень ВАК,
индексируется в РИНЦ и RSCI на платформе Web of Science.

4

2024

ONS

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY WORLD

**The journal is published by Russian Academy of Sciences.
Founded in 1976
6 issues per year**

The journal is included in the Higher Attestation Commission List of peer reviewed scientific publications. Indexed in the Russian Scientific Citation Index by “Electronic Scientific Library” (elibrary.ru) and RSCI by Web of Science.

4

2024

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Громыко Ал. А. член-корр. РАН, профессор РАН, директор Института Европы РАН (Москва, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ананьева Е. В. к. филос. н., в. н. с. Института Европы РАН (Москва, Россия)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Белоусов Л. С. д. и. н., декан исторического ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАО (Москва, Россия)

Валентей С. Д. д. э. н., профессор Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, руководитель научно-исследовательского объединения (Москва, Россия)

Дынкин А. А. академик РАН, президент ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН (Москва, Россия)

Кокوشин А. А. академик РАН, зам. научного руководителя ВШЭ, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Полтерович В. М. академик РАН, руководитель научного направления «Математическая экономика» ЦЭМИ РАН, зам. директора Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Торкунов А. В. академик РАН, ректор МГИМО (У) МИД России (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамова И. О. член-корр. РАН, д. э. н., директор Института Африки РАН (Москва, Россия)

Байсингер Марк Р.

(Beissinger) профессор политологии Принстонского университета (Принстон, США)

Буторина О. В. член-корр. РАН, д. э. н., зам. директора Института Европы РАН (Москва, Россия)

Войтоловский Ф. Г. член-корр. РАН, д. полит. н., директор ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Габов А. В. член-корр. РАН, д. ю. н., г. н. с. Института государства и права РАН, член НИСО РАН (Москва, Россия)

Гарбузов В. Н. член-корр. РАН, д. и. н., г. н. с. Института США и Канады РАН (Москва, Россия)

Глинчикова А. Г. д. полит. н., профессор кафедры политологии МГПУ (Москва, Россия)

Дискин И. Е. д. э. н., с. н. с. Высшей школы экономики, заместитель председателя Научного совета ВЦИОМ (Москва, Россия)

Кондаков И. В. д. филос. н., в. н. с. Института искусствознания РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ (Москва, Россия)

Либман А. М.

(Libman) профессор Свободного университета Берлина (Берлин, Германия)

Наумкин В. В. академик РАН, председатель Учёного совета Института востоковедения РАН (Москва, Россия)

Нестик Т. А. д. психол. н., г. н. с. Института психологии РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Паин Э. А. д. полит. н., профессор Высшей школы экономики (Москва, Россия)

Петренко В. Ф. член-корр. РАН, профессор ф-та психологии МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Порфирьев Б. Н. академик РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)

Фомин-Нилов Д. В. к. и. н., и. о. ректора Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б. Н. Ельцина (Бишкек, Киргизия)

Хабриева Т. Я. академик РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия)

Чубарьян А. О. академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия)

Яковлев А. А. к. э. н., директор Института анализа предприятий и рынков Высшей школы экономики (Москва, Россия)

© Российская академия наук, 2024

© Составление. Редколлегия журнала «Общественные науки и современность», 2024

Издатель: Российская академия наук, 119991, Москва, Ленинский просп., 14

Исполнитель по контракту: ФГБУ «Издательство “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.

Адрес редакции: Российская академия наук, 119991, Москва, Ленинский просп., 14

Тел. +7 (495) 692-21-02.

E-mail: ons@pran.ru

Адрес в Интернете: <https://ons-journal.ru>

EDITOR-IN-CHIEF

Alexey Gromyko Corresponding Member of the RAS, Professor of the RAS, Director of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Elena Ananieva Candidate of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

SCIENTIFIC ADVISORY BOARD

Lev Belousov Doctor of Sciences (History), Head of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)

Sergey Valentey Doctor of Sciences (Economics), Professor of Plekhanov Russian University of Economics, Head of Research Association (Moscow, Russia)

Alexander Dynkin Academician of the RAS, President of the Primakov Institute of World Economy and International Relations (Moscow, Russia)

Andrey Kokoshin Academician of the RAS, Deputy Research Director of the Higher School of Economics, Professor of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Victor Polterovich Academician of the RAS, Deputy Director of the Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Anatoly Turkunov Academician of the RAS, Rector of Moscow State Institute of International Relations (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Irina Abramova Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute for African Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Mark R. Beissinger Professor of Political Science at Princeton University (Princeton, USA)

Olga Butorina Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

Fedor Voitlovsky Corresponding Member of the RAS, Director of the Primakov Institute of World Economy and International Relations, Professor of the RAS (Moscow, Russia)

Andrey Gabov Corresponding Member of the RAS, Chief Research Fellow of the Institute of State and Law of the RAS (Moscow, Russia)

Valery Garbuzov Corresponding Member of the RAS, Doctor of Sciences (History), Chief Research Fellow of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Alla Glinchikova Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Department of Political Science of Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)

Iosif Diskin Doctor of Sciences (Economics), Senior Research Fellow of the Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Igor Kondakov Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow of the State Institute for Art Studies, Professor Russian State University for Humanities (Moscow, Russia)

Aleksandr Libman Professor of FU Berlin (Berlin, Germany)

Vitaly Naumkin Academician of the RAS, President of the Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Timofey Nestik Doctor of Sciences (Psychology), Chief Research Fellow of the Institute of Psychology of the RAS, Professor of the RAS (Moscow, Russia)

Emil Pain Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Victor Petrenko Corresponding Member of the RAS, Professor of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Boris Porfiriev Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute for Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)

Denis Fomin-Nilov Candidate of Sciences (History), Acting Rector of the Kyrgyz Russian Slavic University (Bishkek, Kyrgyzstan)

Talia Khabrieva Academician of the RAS, Director of the Institute of Legislation and Comparative Law of the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Aleksandr Chubaryan Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute of World History of the RAS (Moscow, Russia)

Andrei Yakovlev Candidate of Sciences (Economics), Director of the Institute for Industrial and Market Studies Higher School of Economics University (Moscow, Russia)

© Russian Academy of Sciences, 2024

© Formation. Editorial board of "Social Sciences and Contemporary World", 2024

Publisher: Russian Academy of Sciences

119991, 14 Leninsky prospect, Moscow, Russia

Executor under contract: Publishing House "Nauka", 121099, build.1, 6, Shubinskiy per., Moscow, Russia

Address: Russian Academy of Sciences, 119991, 14 Leninsky prospect, Moscow, Russia

Tel. +7 (495) 692-21-02.

E-mail: ons@pran.ru

Website: <https://ons-journal.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ ТЕКТОЛОГИИ А. БОГДАНОВА

Стрежнева М.В. Обращение к натурализации культуры при исследовании международных институциональных трансформаций	7
Некlessа А.И. Разбитое окно Овертона. Цивилизационный транзит и постколониальность	19
Алешин А.А. Теория систем в международных отношениях: потенциал тектологии Александра Богданова	40
Моисеева Д.Э. Организационная теория в осмыслении дезинтеграции (на примере брекзита)	54

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Дискин И.Е. Гражданское общество: в поисках сущности	65
Васильев С.А. Государство и гражданское общество как субъекты конституционного права	80
Авдеенко Е.В. Гуманистический капитализм. Манипуляция смыслами	94

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Курочкин А.В. Влияние методов правового регулирования на конституционализацию политических партий в Российской Федерации	104

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. Проблема «сжатия» российского освоенного пространства и пути ее решения	114

Трибуна молодого ученого

Тулум А.С. Теоретические подходы к изучению языковых режимов	128

CONTENTS

MODERN INTERPRETATIONS OF A. BOGDANOV'S TEKTOLOGY

Strezhneva M.V. Naturalization of Culture in Institutionalism-Infused Study of International Transformations	7
Neklessa A.I. The Broken Overton Window. Civilizational Transit and Postcoloniality	19
Aleshin A.A. Systems Theory in International Relations: Alexander Bogdanov's Tektology Potential	40
Moiseeva D.A. Organizational Theory In Understanding Disintegration (the Case of Brexit)	54

SOCIAL PHILOSOPHY

Diskin I.E. Civil Society: in Search of Essence	65
Vasiliev S.A. The State and Civil Society as Subjects of Constitutional Law	80
Avdeenko E.V. Humanistic Capitalism. Manipulation of Meanings	94

POLITICAL AND LEGAL STUDIES

Kurochkin A.V. The Influence of Legal Regulation Methods on the Constitutionalization of Political Parties in the Russian Federation	104

POINT OF VIEW

Druzhinin A.G., Kuznetsova O.V. The Problem of Shrinkage of the Active Space in Russia and the Possibilities of its Solution	114

ROSTRUM OF A YOUNG SCIENTIST

Tulum A.S. Theoretical Approaches to Language Regimes	128

СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ ТЕКТОЛОГИИ А. БОГДАНОВА
MODERN INTERPRETATIONS OF A. BOGDANOV'S TEKTOLOGY

Оригинальная статья / Original article

Обращение к натурализации культуры при исследовании международных институциональных трансформаций¹

© М.В. СТРЕЖНЕВА

Стрежнева Марина Вадимовна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия), m.strezhneva@imemo.ru. ORCID: 0000-0002-6561-4367

Проанализированы методологические аспекты изучения институциональных трансформаций в международных отношениях, которые позволяют лучше объяснить взаимосвязь между дискурсом, институтами и действиями государств на мировой арене. Концептуальной основой исследования послужило понятие международного общества из английской школы теории международных отношений, трактуемого как ассамбляж, который взаимодействует со своей эволюционирующей социокультурной средой в рамках общей системы (что согласуется с организационной теорией А. Богданова). Два компонента в этой связке не составляют жесткой дихотомии (материального и идеального либо объективного и субъективного). Предложена оригинальная аналитическая схема их взаимоотношений, подразумевающая представление о «натурализации», претерпеваемой институтами как коллективными репрезентациями в процессе конструирования международно-политической реальности. Эта схема позволяет наглядно различать такие когнитивные факторы, как культура или идеология, с одной стороны, и социальную реальность – в данном случае воплощенный в устоявшихся правилах международно-политический контекст борьбы за сохранение/изменение социокультурных норм – с другой стороны. Особое внимание уделено политическому значению норм международного права. Процесс их «натурализации» проиллюстрирован двумя примерами из международно-правовой практики, которые подтверждают, в частности, значимую роль «колеблющихся» государств (Южная Африка, Индонезия) в наблюдаемых ныне изменениях в международном порядке.

¹ Финансирование. Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям развития научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Funding. This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 “Global and regional centers of power in the emerging world order”.

Ключевые слова: А.А. Богданов, английская школа, ассамбляж, натурализация, международное общество, международная система, культурная эволюция, коллективная репрезентация, Ч. Дарвин, Ж.-Б. Ламарк

Цитирование: Стрежнева М.В. (2024) Обращение к натурализации культуры при исследовании международных институциональных трансформаций // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 7–18. DOI: 10.31857/S0869049924040016, EDN: ZICAYM

Naturalization of Culture in Institutionalism-Infused Study of International Transformations

© М. STREZHNEVA

Marina V. Strezhneva, National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), m.strezhneva@imemo.ru. ORCID: 0000-0002-6561-4367

Abstract. Methodological dimensions in the study of institutional transformations in international relations are discussed, allowing to better explain the relationship between discourse, institutions and behavior of states on the world stage. The concept of international society, borrowed from the English school, serves as the basis for the research. In agreement with the theory of organization by A. Bogdanov, international society is treated as an assemblage, consistently interacting with its evolving sociocultural environment. The two components of this combination do not constitute any rigid dichotomy (of material and ideal or of objective and subjective). An original analytical scheme of their relationship is offered, implying the idea of “naturalization” being undergone by institutions as collective representations in the process of constructing international reality. The scheme allows us to distinguish more clearly between factors such as culture or ideology, on the one hand, and the international context of the struggle for the preservation/change of sociocultural norms embodied in institutionalized rules, i.e. social reality, on the other hand. Particular attention is paid to the political significance of the norms of international law. The process of their “naturalization” is illustrated by two cases from international legal practice. They confirm, in particular, the considerable role of the so-called swing states (South Africa, Indonesia) in the current shifts in the international order.

Keywords: A. Bogdanov, English school, assemblage, naturalization, international society, international system, cultural evolution, collective representation, Ch. Darwin, J.-B. Lamarck

Citation: Strezhneva M.V. (2024) Naturalization of Culture in Institutionalism-Infused Study of International Transformations. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 7–18. DOI: 10.31857/S0869049924040016, EDN: ZICAYM (In Russ.)

Понятие международного общества ассоциируется с английской школой в теории международных отношений (ТМО), потенциал которой сильно недооценен. Ведущий автор школы Х. Булл определял его как группу государств-«единомышленников», которые связаны общим набором (порядком) правил и сотрудничают в общих организациях [Bull 1977]. Один из основателей английской школы М. Уайт в 1960-е гг. предложил типологию международных порядков, которая включает в себя три традиции (логики) межгосударственного взаимодействия: реализм (по Н. Макиавелли), рационализм (по Г. Гроциу²)

² В правовой доктрине Гуго Гроция естественное право представляет собой вечный, неизменный закон, который апеллирует к разуму человека. Позитивное право рассматривается как нормы, меняющиеся в зависимости от социально-исторических условий [Гусарова 2021, 71].

и революционизм (идеализм) (по И. Канту) [Wight 2022]. Приверженцы английской школы явно отдавали предпочтение второму варианту. С их точки зрения, международное право задает международному обществу нормативную рамку, поддерживая структуру взаимных ожиданий, без которой взаимодействие государств наверняка быстро развалилось бы [James 1973, 68]. Авторы коллективной монографии под редакцией Х. Булла и А. Уотсона сформировали нарратив о глобальной экспансии западных правил и норм международного общества, а также о его подверженности изменениям, которые могут стать предметом эмпирического исследования [The Expansion of... 1984].

Авторы английской школы определяют институты как долговечные практики в отношениях между государствами (это суверенитет, дипломатия, баланс сил, международное право, война и рынок), но не международные бюрократические структуры (организации, такие как ООН или АСЕАН). Последние они называют вторичными (псевдо)институтами. Их эффективность поставлена в зависимость от функционирования основных институтов, которые существуют по сложившейся привычке на основании скорее общих пониманий, а не четких правил.

Сегодня многие теоретики в сфере МО признают диалектический процесс, который разворачивается между агентами и структурами, что получило развитие в социальном конструктивизме (П. Бергер и Т. Лукман) и в работах социолога Э. Гидденса. Другую модель отстаивают авторы, работающие в русле критического реализма (Р. Бхаскар) и морфогенетического подхода (М. Арчер)³. Всем названным направлениям присущ «эгоцентризм», стремление к изоляции структуры от акторов в методологическом либо аналитическом плане.

В данной статье применен альтернативный подход, а именно реляционная перспектива. Вместо социальных законов в ней постулированы процессы, которые разворачиваются в клубке разнонаправленных взаимодействий. Общую направленность для них никто не способен задать в одиночку. Переплетение планов и действий множества людей и разных групп приводит к результатам, которые никто конкретно не планировал, что не снижает важности государств как акторов – тем более, что большинство людей продолжают считать именно государства «последними единицами выживания» [Elias 2001, 206].

Институты в этой статье трактуются как коллективные репрезентации международных отношений с определенным нормативным наполнением. Посредством дискурса они способны воплощаться в правила поведения государств в международно-политической практике, которые воспринимаются как естественные, сами собой разумеющиеся. Многие политологи, социологи и экономисты подчеркивают, что отдельные государства, которые не соблюдают такие правила (воплощенные нормы), заведомо рискуют навлечь на себя международные санкции. Однако такой взгляд не учитывает случаи и особенности инновационного поведения, поскольку продвижение институциональных инноваций требует как раз отхода от конвенциональности – прежней нормы. Чтобы различать институты и культурные нормы при исследовании институтов как действующих международных правил (зеркального отражения коллективных репрезентаций из культурной сферы) в данной работе (реальное) международное общество предложено рассматривать в системной связке с его собственной социокультурной средой с привлечением поня-

³ Критический реализм отстаивает существование мира, независимого от знания о нем. Даже признавая особость и эмерджентные свойства социальной сферы, Р. Бхаскар доказывает, что общественные науки могут быть науками точно в том же смысле, что и естественные, с чем А. Богданов, как автор теории пролетарской культуры, не согласился бы [Богданов 1911].

тия натурализации культуры. Далее такая схема проиллюстрирована на эмпирических примерах. В заключение предложены выводы о том, как коллективные репрезентации (институциональные нормы) могут получать практическое воплощение – в особенности в ходе правового дискурса.

Международное общество как ассамбляж

Чтобы избавить видение международного общества от статичности и евроцентризма, теоретики английской школы обратились к понятию ассамбляжа [The Globalization of... 2017]. Ассамбляж представляет собой конструкции, сочетания разнородных элементов, не-единую целостность, которые вне культурной среды характеризуются исключительно их внешними отношениями композиции, комбинирования и агрегации. Таким образом, понятие ассамбляжа отличается от понимания системы, принятого в ТМО. Последняя состоит из набора акторов и сущностных объектов либо набора переменных (бюрократический аппарат, мнения, интересы и политическая деятельность), которые и задают параметры исследования. В международной политике речь идет в таком случае о поддающихся описанию и анализу интеракциях между государствами, но уловить общие параметры институциональных изменений не представляется возможным, поскольку они зависят от эмерджентных свойств целого (системы, ассамбляжа), которые непосредственно такими интеракциями не определяются.

Мексикано-американский писатель и философ М. Деланда, оттолкнувшись от разработок Ж. Делёза и Ф. Гваттари, которые первыми предложили теорию ассамбляжа [Делёз, Гваттари 2010], рассмотрел вытекающее из нее понимание взаимосвязи целых ассамбляжей с их частями (элементами). Попутно он подверг критике «организмическую» (биологическую) метафору в социологии, посредством которой человеческие сообщества уподобляют пчелиному рою или муравейнику как множеству живых организмов, сосуществующих и ко-эволюционирующих в симбиотических реципрокных взаимоотношениях в сложном составе более крупного объединения. Признать такими организмами государства в любом случае довольно затруднительно. Деланда указывал на излишнюю легкость, с которой обществоведы трактуют общественные формации подобно биологическим организмам, из-за чего элементы этих формаций предстают у них чем-то вроде «органов» одного и того же тела. Такая перспектива, по его мнению, искажает понимание отношений между ассамбляжем и его составными частями, мешая восприятию организационных процессов и властных отношений [Delanda 2006, 4–11].

Деланда отстаивает плоскую онтологию нового материализма, для которого материальное и социальное есть силы, равным образом действующие в процессе собирания коллективов/ассамбляжей. Сам по себе новый материализм натурализму противоположен. Как и тектология А. Богданова, если бы мы рассматривали ее в отрыве от идеи эмпириомонизма (монистическая теория живого опыта), теория ассамбляжа в трактовке Деланда напоминает метафизический конструктор⁴ [Шевченко 2020]. Однако у Делёза, как и у Богданова, ссылки на науку в философских работах так или иначе проникнуты натурализмом. Богданов в особенности настаивал на эволюционных отношениях в диалектике внутреннего (в нашем случае международного общества) и внешнего (социокультурной среды, в которую международное общество погружено). Одновременно внешнему он отводил устанавливающую и конструктивную роль в структурной трансформации внутреннего [Zeleny 1988].

⁴ В таком качестве для нее могут стать ключевыми понятия из тектологии, которые характеризуют формирующий механизм: «конъюгация», «щепная связь», «ингрессия», «дезингрессия» и др.

Британский исследователь Т. Флокхарт, опираясь на позиции английской школы, предложила небезынтересную трактовку наблюдаемой трансформации в международной системе, которая, впрочем, не учитывает перспективную идею ассамбляжа. По ее мнению, происходит переход к мульти-порядковому миру, который включает в себя как минимум три международных порядка: порядок во главе с США, евразийский порядок во главе с Россией и китайской порядок «Пояса и пути». Как отмечает исследовательница, реляционная динамика якобы будет отныне наблюдаться не столько в отношениях между суверенными государствами, сколько внутри отдельных порядков и между ними [Flockhart 2024, 471]. В этой картине мир распадается на несколько международных обществ, которые разнятся своей внутренней культурой, и движется к оформлению децентрализованной структуры глобальных отношений. В такой системе ряд государств (Индия, Бразилия, Индонезия и Южная Африка) попадают в разряд «колеблющихся» между возникающими порядками [Flockhart 2024, 475].

Флокхарт отходит от определения международного общества, данного Буллом (см. выше), отдавая предпочтение более «емкому» определению британско-канадского политолога Б. Бузана [Flockhart 2016, 12-13], которое включает общую идентичность у каждого из международных обществ в отдельности.

Придерживаясь терминологии Богданова, Флокхарт прогнозирует оформление рыхлой и неустойчивой структуры с несколькими «агрессивными центрами» (США, Россия, Китай), в которой средние и малые государства не смогут играть самостоятельную роль. В то же время «колеблющиеся» государства не заинтересованы в том, чтобы глобальное международное общество было разорвано на три замкнутые разнородные системы. Если глобальное международное общество все же «живет» как ассамбляж, погруженный в общую (пусть даже довольно разреженную) культурную среду и образует общую систему с нею, то у «колеблющихся» государств может проявиться дискурсивная власть, которая будет мешать неблагоприятному для них развитию событий.

Натурализация культуры

Организационная теория Богданова побуждает усматривать корни действий различных акторов в культуре. Для него культура есть организованный опыт человечества и, соответственно, орудие организации последующего коллективного опыта. Акцент на культуру избавляет аналитика от восприятия обществ как машиноподобных сущностей, которые подчиняются общим социологическим законам. Взамен они предстают перед ним как случайные в конечном счете творения, которые, тем не менее, зависят от действий людей, движимых определенными культурными моделями. Такие действия рациональны, но они обретают смысл только в силу того, что культурная среда их легитимизирует.

Английский философ Ф. Бэкон признавал «естественную магию» самым совершенным разделом натурфилософии: на основе более глубокого знания природы она способна производить трансформации и (искусственно) творить новые сущности, которые иначе в природе не возникли бы. Как следует из его работы «О достоинстве и приумножении наук», Бэкон хотел реабилитировать ренессансную магию, чтобы сохранить ее власть над природой и, очистив «магию» от предрассудков и шарлатанства, достигать с ее помощью научно-технических «чудес» на благо людям.

Если в работах Бэкон налицо методологическая натурализация культуры, то у К. Лоренца, одного из основоположников этологии, имеет место ее более выраженная онтологическая версия. В его интерпретации человека не следует представлять неким надприродным существом или явлением, не подчиненным естественным законам. По мнению

К. Лоренца, человеческий разум тоже полезно рассматривать в рамках эволюции живых существ [Кезин 2006, 18–21]. Однако Лоренц, в отличие от Богданова, рассматривал человеческое общество как совокупность индивидов, не придавая самостоятельного значения социально-культурным условиям его существования.

Лоренц считал Ч. Дарвина предшественником поведенческой биологии. Действительно, в работе «Выражение эмоций у человека и животных» Дарвин фиксирует эволюционную преемственность между животными и человеком, подчеркивая, что эмоциональные проявления универсальны. Тем не менее именно в этой книге он практически не затрагивает вопрос естественного отбора (механизма изменения) при обсуждении поведения человека, скорее отталкиваясь от исходно ламарковской идеи наследования приобретенных признаков⁵.

В рамках данной работы наибольший интерес представляет эпистемологическая версия натурализации социальной культуры, представленная у Богданова. Из его организационной теории следует, что схему подбора (регулирующий тектологический механизм селекции) можно использовать не только в отношении биологических сюжетов. Она также применима к социальной культуре как «ко всякому комплексу и ко всякой его части во всякий момент», так как это не более чем «определенная точка зрения, с которой можно подходить к любому факту» [Богданов 1922]. Общественный подбор предполагает целенаправленное поддержание институциональных логик, которые соответствуют жизненным целям определенных групп людей. Объектом подбора, соответственно, можно считать международные правила, потенциально подлежащие укоренению в качестве новых. Они основаны на нормах, заявленных в социокультурной «окружающей среде», фактором подбора которых, в свою очередь, выступают государства, влияющие на этот процесс своими реальными действиями. Предлагаемая концепция признает, что эволюционную теорию можно распространить на изучение социокультурных изменений. Причем в ней, как и у Богданова, онтология (ассамбляж международного общества) и эпистемология (соответствующая идеология и культура) образуют пару, связь в которой может носить объективный характер [Клейнер 2023].

Тектология выделяет людей как активных субъектов нормативного выбора, которым свойственны эмоции и способность избирательно адаптироваться к среде. Отталкиваясь от того, что социальная культура есть изменчивая система, основанная на процессах селекции, социокультурная норма (которая способна эволюционировать «по Дарвину») выступает в ней как репликатор. Интеракторами предстают люди, которые образуют организованные группы (в том числе государства) и погружены в международную культуру. Это не значит, что при изучении социальной культуры направленное изменение (своего рода ламарковское наследование приобретенных признаков) нельзя совместить с эволюцией по Дарвину [Месуди 2019, 119]. Интеракторы (люди, организованные в государства) взаимодействуют с культурой таким образом, что меняется популяция интеракторов и связанные с ними репликаторы [Kronfeldner 2006].

Новые правила постепенно укореняются. Государства начинают воспринимать их не как сочетание преобладающих культурных норм, которые могут быть или не быть близки данной организованной группе, а как нечто «нормальное» и «неизбежное», с чем бессмысленно спорить. Речь идет в том числе о более или менее очевидном признании и легитимации таким образом прежних «девиаций» – того, что ранее нормой не считалось

⁵ В «Эмпириомонизме» [Богданов 2003] Богданов упоминает свой разговор с биологом К.А. Тимирязевым, где речь шла о наследственности приобретенных свойств, которая доказана для некоторых случаев, но еще не объяснена.

[Taylor 2009, 47]. С точки зрения дискурса появляется специфический «язык нормализации», который, используя разные стратегии, взламывает прежние нормативные границы. Таким образом на институциональном уровне легитимизируется отступление от прежних стандартов [Krzyżanowski 2020].

Эволюция «нормальности» в международных отношениях: конкретные случаи

Международные правила с давних времен регулируют ведение войн, установление и отмену торговых барьеров для импорта, принадлежность морских островов. Однако до сих пор мало кто из политологов обращал пристальное внимание на то, как и где устанавливают или оспаривают подобные правила [Hirschl 2008], что придает им легитимность. Между тем решения международных судебных инстанций заметно сказываются на том, как могут изменяться «правила игры» в международной морской политике [Cook 2021]. Еще один пример из другой области – установление Европейским союзом собственного углеродного сбора, то есть трансграничной протекционистской меры, которую он оправдывает утечкой углерода. Цель очевидна – прикрыть себя от обвинений в том, что Брюссель не соблюдает обязательства по линии ВТО [Durel 2024]. В свете поставленных в данной статье исследовательских задач закономерный интерес должны представлять правовые нарративы, которые сопровождают коррекцию либо попытки продвижения естественных для глобального международного общества норм поведения такими «колеблющимися» государствами, как Южная Африка и Индонезия.

Пример первый. 29 декабря 2023 г. Южная Африка выдвинула в Международном суде ООН в Гааге (Суд) обвинения против Израиля в нарушении им Конвенции ООН о геноциде 1948 г. (Конвенция) своими действиями в секторе Газа, «находящемся под израильской оккупацией» с 1967 г. В январе 2024 г. в Суде состоялись двухдневные слушания по вопросу о том, следует ли быстро принять запрошенные Южной Африкой «временные меры» в отношении Израиля.

Южноафриканская сторона аргументировала свою позицию следующим образом. Чрезмерный характер израильских действий не был продиктован военной необходимостью. Израиль действовал с конкретным намерением уничтожить палестинцев в Газе как часть палестинской национальной, расовой и этнической группы. Суду были представлены многочисленные документы ООН, подтверждающие, что степень страданий, причиненных Израилем палестинскому населению Газы, отвечает сразу нескольким требованиям *actus reus* (определение состава преступления) по статье 2 Конвенции. Предполагаемые геноцидальные намерения нашли подтверждение в провокационных заявлениях израильских публичных лиц, которые также были доведены до сведения Суда в ходе слушаний⁶. Представители ЮАР обосновали свой иск тем, что их страна «носит на себе шрамы апартеида», и южноафриканцы уверены, что палестинцы тоже заслуживают свободы.

Израиль отверг предъявленные обвинения, настаивая на собственном праве на самооборону в ответ на атаку со стороны радикального движения ХАМАС, совершенную не далее, как 7 октября 2023 г. Израиль не отрицал вред и страдания, которые претерпевает гражданское население Палестины, но отмечал, что страдают также мирные израильтяне и тем более 130 израильских заложников, которых удерживают в Газе. Израиль настаивал,

⁶ Shany Yu., Cohen A. South Africa vs. Israel at the International Court of Justice: a Battle over Issue-Framing and the Request to Suspend the War. Just Security. January 16, 2024. (<https://www.justsecurity.org/91262/south-africa-vs-israel-at-the-international-court-of-justice-a-battle-over-issue-framing-and-the-request-to-suspend-the-war/>).

что «он не начинал и не хотел» этой войны с террористической организацией, «чья жестокость не знает границ»⁷. Израиль решил принять участие в судебных слушаниях в качестве ответчика, рассчитывая на то, что еврейское государство по определению не может быть признано виновным по делу о геноциде⁸. На самом деле своим участием Израиль подтвердил легитимность данной международной судебной «площадки» для рассмотрения выдвинутых в его адрес обвинений⁹, чем подорвал убедительность западных претензий на односторонний контроль над международным дискурсом о геноциде.

Чтобы исправить этот тактический просчет, Германия выразила несогласие с содержанием иска ЮАР и пожелала посредничать в слушаниях по данному делу в качестве третьей стороны. Представители Германии повторили ключевой израильский аргумент: Израиль «защищает себя» после «бесчеловечного побоища», которое устроил ХАМАС. Между тем 15 и 16 января 2024 г. Корпус стражей исламской революции атаковал позиции в Иракском Курдистане, Сирии и Пакистане. По заявлению пресс-секретаря МИД Ирана Н. Канаани, трансграничные атаки «соответствовали авторитетной защите суверенитета и безопасности страны, борьбе с терроризмом»¹⁰. Тот факт, что они совпали во времени с израильскими и германскими заявлениями в контексте слушаний в Гааге, вряд ли можно счесть случайностью. Иранская акция продемонстрировала, что право на трансграничную защиту от террора вряд ли получит международное признание в качестве чьей-то исключительной привилегии, и его применение не должны сопровождать десятки тысяч «чужих» безвинных жертв.

26 января 2024 г. Суд вынес по иску ЮАР промежуточное решение¹¹, согласно которому Израиль должен воспрепятствовать геноциду в Газе. Суд потребовал, чтобы Израиль предотвратил и наказывал прямое и публичное подстрекательство к геноциду в отношении палестинцев, а также обеспечил предоставление гуманитарной помощи населению сектора Газа. Вне зависимости от того, собирался ли Израиль это решение выполнять, решение Суда, как отметил министр иностранных дел Палестинской национальной администрации Р. аль-Малики, свидетельствует, что «государства теперь обязаны по праву остановить геноцидальную войну Израиля... и позаботиться о том, чтобы самим не оказаться в ней замешанным»¹².

⁷ Shany Yu., Cohen A. South Africa vs. Israel at the International Court of Justice: a Battle over Issue-Framing and the Request to Suspend the War. Just Security. January 16, 2024. (<https://www.justsecurity.org/91262/south-africa-vs-israel-at-the-international-court-of-justice-a-battle-over-issue-framing-and-the-request-to-suspend-the-war/>).

⁸ Международный суд ООН вправе рассматривать дело лишь в том случае, если соответствующие государства согласились стать сторонами разбирательства.

⁹ Данное дело – не единственное разбирательство о геноциде, которое слушалось в Международном суде ООН. О деле «Украина против России» см., например, здесь: Международный Суд ООН – решение по делу о геноциде «Украина против России»: Украина проиграла. Zakon.ru. 02.02.2024. (https://zakon.ru/blog/2024/2/2/mezhdunarodnyj_sud_oon_-_delo_o_genocide_ukraina_protiv_rossii_ukraina_proigrala). О решениях Суда ООН по преступлениям геноцида см. также: Corder M. How genocide officially became a crime, and why South Africa is accusing Israel of committing it. Associated Press. 25 January 2024. (<https://apnews.com/article/genocide-explainer-israel-hamas-africa-court-7b74e7a1fdf4512e44a42066581fa587>).

¹⁰ МИД Ирана назвал ракетный удар КСИР по центрам террористов ответом на действия против нацбезопасности. Информационное агентство Исламской Республики (ИРНА). 16 января 2024 г. (<https://ru.ima.ir/news/85356065>).

¹¹ Временные меры, принятые Международным судом ООН, обязательны к исполнению, но у Суда нет средств для принуждения государств к этому.

¹² Abushamala Rania R.a. Palestine hails top UN court's provisional measures on Israel's war on Gaza. Anadolu Agency. 27 January 2024. (<https://www.aa.com.tr/en/middle-east/palestine-hails-top-un-courts-provisional-measures-on-israels-war-on-gaza/3119818>).

Пример второй. Трудно преувеличить значение Конвенции ООН по морскому праву (Морской конвенции) 1982 г. для Индонезии. В первые годы после обретения страной независимости индонезийский премьер-министр Дж. Картавиджайя (1957–59 гг.) был обеспокоен тем, что иностранные (военные) суда могли свободно проходить через прибрежные воды государства, угрожая национальной безопасности. Страна выступила с односторонней декларацией, где говорилось, что морские пространства вокруг архипелага нужно признать находящимися под суверенитетом Индонезии, тем самым закрыв их для международной навигации [*Tangkilisan* 2019]. Несмотря на протесты со стороны западного международного сообщества, отстаивавшего принцип свободы судоходства, в 1960 г. эта декларация стала национальным законом, положив начало дипломатической кампании за международное признание Индонезии государством-архипелагом.

В Морской конвенции нашло формальное признание существование новой категории государств (архипелажные), которые располагают суверенитетом над своими «архипелажными водами». Однако в ней содержится оговорка, согласно которой Индонезия должна предоставлять свободу международной навигации через национальные архипелажные воды. Документ вводит понятие «архипелажные морские коридоры» для проходов, которые назначают признанные государства-архипелаги. Для транзита по ним иностранным морским и воздушным судам не требуется специального разрешения. Отказавшись от участия в Морской конвенции, США, тем не менее, признали новый статус Индонезии.

Сейчас Индонезия – единственная страна, которая определила архипелажные коридоры в соответствии со ст. 53 Морской конвенции. Однако с точки зрения Международной морской организации речь идет лишь о «частичном определении», так как государство не включило в список все «нормальные» маршруты прохода через «архипелажные воды» Индонезии, как того требует пункт 4 статьи 53 и в чем заинтересованы, в частности, США. В то же время в национальном законодательстве страны прописано, что права свободного прохода для иностранных судов могут быть установлены только по определенным коридорам. Соответственно, оно оставляет маршруты неопределенными под действием режима «мирного прохода» [*Puspitawati* 2018]. При «мирном проходе» подводная лодка должна перемещаться по водной поверхности. Если же при этом обнаружится, что цели не были мирными, Индонезия вправе отказать судам, включая подводные лодки, в доступе к проходу через свои территориальные и архипелажные воды вне определенных коридоров.

Между тем 16 сентября 2021 г. было заключено трехстороннее соглашение Вашингтона, Лондона и Канберры в сфере безопасности – AUKUS. Намерение США и Великобритании оснастить Австралию подлодками на атомном ходу пробудило опасения о потенциальной гонке вооружений в ИТР. Индонезия в особенности обеспокоена перспективой того, что в случае регионального конфликта с участием Китая австралийские подлодки смогут свободно входить в Южно-Китайское море через один из определенных индонезийских архипелажных коридоров. Индонезийцы задаются вопросом, вправе ли они этому помешать и как именно. Некоторые индонезийские представители предполагают, что в данном контексте Индонезии следует рассмотреть вопрос о запрете на проход иностранных подводных лодок через свои архипелажные воды, если они вовлечены в военные действия. Однако представители стран-участниц AUKUS утверждают, что даже закрытие Индонезией морских путей (которое они считают маловероятным) не поставит под угрозу военные операции с участием их подводных лодок, так как у Индонезии недостаточно технических возможностей, чтобы находить и отслеживать такие судна.

* * *

В настоящей статье международное общество, согласно английской школе ТМО, было представлено в виде ассамбляжа. Рассмотрен порядок (генерализованная логика), в который складываются его институциональные структуры. Институциональный комплекс международного ассамбляжа выступает «пропускной границей» для ассимиляции культурных норм, наделенной подвижной системной рациональностью. Было показано, что вопросы постепенных институциональных изменений в международном обществе можно объяснять, скорректированным образом прилагая принципы биологической эволюции, сформулированные Дарвином и Ламарком, к эволюции социокультурной системы. Социокультурная система, трактуемая как окружающая среда ассамбляжа международного общества, системно связана с ним. На ход ее эволюции активно влияют люди, объединенные в государства, которые выступают в этом процессе интеракторами. Их действия движимы национальными интересами, нормативными предпочтениями и эмоциями. Влияние подобных действий осуществляется в дискурсивных процессах, в итоге меняя структурные ограничения в практике функционирования международного общества.

В ходе исследования было установлено, что государства нередко сознательно нарушают принципы международного права и зачастую находят для того оправдания. Из приведенных выше двух примеров можно сделать вывод (в порядке формулирования гипотезы), что функция международного права (относящегося к культурной среде) состоит не в том, чтобы сверху наделить межгосударственные отношения некой новой совокупностью регулирующих правил. Оно обеспечивает хабиитуализацию таких правил: международная популяция государств начинает воспринимать их как новую «нормальность», которая формируется по инициативе самих же государств как организованных индивидов. Натурализованные в таком смысле правила всегда сохраняют определенный ценностный фундамент, однако для международного сообщества и его членов они могут выглядеть нормальными, даже неизбежными, и не вызывать вопросов.

Вне зависимости от степени кодификации международного права, для политологов более информативна и показательна принятая на тот или иной момент конкретная практика межгосударственного общения. Данное понятие шире понятия коммуникации, так как оно более полно раскрывает богатство человеческих взаимоотношений, которые не исчерпываются информационными процессами. С учетом данного аспекта можно констатировать, что в международном обществе наметился переход от западной гегемонии к более равноправным межгосударственным отношениям. В них односторонняя свобода нарушать подвижные международные правила, которой до сих пор широко пользовались привыкшие к своему первенству западные страны, будет систематически подвергаться международному осуждению на судебных площадках. Особенно заинтересованы в этом так называемые колеблющиеся государства. Они склонны активно содействовать наметившемуся переходу к более акцентированному эгалитаризму в социокультурной среде международного общества и подталкивать его, обращаясь к международному праву как к той сфере (части социокультурной среды), в которой легитимизируются правила межгосударственного общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Богданов [Малиновский] А.А. (1911) Культурные задачи нашего времени. М.: С. Дороватовский и А. Чарушников. 92 с.
- Bogdanov [Malinovskij] A.A. (1911) *Kul'turnye zadachi nashego vremeni* [Cultural Challenges of Our Time]. Moscow: S. Dorovatovskij i A. Charushnikov. 92 p. (In Russ.)
- Богданов А.А. (1922) Очерки организационной науки // *Metodolog.ru*. (<https://www.metodolog.ru/00051/00051.html>)
- Bogdanov A.A. (1922) *Oчерki organizacionnoj nauki* [Essays in Organizational Science]. Metodolog.ru. (<https://www.metodolog.ru/00051/00051.html>) (in Russ.)
- Богданов А.А. (2003) Эмпириомонизм: Статьи по философии. М.: Республика. 400 с.
- Bogdanov A. (2003) *Empiriomonizm: Stat'i po filosofii* [Empiriomonism: Essays in Philosophy]. Moscow: Respublika. 400 p. (In Russ.)
- Гусарова М.А. (2021) К вопросу о роли Гуго Гроция в становлении юснатуралистского типа правовопонимания в эпоху Нового времени // *Общество: политика, экономика, право*. Т. 90. № 1. С. 71–75. <https://doi.org/10.24158/pep.2021.1.13>
- Gusarova M.A. (2021) K voprosu o roli Gugo Grociya v stanovlenii usnaturalistskogo tipa pravoponimaniya v epohu Novogo vremeni [The Issue of Hugh Grotius' Role in the Formation of the Jusnaturalist Type of Legal Thinking in the New Age]. *Society: Politics, Economics, Law*. vol 90, no. 1, pp. 71–75. <https://doi.org/10.24158/pep.2021.1.13> (in Russ.)
- Делёз Ж., Гваттари Ф. (2010) Тысяча плато: капитализм и шизофрения. Пер. с франц. Я.И. Свицкого. М.: Астрель. 895 с.
- Delyoz Zh., Gvattari F. (2010) *Tysyacha plato: kapitalizm i shizofreniya* [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia]. Translation from French by Svirsky Ya. Moscow: Astrel. 895 p. (in Russ.)
- Кезин А.В. (2006) Натуралистические подходы в эпистемологии XX века. М.: ИНИОНРАН. 100 с.
- Kezin A.V. (2006) Naturalisticheskie podhody v epistemologii XX veka [Naturalistic Approaches in 20th Century Epistemology]. Moscow: INION RAN. 100 p. (in Russ.)
- Клейнер Г.Б. (2023) Системная методология Александра Богданова в контексте современного экономического мировоззрения // *Вопросы экономики*. № 3. С 24–39. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-3-24-39>
- Klejner G.B. (2023) Sistemnaya metodologiya Aleksandra Bogdanova v kontekste sovremennogo ekonomicheskogo mirovozzreniya [Alexander Bogdanov's System Methodology from the Perspective of the Modern Economic Worldview]. *Voprosy Ekonomiki*. no. 3, pp. 24–39. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-3-24-39> (in Russ.)
- Месуди А. (2019) Культурная эволюция. Как теория Дарвина может пролить свет на человеческую культуру и объединить социальные науки. М.: «Дело» РАНХиГС. 384 с.
- Mesudi A. (2019) *Kul'turnaya evolyuciya. Kak teoriya Darvina mozhet prolit' svet na chelovecheskuyu kul'turu i ob'edinit' social'nye nauki* [Cultural Evolution. How Darwinian Theory Can Explain Human Culture and Synthesize the Social Sciences]. Moscow: "Delo" RANHiGS. 384 p. (in Russ.)
- Шевченко В. (2020) Что не так с теорией ассамбляжей? // *Логос*. Т. 30. № 5. С. 131–164. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2020-5-131-161>
- Shevchenko V. (2020) Chto ne tak s teoriej assamblyazhej? [What is Wrong with the Assemblage Theory?]. *Logos*. vol. 30, no. 5, pp. 131–164. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2020-5-131-161> (in Russ.)
- Bull H. (1977). *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. London: Macmillan. 335 p.
- Cook M. (2021) *Australia's South China Sea Challenges* // Lowy Institute Policy Briefs. 26 May. (<https://www.lowyinstitute.org/publications/australia-s-south-china-sea-challenges>)

- DeLanda M. (2006) Deleuzian Social Ontology and Assemblage Theory // In: Deleuze and the Social. Ed(s): Fuglsang M., Sorensen B.M. Pp. 250–266.
- Durel L. (2024) EU Border Carbon Adjustment Compliance and the WTO: The Interactional Evolution of Law // Journal of International Economic Law. Vol. 27. Pp. 18–40. <https://doi.org/10.1093/jiel/jgae007>
- Elias N. (2001) The Society of Individuals. London: Continuum. 258 p.
- The Expansion of International Society (1984) Ed(s): Bull H., Watson A. Oxford: OUP. 490 p.
- Flockhart T. (2016) The Coming Multi-order World // Contemporary Security Policy. Vol. 37. No. 1. Pp. 3–30. <http://dx.doi.org/10.1080/13523260.2016.1150053>
- Flockhart T. (2024) NATO in the Multi-order World // International Affairs. Vol. 100. No. 2. Pp. 471–489. <https://doi.org/10.1093/ia/iaae004>
- Hirschl R. (2008) The Judicialization of Mega-Politics and the Rise of Political Courts // Annual Review of Political Science. Vol. 11. Pp. 93–118. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.11.053006.183906>
- James A. (1973) Law and Order in International Society // In: The Bases of International Order: Essays in Honour of C.A.W. Manning. Ed(s): James A. London: OUP. Pp. 60–84.
- Kronfeldner M. (2006) Is Cultural Evolution Lamarckian? // Biology & Philosophy. Vol. 22. No. 4. Pp. 493–512. <https://doi.org/10.1007/s10539-006-9037-7>
- Krzyżanowski M. (2020) Normalization and the Discursive Construction of “New” Norms and “New” Normality: Discourse in the Paradoxes of Populism and Neoliberalism // Social Semiotics. Vol. 30. No. 4. Pp. 431–448. <https://doi.org/10.1080/10350330.2020.1766193>
- Tangkilisan Yu.B. (2019) Sovereignty on Seas: The Making of the Declaration of Djuanda 1957 // In: Proceedings of the fourth Asia-Pacific Research in Social Sciences and Humanities, Arts and Humanities Stream (AHS-APRISH 2019). (<https://www.atlantis-press.com/proceedings/ahs-aprishi-19/125987317>)
- Taylor D. (2009) Normativity and Normalization // Foucault Studies. No. 7. Pp 45–63.
- The Globalization of International Society (2017) Ed(s): Dunne T., Reus-Smit Ch. Oxford: OUP. 520 p.
- Wight M. (2022) Why Is There No International Theory? // In: Yost D. (ed). International Relations and Political Philosophy. Oxford: OUP. Pp. 22–38. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198848219.003.0002>
- Zeleny M. (1988) Tektology // International Journal of General Systems. Vol. 14. No. 4. Pp. 331–342. <https://doi.org/10.1080/03081078808935022>

Информация об авторе

Стрежнева Марина Вадимовна, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра европейских исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (ИМЭМО). Адрес: 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23. E-mail: m.strezhneva@imemo.ru

About the author

Marina V. Strezhneva, Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS). Address: 119997, 23 Profsoyuznaya st., Moscow, Russia. E-mail: m.strezhneva@imemo.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 18.04.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 05.06.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 03.08.2024

Оригинальная статья / Original article

Разбитое окно Овертона¹. Цивилизационный транзит и постколониальность

© А.И. НЕКЛЕССА

Некlessа Александр Иванович, Институт Африки РАН (Москва, Россия), neklessa@intelros.ru.
ORCID: 0000-0002-7943-6856

В антропологическом космосе во всех сферах деятельности: политической и экономической, социальной и культурной, происходят существенные качественные и количественные перемены. Меняются демографическая размерность и этно-расовый баланс населения Земли. Данное состояние можно охарактеризовать как цивилизационный транзит. Социогуманитарные дисциплины также оказались в ситуации эпистемологического поворота: расширяется сфера исследований, модифицируется методологический инструментарий. Проанализированы аспекты этой универсальной трансформации. Методологической основой исследования выступила теория сложных систем. Образуемые человеческой популяцией формы организации («мироустройство», «мировой порядок») рассматриваются как сложная динамическая система. Ее развивающаяся во времени и пространстве эволюция нелинейна – периодически она переживает состояния хаотизации организации, образуя затем новые порядки. Отмечено, что зонтичная категория постколониальности становится рамочным понятием для процессов, которые разворачиваются на территориях как мирового Севера, так и глобального Юга («мировое большинство»). Состояние постколониальности, подобно постсовременности и посткоммунизму – это транзитная среда, которая преодолевает многообразные формы природной/социальной угнетенности. Она представляет собой переходной этап к сложноорганизованному мироустройству, определяющей характеристикой которого выступает суверенная личность.

Ключевые слова: цивилизационный транзит, эпистемологический поворот, окно Овертона, постколониальность, постколония, автоколониализм, активизм, новый инициативный класс, афрополитанизм, постсовременность

Цитирование: Некlessа А.И. (2024) Разбитое окно Овертона. Цивилизационный транзит и постколониальность // Общественные науки и современность. № 4. С. 19–39. DOI: 10.31857/S0869049924040023, EDN: ZHNXLB

¹ «Окно Овертона» – социологическая концепция существования рамок допустимого спектра мнений в публичных высказываниях ученых, политиков и активистов с точки зрения текущего общественного консенсуса. Концепция названа в честь ее автора, американского юриста и общественного деятеля Дж. Овертона.

The Broken Overton Window. Civilizational Transit and Postcoloniality

© A. NEKLESSA

Alexander I. Neklessa, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), neklessa@intelros.ru. ORCID: 0000-0002-7943-6856

Abstract. Prognostic and methodological aspects of the current civilizational transit are studied. In recent history there are dramatic, qualitative and quantitative changes in all aspects of the anthropological cosmos: political and economic, social and cultural. The demographic dimension and ethno-racial balance of the Earth's population rapidly change as well. Social studies and humanitarian disciplines have also found themselves in a situation of epistemological turmoil, during which their field of research is expanding, and methodological tools are improving. The basis of this article is the theory of complex systems. The range of forms of coexistence formed by the human population ("world order") is considered a complex dynamic system developing in time and space, whose evolution periodically experiences chaos of the organization, then forming new orders of social and political coexistence. Attention is drawn to the fact that the umbrella category of postcoloniality is becoming the framework concept for the processes unfolding in the territories of North and South ("world majority"). The state of postcolonialism, like postmodernity or postcommunism, is a transit situation, one more stage in overcoming various forms of natural and social oppression on humanity's route to the complex world order, a defining characteristic of which is sovereign personality.

Keywords: transit of civilization, epistemological turn, postcoloniality, post-colony, autocolonialism, activism, new initiative class, Afropolitanism, postmodernity

Citation: Neklessa A.I. (2024) The Broken Overton Window. Civilizational Transit and Postcoloniality. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 19–39. DOI: 10.31857/S0869049924040023, EDN: ZHNXLB (In Russ.)

*История – это наука о настоящем и будущем,
на которые мы смотрим сквозь призму прошлого.*
А.Дж. Тойнби

Сегодня привычный миропорядок становится все сложнее и неопределеннее, переворачиваясь в нечто новое. Одновременно меняется его понимание: подвергают сомнению принятые концепты, переоценивают смысловые начала и деятельные принципы планетарного общежития. Версии инакости, отрицая прошлое, преодолевают конвенции и состязаются за воплощение, предоставляя шанс если не понять «настающее настоящее» (В. Цымбурский), то по крайней мере услышать лейтмотивы и задуматься над особенностями формирующегося ландшафта. Цель этого процесса – обрести знание плаценты, в которую погружается мутирующий социоген популяции homo sapiens, образуя код, которому предстоит определить культурную стилистику эпохи и ментальность ее обитателей.

Раздвигая границы истории, мы, судя по всему, приближаемся к социальному и когнитивному перевороту. В настоящее время мир разнообразен и хаотичен, однако это не стохастический, а динамический хаос. Неспособность воспринять его потоковую связность отражает несовершенство сознания. Упорядочивая подвижные, неустойчивые «линии горизонта» [Attali 1990], люди преобразуют хаос в космос. Однако параллельно растет соприкосновение с неизвестностью и ее интерпретациями. В результате в корпусе, казалось бы, устоявшегося знания появляются трещины. Однако именно критический взгляд

на мир наиболее востребован, так как он позволяет выделить и осознать то, что порой противоречит привычным представлениям и ожиданиям.

Множатся путевые станции эволюции: узлы и терминалы (hubs & knots) людских взаимодействий в восходящих потоках истории. В процессе изменения демографической размерности и этно-расового баланса антропологической вселенной в ней формируется многочисленное, активное, комплексное номадическое сообщество, которое не привязано к географической локализации и национальной государственности. Оно продвигается к синтезу с постсовременностью, укрепляя позиции деколонизирующей современности интегрального космополитизма.

Постколониальная проблематика проявляется во все более широком круге явлений. Она становится существенным элементом той силы, которая воздействует на формулу и результат исторического переворота не только в региональном ракурсе былого «третьего мира», но и в глобальном измерении. Растет значение постколониальности как одного из «больших вызовов» наших дней, важного идейного ориентира социальных движений и междисциплинарного направления исследований. Бывший колониальный мир и его обитатели совершают транзит в новое состояние, продвигаясь от традиционного общества к современному строю, осваивая результаты деколонизации/суверенизации и утверждая, диверсифицируя свое присутствие в глобальном сообществе.

Предметом исследования выступают три релевантные времени категории, которые отражают лейтмотив и ландшафт происходящего на планете: «цивилизационный транзит», «эпистемологический поворот» и «постколониальность».

Цивилизационный транзит

Человек обитает, как минимум, в двух вселенных – природной и социальной. Этот факт налагает на него физические ограничения, но вместе с тем предоставляет определенные возможности и дополнительные степени свободы. Подобно расширению физического космоса, антропологической универсум нестационарен и склонен к экспансии. Антропологическая популяция имеет эволюционное целеполагание – исторический маршрут, который зависит от генерируемых человеком смыслов, присущего ему чувства гармонии и свойств динамического порядка, что предполагает переходы от одного «агрегатного состояния» общества к другому (рис. 1) [Неклесса 2018, 88].

Большие явления и процессы (природный космос, антропологическое сообщество, человек *per se*, его сознание [Неклесса 2013]) также претерпевают фазовые переходы, кризисы, инициации (rites of passage). Траектории футур-истории, не связанные анизотропностью физического времени, эксплуатируют богатство пересекающихся и запутанных меж собою хронотопов. Люди – генераторы своей оригинальной истории, их креативность рождает перемены и формирует властную композицию над периодически вскипающей магмой. Они политически обустроивают частные и общественные взаимодействия, что позволяет усмирять эксцессы и препятствует срывам в хаос. Однако, утрачивая обратную связь с *Zeitgeist*, они застывают и костенеют, подавляя и омертвляя этатистским хитином живую, бурлящую, творческую среду. Чтобы сохранять потенции организующей социум «умной силы» (smart power), Левиафану приходится сублимировать властные аффекты и время от времени не просто «сбрасывать кожу», но трансформировать институциональную морфологию, продлевая тем самым собственное существование.

Анализируя литературу о генезисе поселений, утверждении полисных порядков, истории (анамнез – диагноз – прогноз) имперских конгломератов и монархической суверенности, работы Т. Гоббса и Дж. Локка и современную историю, можно предположить, что

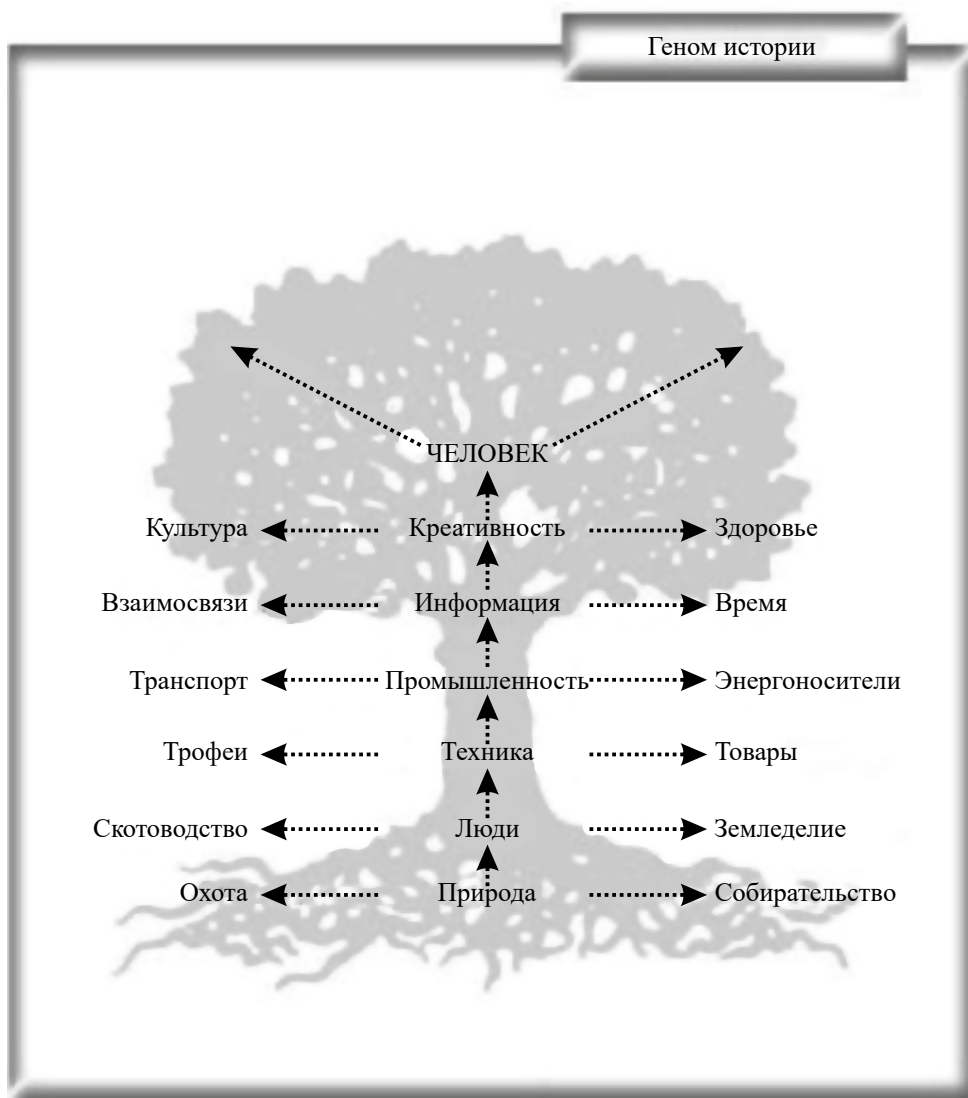

Рисунок 1. Геном истории

Figure 1. Genome of history

человечество приближается к масштабному транзиту. По мере модификации ценностных и институциональных настроек, то есть продвижения в состояние «пост» (будущее), количество проблемных ситуаций растет, а социальное время ускоряется. Перемены происходят с приливами и отливами эмансипации, демократизации, деколонизации, десегрегации: люди высвобождаются из-под прессинга сословной уязвимости, груза невежества, культурного господства и природного угнетения. Данные процессы происходят при увеличении демографической численности, этно-расового и конфессионального разнообразия популяции *homo sapiens*, интенсивных коммуникаций, глобальных миграций и острых

коллизий. Человеческий космос, подобно его физическому аналогу, расширяется, умножается и усложняется. Переживая череду трансформаций планетарной организации, он продвигается от имперской колонизации планеты, проходя через политическую деколонизацию и обустривая всемирный концерт наций, постепенно формируя трансграничную оболочку постсовременной/постколониальной номадичности с акцентом на личностном суверенитете.

История свободна в эскизах, композициях и даже искажениях идеала, ее разнообразие выражается в совокупности последовательно развивающихся сюжетов в духовной и практической сферах. Однако эти последовательности не обязательно линейны, а совокупности не всегда последовательны. Эволюция оперирует не количественным исчислением времени и не масштабированием пространственной экспансии, но всплесками перемен и результативностью обретаемого качества. Состояние Ойкумены происходит от пестроты замыслов и того, насколько эффективно они претворяются в жизнь; от динамической связности обширного мозаичного панно, которая одновременно выражается в изменениях, уничтожающих предшествующие диспозиции. Время устраняет неопределенность развилок; эволюция же, подавляя энтропию, преодолевает блуждания в аналоговых маршрутах земного лабиринта – изжитых ситуациях и прожитых судьбах. Это перманентное самосостязание, забег на длинную дистанцию.

Жизнь сама по себе представляет постоянный поток радикальных метаморфоз, деконструкций и реконструкций, что дает повод усомниться в прогнозируемости истории. Дорожная карта современности – это ареал скалярных рисков, которые могут вылиться в хаотизацию, инволюцию, гипер-адаптацию (негативная эволюция) или прорыв (рис. 2) [Неклесса 2019, 153]. Совершается, отягощенный срывами и рекуррентностями, переход из эпохи Современности к иному историческому ансамблю: мозаике социальных и культурных взаимодействий. В процессе редактируются и переписываются черновики эклектичного концепта Постсовременности, в рамках чего стремление к гармонии (трансгрессия миропорядка) зачастую трактуют как ее перерастание в эмпатию. Текущее же состояние системной трансформации миропорядка можно охарактеризовать как цивилизационный транзит.

Роковые обстоятельства и критические возможности возникают на очередном перекрестке исторического состязания в тот миг, когда стремительный Ахиллес и умело лавирующая черепаха оказываются в разных мирах.

Кризис эпистемологической оптики

Обсуждение ограничений и разграничений науки, то есть ее внешних и внутренних границ – это разговор об основаниях. Можно сказать, человек обитает даже не в двух, а в трех мирах: физическом, социальном и ментальном, погруженных в квантовую, антропологическую и бессознательную неопределенность. Стохастический и динамический хаос разъедают их изнутри, инициируя критические ситуации, повороты и перевороты. Природный космос, общественная организация и корпус знаний представляют собой зримые оболочки уходящих в бесконечность вселенных.

Три мира срачиваются в сложной целостности взаимодействий. Парадоксы универсальной «задачи трех тел» сказываются на этой комплексной среде. Совокупность природной действительности («сущее») и антропологической субстанции, включая организующую ее культурную матрицу («должное»), – это расширяющаяся и эволюционирующая система, которая периодически переживает кризисы («хаотизация организации»). В такие периоды она обретает новые качества, как позитивные, так и негативные.

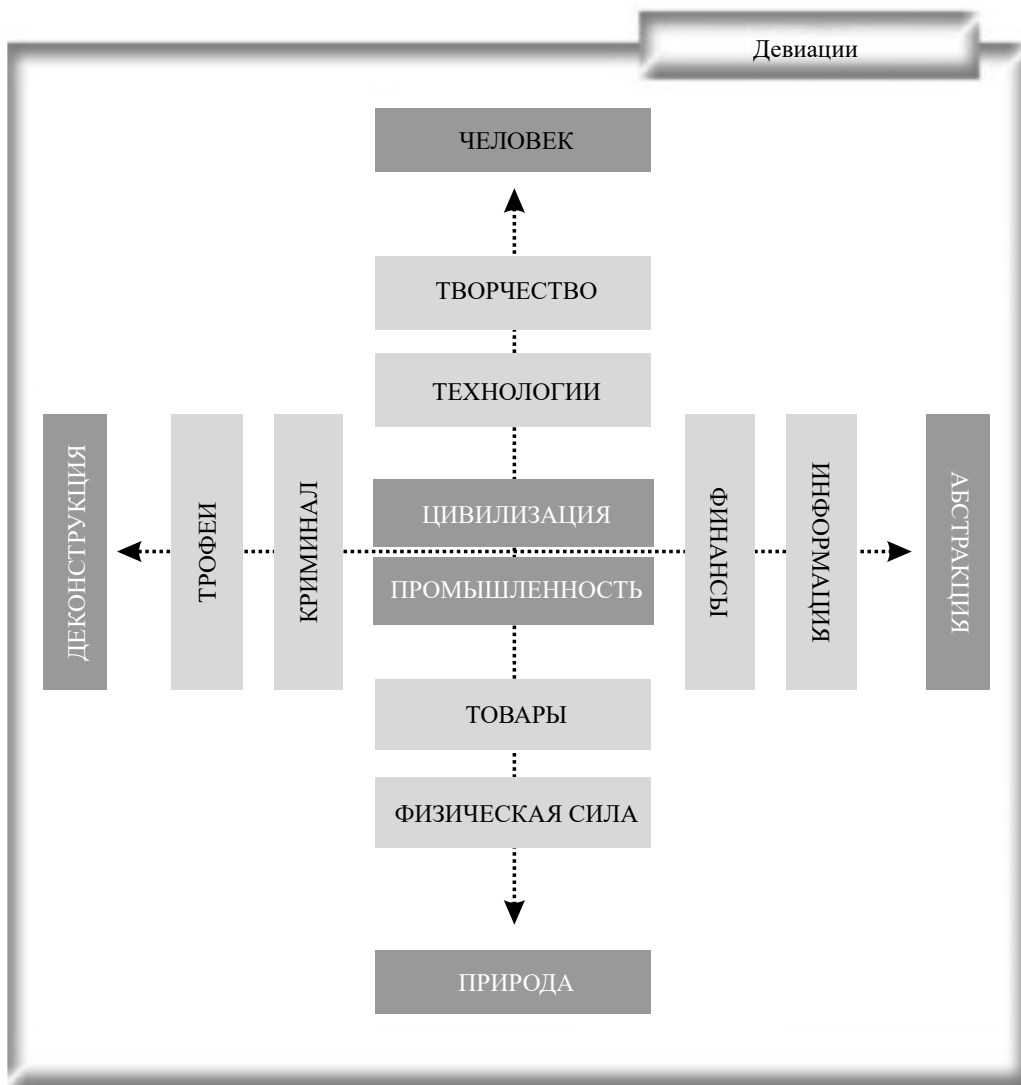

Рисунок 2. Девииации развития
Figure 2. Deviations of Development

Глобальная трансформация не только усложняет мир и углубляет знания о нем. Также в процессе появляется критика современной организации знания. Наука – влиятельный язык, который в рамках новоевропейской экспериментальной конвенции верифицирует и транслирует обитателям «аквариума Хокинга» [Хокинг, Млодинов 2022] трофеи знания, обретенного по пути в неизвестность. Методологический кризис ощутим и в естественных²,

² Знание о законах природы выходит на критическую проблематику: экспериментально подтвержденные свойства природы не совпадают с привычной логикой бытия. Эпистема современности переживает фундаментальный кризис, предполагая смену миропонимания, которая выступает следствием осмысления парадоксов «кванто-

и в социогуманитарных дисциплинах, которые познают природу и содержание человеческой практики на основании консенсусно признаваемых аксиом, эталонов и прочих интеллектуальных конвенций. Последние, тем не менее, не представляют собой законы, из-за чего они подвергаются сомнениям, разночтениям и перелицовкам (*perception is the reality*).

Меняются регламенты интеллектуального поиска, формулируются новые предметные поля, расширяется спектр исследовательского инструментария, получают признание и развитие междисциплинарные трансферы³. Познание в социогуманитарной области шло по двум направлениям: (1) стремление совладать с обилием многофакторных динамических процессов, оставаясь в русле сложившихся методологических и организационно-деятельностных схем, оптимизируя и развивая их, сопровождалось желанием (2) существенно расширить рамки «окна Овертона» – перестроить привычную аналитическую оптику, изменив лекала дисциплинарной рефлексии⁴.

Кроме того, еще в конце XIX в. в среде ученого сообщества обозначилась методологическая коллизия. Под влиянием исходящих из естественно-научного ареала эманаций сциентизма (к примеру, попытки неокантианства ограничить предметное поле философии сугубо методологической функцией) тенденции усечения «метафизики» в социогуманитарном дискурсе была противопоставлена, в частности, философия жизни (жизнь как самостоятельная реальность). Последняя имела точки соприкосновения с идеологией политического активизма (марксистской или иной), которая определяет знание через его творческую силу, а также с повесткой негритуада (Л. Сенгор, Э. Сезер, Л.-Г. Дамас). Последняя подвергает сомнению картезианскую модель истины, которая требует формальных доказательств неопровержимости – подобно тому, как уже в XX в. эманации неомарксизма, экзистенциализма и постструктурализма, «раскачивая лодку» академической традиции, способствовали формированию постколониальной и деколониальной проблематики⁵.

вого подсознания» мира. В частности, возникает проблема природы сознания и супервентности взаимоотношений физического и ментального миров как новой для естественно-научной парадигмы ситуации, которую сложно исследовать с классических позиций. В то же время осмысление этого «камня преткновения» неизбежно, поскольку во всем спектре интерпретаций квантовых эффектов роль сознания и физики сознания достаточно высока.

³ Неклесса А.И. (2024) На каком языке говорит история. Предвидение и планирование в протееобразной среде цивилизационного транзита // Дайджест РАН. Информационный выпуск № 9 (23 февраля – 1 марта). (<https://www.ras.ru/digest/shownews.aspx?id=f77acad7-5f94-46ec-aa46-90582c0f3eb3>).

⁴ Кризис в XX в. был отчасти компенсирован созданием и развитием общей теории систем, методов исследования операций (*operations research*), которые впоследствии переросли в теорию управления в простых и комплексных средах, изучение поведения сложных систем и генезис теории динамического хаоса (хаососложность). Данная трансформация сопровождалась суммарными достижениями в компьютеризации, освоением потенциала больших баз данных, резко возросшей скоростью обработки и объемом извлекаемой смысловой информации, а также спектром ее рекомбинаций. Изучается предсказательная сила неопределенных массивов сведений (эффект «черного ящика») вкупе с творческими возможностями специализированного/общего/супраискусственного интеллекта, ведется работа в области квантового программирования и фотонной архитектуры. Поисковая же активность связана с перспективами фрактального прогноза и хронологических матриц, их топологического исчисления с применением принципа дополнительности и потенциалов логики случайностей, использованием мультимодальных операций, художественного гештальт-анализа (арт-гипотез), освоением глубин когнитивной сложности: изучением мозаичных, потоковых, полевых состояний, эффективности неклассического оператора и синергичного взаимодействия. Все это ставит ученых перед рядом серьезных методологических вызовов в русле намечившегося эпистемологического поворота.

⁵ Ср. «Философы лишь различным образом объясняли мир; но дело заключается в том, чтобы изменить его» [Маркс 1955, 4] и «знание, не ставящее перед собой задачи изменить мир, не является истинным» [Mbembe 2008]. Истоки данной позиции уходят в библейскую и античную мудрость, а в европейской культуре по-разному проявляется у Ф. Бэкона: («знание само по себе есть сила», «*ipsa scientia potestas est*») («*Meditationes Sacrae*» 1597) и у Т. Гоббса в латинском тексте «Левифана» (1668), который упрощает ее до получившего распространение «знание – сила» («*scientia potentia est*»).

По словам камерунского интеллектуала и философа «новой волны» А. Мбембе, постколониальность, постколониальные исследования и постколониальная ментальность представляют собой эклектичный комплекс: «в его основе, с одной стороны, лежат идеи антиколониальной и антиимпериалистической борьбы, с другой – традиции западной философии и европейской гуманитарной мысли. Это фрагментированный, открытый стиль мышления, что является одновременно силой и слабостью»⁶. Что же касается деколонизации, прямо претендующей на роль реформатора социогуманитарных дисциплин, то эта деятельная конъюнктурная ипостась постколониальности проявляется как: (а) социокультурная антитеза широко толкуемой «ментальной колониальности» с акцентом на критическом мышлении и «освобождении умов» [Biko 2002]; (б) «эпистемологическое неповиновение» европейской сциентистской оптике [Quijano 2010, Mignolo 2011, Глостанова 2020]; (в) идео-идеологическая доминанта, активистский инструмент широкого спектра протестных движений и ползучей институализации социальных перемен из реестра «знание-власть» [Foucault 1979].

Деколонизация не только ставит проблему нарратива аналитического подхода, но в полном соответствии с принципами активизма стремится провести властную регуляцию социального текста. Она декларирует «деколонизацию знания» и «эпистемологическое неповиновение», утверждая роль «новой этики» (воукизм) в производстве и представлении плодов социогуманитарного дискурса. Провозглашая атаку на «казематы культуры» (à la Грамши), деколонизация констатирует кризис европейской академической традиции, она указывает на сциентистскую мимикрию гуманитарных дисциплин, их нормативную ригидность, навязываемые иерархии, претензию на универсальность европейской интеллектуальной традиции и эксклюзивный статус специфического языка эпохи индустриализма в социо-гуманитарном дискурсе (versus «эссеистика»).

Разнообразие объективных проблем и субъективных претензий в конечном счете может привести к эпистемологическому повороту: реформации нынешнего, вероятно, «фундаментально ошибочного» [Rosenblum, Kuttner 2011, 139] представления о мире, в котором мы обитаем. Превентивно же опознать иное, переосмыслить признанные компетенции и технологии – значит произвести когнитивную и социальную революцию (принципы как принцессы), то есть совершить транзит, шагнув в пустоту. Результат, – когда и если его удастся достичь – способен повлечь смену мировосприятия, аналогичную по драматизму генезису новоевропейской науки. Он приведет к сдвигам в социальной ментальности, культурным потрясениям, переменам в мироустройстве и навигации исторического действия.

Постколониальность как фрактальный извод Постсовременности

В 2024 г. исполнилось 72 года с выхода статьи французского демографа А. Сови «Три мира, одна планета». На заре политической деколонизации французский демограф, социолог и антрополог сумел одной фразой заглянуть в будущее, которое сейчас формируется на наших глазах.

В этой работе впервые была сформулирована категория «третий мир» (как подчеркивал автор, «самый важный»), которая в последующие десятилетия стала мемом. В общественных дисциплинах она стала одним из наиболее часто употребляемых концептов, хотя

⁶ Mbembe A. What is Postcolonial Thinking? An interview. Eurozine. 9 January 2008. (<https://www.eurozine.com/what-is-postcolonial-thinking/>).

ее содержание и отличается от оригинального замысла. Между тем изначально заложенный в данное понятие смысл пережил как пертурбации политической деколонизации, так и конъюнктурные идеологические интерпретации, оказавшись, возможно, даже более глубоким, чем мог себе представить сам автор.

Впоследствии Сови так описывал генезис термина: «В 1951 году в бразильском журнале я говорил о трех мирах, но не использовал выражение “третий мир”. Я создал его и впервые употребил в письменной форме во французском еженедельнике “L’Observateur” от 14 августа 1952 года. Статья заканчивалась так: “потому что, наконец, этот «третий мир», игнорируемый, эксплуатируемый, презираемый подобно третьему сословию, теперь тоже хочет быть чем-то”. Таким образом, я модифицировал знаменитую фразу де Сийеса о третьем сословии времен Французской революции⁷. Я не добавлял (но иногда говорил, в шутку), что капиталистический мир можно приравнять к дворянству, а коммунистический мир к духовенству»⁸.

Гуманитарное и техническое развитие плохо совместимы с имперской и традиционалистской иерархичностью, авторитарным стилем правления, nepotизмом, клановостью. Возникший на руинах феодально-сословного миропорядка мир основан на секулярном мировидении, городской культуре, режиме представительной власти, гуманизме, естественнонаучном осмыслении жизни и рациональном подходе к практике. В его обустройстве существенную роль сыграли идеи просвещения, прогресса, экономического развития, политического конструктивизма, представление о прирожденных правах и высоком предназначении человека. События нового и новейшего времени, противостояние Старого и Нового Света при всех трагических изломах современной истории демонстрируют, что суверенизация народов и субъективация людей распространяются по планете. Они стремятся к социальной эмансипации и к универсальной эмпатии (пясть D): демократизация – деколонизация – десегрегация – легитимация инакости (diversity) – утверждение достоинства личности (dignity).

Постколониальную проблематику сегодня опознают и утверждают во все более широком круге явлений в региональных и глобальном ракурсах. Колониальность продолжает существовать в неполноценно постколониальном мире как феномен и как проблема, однако борьбу за политический и экономический суверенитет дополняет и замещает практика социокультурной и психологической деколонизации людей и сообществ. Южноафриканский политический активист и антрополог А. Мафиджи, полемизируя с афропессимизмом А. Мазруи в период преобразований в Африке⁹, писал: «Нам нужна не только политическая деколонизация, но еще и ментальная» («We need decolonization in Africa not only of the body polity but also of the mind») [Mafeje 1995, 20].

⁷ «Что такое третье сословие? – Все. Чем оно было до сих пор в политическом отношении? – Ничем. Чем оно желает быть? – Чем-нибудь» [Сийес 2003].

⁸ Sauvy A. TROIS MONDES, UNE PLANÈTE. Société Démographie – En vrac. L’Observateur, 14 août 1952, n°118, page 14. (<http://www.homme-moderne.org/societe/demo/sauvy/3mondes.html>).

⁹ «Значительная часть современной Африки находится в процессе угасания и распада. Даже относительно высокий уровень зависимой модернизации, достигнутый при колониальном владычестве, теперь утрачивается. Последовательное крушение государственности в одной за другой африканской стране в начале 1990-х годов подсказывает невероятное доселе решение: реколонизация. Для все большего количества африканцев это становится горькой правдой после страшных событий в Руанде. Если африканцы весьма успешно объединились для борьбы за национальную свободу, то, очевидно, нам не удалось объединиться во имя экономического развития и политической стабильности. Война, голод и разруха стали постколониальной реальностью для слишком многих африканцев. В результате встает вопрос о реколонизации извне, на сей раз под знаменем гуманизма». В: Mazrui A. Decaying Parts of Africa Need Benign Colonization. International Herald Tribune. 4 August 1994.

Постколониальность представляет собой образ мыслей, психологический аутопоэзис и способ бытия, состояние после колонизации, процесс перманентной ментальной и нравственной деколонизации, академическую перспективу и практический активизм, стимулируемые резонирующей и побуждающей к деятельности идеей универсальной эмансипации. Его также можно считать концептуальной рефлексией этоса деколонизации: это междисциплинарное осмысление различных конструктивных и деструктивных аспектов постколониального статуса, критическая мозаичная доктрина – когнитивная реституция, вписанная в контекст общей деконструкции современной эпистемологической архитектуры. В области дисциплинированной рефлексии постколониальность – это сумма исследовательских и образовательных практик (их социо-гуманитарное масштабирование): (а) общее направление мысли, то есть интеллектуальный поиск; (б) критическая теория универсальной деколонизации – разнообразие перепрочтений и аргументированных гипотез колониальности; (в) зонтичная академическая дисциплина.

Соответственно, постколониальный мир нельзя считать просто суммой территорий, которые обрели политическую независимость от метрополий. Она – это пришедшие в движение народы, люди, вовлеченные в сотворение истории, сумма их оригинальных и разнообразных инициатив. Осмысление универсальной постколониальности как «большой проблемы» цивилизации со сложным разновекторным потенциалом приводит к тому, что меняется восприятие и редактируются исторические и культурные генеалогии не только Африки или Азии, но также Америки и Европы. Постигается опыт людей и сообществ, завоевавших призывы, осваиваются тяготы личного и группового суверенитета. В наши дни политическая деколонизация уже практически вытеснена из мировой повестки сюжетами мультикультурной реинтеграции, этно-расового калейдоскопа с привкусом постколониальной интервенции в соответствии с прогнозом: «если Европа не идет в Африку, Африка придет в Европу». Речь, однако, идет не только о захлестывающих континент потоках мигрантов¹⁰.

Африканский континентальный транзит

Что есть Африка? Ответ на этот внешне простой вопрос может зависеть от оптики: физической, культурной, политической. Слишком простой для контекста исследования вариант может звучать так: Африка – это материк, лежащий к югу от Европы между Атлантическим и Индийским океанами. Однако в социальном и гуманитарном ракурсе Африка – это главным образом люди и сообщества, которые проживают на данном континенте, а также система взаимодействий между ними.

Здесь уже возникают сложности: проекции разнятся в зависимости от того, на какие характеристики делают акцент – расовые, этнические, племенные, культурные или конфессиональные. От их суммы и конфигурации зависит тот или иной результат сборки. Дизайн цивилизационного текста также подвижен, возможны разные его модели. Рассматривать ли Северную Африку как часть Ближневосточного ареала или анализировать ее вместе с Африкой южнее Сахары как единый регион? Либо, напротив, разделить их, исходя из культурных, расовых и конфессиональных оснований? Или же воспринимать

¹⁰ Ср. с комплексностью исторического эффекта от былого «переселения народов» – важного компонента системного переворота той эпохи: воздействие «варварских» культур на цивилизационные коды Античности, растворение в этих бурных водах прежнего строя с его ценностями и нормативностью, распространение своего рода «новой нормальности» (христианства) вместе с заметно более жесткими аналогами «культуры отмен» и умножением племени *hominī modernī* той эпохи.

и описывать всю эту турбулентную совокупность как региональную целостность в процессе становления – обширный Афразийский комплекс?

Наконец, доминирующее сегодня видение региона формируется через призму идей и принципов политической картографии Современности. Политическая оболочка Черной Африки отражает нормотворчество Нового и новейшего времени (институт национальной государственности, формирование наций), которое в значительной мере представляет собой продукт колонизации/деколонизации последних 150 лет¹¹. Сформировавшаяся в этот период конфигурация стала основой внешнеполитической географии суверенной Африки, а природная континентальная граница материка определила наиболее удобную форму ее интегральной субъектной репрезентации как Африканского Союза 55 стран¹².

Таким образом, Африка, какой мы ее сегодня представляем и знаем, – это комплексный феномен, вписанный в исторически и политически сложившуюся современную ситуацию. Динамичный же «африканский гештальт» можно выразить, komponуя различные аспекты конъюнктурной действительности (что, кстати, сказывается и на различии организационных форматов научных учреждений, которые исследуют континент). Африка разнообразна и даже разнородна по содержанию, сложна для анализа. Ее лишь условно можно свести к расхожим обобщениям, основанным на территориальной связности или цвете кожи большей части ее обитателей. Даже имеются нюансы и различия, содержащие прототипы иных востребованных временем политических композиций.

Африканский транзит выступает составной частью глобальной трансформации. В новейшей истории континент и его обитатели совершали и продолжают совершать комплексный переход от традиционного общества и его институтов к современному социальному строю. Они осваивают результаты континентальной деколонизации и разнообразные плоды политической суверенизации, а также диверсифицируют свое сопричастие в трансграничном сообществе. Африка – один из наиболее нестабильных регионов мира: состояние постколониальности, подобно постмодерности и посткоммунизму, представляет собой транзитную среду – смешанный уклад и переходный этап от колониальной, индустриальной или тоталитарной угнетенности человека к сложноорганизованному трансграничному мироустройству, определяющей характеристикой которого выступает суверенная личность.

«Модернизация и стремление к современности – вероятно, наиболее всеобъемлющие и всепроникающие особенности нынешней социальной сцены», – писал американский социолог Ш. Эйзенштадт в годы интенсивной деколонизации Африки [Eisenstadt 1966, 1]. Однако путь к современному обществу, реальному суверенитету и самоопределению нации непрост, извилист и запутан. Эйзенштадт, углубленно изучавший разнообразные пути к модернизации неевропейских обществ, обращал внимание на следующее обстоятельство: «В то время как общая тенденция к структурной дифференциации развивалась в широком спектре институтов в большинстве этих обществ – в семейной жизни, экономических и политических структурах, урбанизации, современном образовании, массовой коммуникации и индивидуалистических ориентациях, – способы, которыми определялись и организовывались эти арены, сильно различались в разные периоды их развития, порожд-

¹¹ В 1870 г. под формальным европейским контролем находилось приблизительно 10% территории Африки, а в 1914 г. уже почти 90%. Политическая же деколонизация континента фактически завершилась к восьмидесятым годам XX в.

¹² Ситуацию можно условно сравнить с постепенной международно-правовой формализацией судьбы индо-станского конгломерата: генезис политических бифуркаций и прохождение стратегических альтернатив в постколониальный период с острыми конфессиональными и территориальными конфликтами, сецессиями, войнами из-за спорных территорий (и по иным причинам). Исторический транзит привел к нынешней внешнеполитической конфигурации ареала, воспринимаемой сегодня как данность [Wallerstein 1991].

дая множество институциональных и идеологических моделей. Примечательно, что эти модели не были простым продолжением традиций соответствующих обществ в современную эпоху... Многие из движений, которые развивались в незападных обществах, выражали сильные антизападные или даже антисовременные темы, однако все они были отчетливо современными» [Eisenstadt 2000, 1–2].

Исход из колониальности приводит к проблемам постколониальности статуса. Формируется новый класс угроз, который проявляет многоликость, цепкость колониальности – возникает феномен постколонии¹³. С обретением политической суверенности к конфликту традиционного общества (и его институтов) с современным укладом добавляется угроза автоколониальности. Теперь узурпировать национальную власть могут суверенные правители, которые продолжают, подобно колониальным администрациям, эксплуатировать население и присваивать национальные богатства, проводя политику политического господства, личного обогащения, террора и прочих неоколониальных практик.

Так, уже на первой Бандунгской конференции стран Азии и Африки осуждали не только «классический» колониализм, но и иные его версии, в том числе автоколониализм. «Я заклинаю вас не представлять колониализм только в той классической форме, с которой знакомы мы, индонезийцы, и наши братья в различных частях Азии и Африки. Колониализм имеет также современное обличье в виде экономического контроля, контроля над мыслями, фактически полного контроля небольшой, но чуждой интересам общества группы людей внутри страны. Это искусный и упорный враг, он появляется под многими масками», – заявлял президент Индонезии Сукарно [Боулс 1956, 7].

Парадоксально, но богатые природные ресурсы способны трансформироваться из достояния нации в ее обременение благодаря лозунгам национализации (и «огосударствления»). Экспроприрующая национальный суверенитет верхушка, наделенная формально делегированной либо обретенной в ходе национально-освободительной борьбы властью, присвоив к силовой составляющей (репрессивный аппарат, вооруженные силы) финансовый ресурс, получает возможность сосредоточить в своих руках политическую и экономическую власть. Такая ситуация упрощает контроль над социальной и политической инфраструктурой общества, одновременно сдерживая диверсификацию социально-экономического уклада и ограничивая развитие институтов и сил, которые могут подорвать монопольно-властные позиции автохтонных колонизаторов.

Фактическая реинкарнация исторических антагонистов в постколониальном тексте демонстрирует глубину природы и пестроту оболочек колониальных/неоколониальных взаимоотношений. Таким образом, автоколониальность как местное перевоплощение, казалось бы, изгнанных из региона внешних субъектов угнетения оказывается еще одним барьером на пути постколонии к реальному самоопределению и суверенитету.

¹³ «Кения и почти каждая африканская страна порождены концом империализма. Наши границы чертили не мы. Их установили в далеких колониальных мегаполисах... Вместо того, чтобы формировать нации, с опасной ностальгией смотрящие назад в историю, мы решили стремиться вперед, к величию, которого никогда не знала ни одна из наших многочисленных наций и народов. Мы решили следовать принципам Организации африканского единства и уставу Организации Объединенных Наций не потому, что нас устраивают наши границы, а потому что хотели выковать что-то большее, в мире... Мы должны завершить наше возрождение из пепла мертвых империй таким образом, чтобы не вернуться в новые формы господства и угнетения. Мы отвергли ирредентизм и экспансионизм по любому признаку, включая расовые, этнические, религиозные или культурные факторы». STATEMENT BY AMB. MARTIN KIMANI, DURING THE SECURITY COUNCIL URGENT MEETING ON THE SITUATION IN UKRAINE. The Permanent Mission of the Republic of Kenya to the United Nations. 21 February 2022. (https://www.un.int/kenya/sites/www.un.int/files/Kenya/kenya_statement_during_urgent_meeting_on_ukraine_21_february_2022_at_2100.pdf).

Социокod африканского транзита

Социальный код африканского транзита от традиционного общества к современному строю (Le Code Social du Transit Africain, SOCOTRA) включает ряд ключевых моментов в русле социо-политической и культурной трансформации.

Культурный шок. Современность характеризуется ментальной и социальной мобильностью. Она отрицает статику традиционного общественного уклада, представляя собой разнообразие освобожденных от спячки человеческих реакций, способность активно сомневаться в существующих практиках, менять и совершенствовать их, при необходимости – радикально. Традиционное общество, оказавшись в плотном контакте с Современностью, испытывает перманентный культурный шок. Сперва он приводит к кризису отношений, а затем – к трансформации людей и институтов.

Дихотомия. Колониальный стиль правления был фактически разделен на «две формы под единой гегемонистской властью» [Mamdani 1996, 18]. Одна система действовала для европейского населения колонии, другая – для туземного. Первая власть располагалась в основном в городских центрах, другая, племенная, – в сельской местности. Данное разделение в основном совпадало и с практиками сегрегации между европейскими «гражданами» и африканскими «подданными».

Трансфер. Между тем инфильтрация местного населения в городские центры носила постоянный и расширяющийся характер – это универсальный процесс. Полученная при вхождении в современное («городское») сообщество социокультурная травма (уязвленность традиционной ментальности) сопровождалась сознательным и бессознательным переносом общинных форматов в новую оболочку. Население пыталось удержать в непривычной среде привычную инфраструктуру жизнеустройства и воспроизвести в той или иной форме систему традиционной власти. Племенные ритуалы и практики, модифицируясь, образуют неустойчивый симбиоз с современными институтами. В результате формируется режим, в котором неутрализованный вождизм и механический коллективизм мимикрируют под современную организацию общества, выражаясь, например, в номинально свободных выборах и фактическом преобладании политики над правом. Воспроизводится фасад демократических институтов, однако соответствующего содержания они лишены.

Инициация. Мимикрия клановости, вождизма и nepотизма под современные институты и практики порождает социальные и политические химеры, провоцируя периодические обострения конфликта двух сред. Однако параллельно появляется и другая тенденция: развивается и растет (качественно/количественно) городская среда, экономическое («рыночное») взаимодействие стимулируют становление горожанина-гражданина, его психологическую и социальную реконституцию. Укрепляется самосознание, возникает понимание национальной/гражданской ответственности, ускоряется общественная мобильность, диверсифицируются индивидуальные жизненные стратегии, личностная эмпатия начинает преобладать над племенной солидарностью. В ходе социокультурной трансформации складывается средний класс, созревает гражданское общество, выстраивается современная политическая инфраструктура. Конкуренция современного строя с неутрализованным постепенно распространяется на все уровни организации социума, включая как местное, так и государственное управление.

Кризис. На пути от гибридных конструкций своего рода карго-культы, фальш-панелей вместо институтов современного общества к полноценной национальной государственности может возникнуть точка бифуркации: развивается острый конфликт выбора и, в той или иной форме, системный кризис с последующим закреплением либо обрушением

достижений модернизации. На этом этапе подвергается испытанию крепость, доброкачественность современных институтов, возведенных в политической конкуренции с имитирующими их симулякрами.

Разрешение кризиса. При позитивном разрешении кризиса вождистские, клановые, милитаризованные структуры теряют власть или исчезают, а патронажно-клиентальная система распределения национальных ресурсов оказывается скомпрометирована. Деконструкция псевдоморфоз современности и деструкция социокультурных химер освобождает молодую нацию от автоколониальности с ее экстрактивными институтами. Образуется социополитическая целостность, которая нацелена на реальное развитие общественной и политической инфраструктуры, осознание национальной субъектности, умножение современных публичных и трансграничных коммуникаций. Одновременно генерируются элементы постиндустриального строя, растет спрос на информационные, финансовые, образовательные и творческие услуги. Устанавливаются также контакты с постсовременной средой, осваиваются форматы соприсутствия в ней.

В противном случае власть оказывается в руках военной или религиозно-ориентированной группировки. Цивилизация уплощается, что сопровождается обострением межплеменных или межконфессиональных конфликтов, эксплуатацией образа врага, неоархаизацией общества и общей демодернизацией среды (девальвация принципов/ценностей модернизации, замещение ее сугубо техническим – преимущественно военно-техническим – инструментарием). В поисках источника легитимации они обращаются к мифифицированному прошлому под прикрытием официально признанной «золотой легенды». Политическая реакция и характерный для нее режим диктатуры, лишая граждан политической субъектности, порождает социальную эклектику и оставляет после себя хаос. Общая деградация неокрепшей государственности, в свою очередь, может привести к ее фактическому распаду, которая выражается в той или иной форме «сомализации».

Катастрофа может также стать новым образом жизни со специфическим деструктивно-производительным модусом вплоть до воспроизводства феноменологии «культуры смерти»¹⁴. Глобальное пространство мирового андеграунда предоставляет широкие возможности для экспорта деструктивного инструментария и специфических услуг (военная или террористическая активность, генерация и маршрутизация потоков беженцев, воздействие на морские/континентальные транспортные и нефтегазовые артерии, физические и виртуальные средства глобальной коммуникации и т. п.).

Современность в целом не представляет собой завершенный или совершенный проект. Подводя промежуточный итог, можно представить комплексную модель возможных маршрутов африканского транзита: трансгрессия, адаптация, архаизация, деструкция (см. рис. 2). Социокультурная трансгрессия сопряжена со становлением национального и личного суверенитета, а также трансграничного образа жизни в оболочке планетарных взаимодействий. Другие траектории предполагают усиленную адаптацию к техническому/информационному протезированию (негативная эволюция) или стремление к реституции квазитрадиционного общества, либо яростные попытки воплощения идеологических/конфессиональных утопий.

¹⁴ «В катакомбах Крайнего Юга формируется зона, ... чей козырь и неотчуждаемый ресурс – поставленная на кон и эффективно разыгранная смерть... Культура смерти – выходящая из глубин подсознания в пространства общественной практики тяга к массовой деструкции и автодеструкции. Тяга, носящая порой иррациональный характер, однако использующая достижения современной цивилизации и воплощаемая в широком диапазоне... Социальное время начинает обратный отсчет, а в обществе растет предчувствие макабрической цивилизации – неведомой прежде эпохи, когда смерть становится главным импульсом, ценностно-насыщенным, социально и культурно разработанным содержанием жизни» [Неклесса 2006].

Проблематика, связанная с цивилизационным транзитом Африки, осложняется генезисом элементов постсовременного строя в современности¹⁵. Трансграничность, творческое разнообразие, персонализм – органичные характеристики данной эпохи, однако они же очевидно дестабилизируют современный мир, а в африканских транзитных ситуациях усиливают неопределенность. Укрепление позитивных, диалоговых взаимодействий в системе национальных терминалов повышает устойчивость рождающейся динамической конструкции Ойкумены [Неклесса 2023].

«Другие» как субъекты перемен

При любом варианте развития мировой ситуации постколониальность остается влиятельным фактором в трансформационном процессе. Она представляет собой «большую проблему» и важный элемент той силы, которая влияет на формулу и результат цивилизационного транзита – причем не только в региональном, но и в глобальном измерении. Однако ее влияние проявляется по-разному. Все чаще речь идет не столько о существенных переменах политических и геοэкономических параметров планетарного ландшафта, но об изменении демографической размерности, этно-расового баланса, «расцветивании» культур, ревизии реестра современных институтов и новом историческом консенсусе.

Смена эпохи создает, активизирует и актуализирует определенный круг идей и людей. Как отмечал американский философ Э. Саид, расширяющееся поле критической мысли означало «зарождение то тут, то там нового интеллектуального и политического сознания» [Африка... 2020, 27].

Экзерсисы постколониальности нередко обретают вид политизированного активизма, а нетерпимость к системам со множеством уровней и подвидов дискриминации затрагивает ряд социальных и юридических конвенций, изменяя интерпретации и влияя на правоприменение. В мультирасовом и мультикультурном контексте она может прямо опровергать и отвергать их, пытаясь заместить их иными нормами права и кодами поведения, производными в том числе от убунту и уммы. Данный факт представляет современное состояние философии права и всего дисциплинарного корпуса практики (особенно этики) в невыгодном свете. Они выглядят уязвимыми, а значит, открытыми для углубленной рефлексии. Постколониальные мотивы очевидным образом присутствуют и соучаствуют в создании новых публичных инструментов перемен (воукизм, новая этика, культура отмены, BLM, Je Suis и др.), которые борются за устранение стигматов, рудиментов и призраков расизма, супремасизма, шовинизма, патернализма, инструментального отношения к людям и других форматов прямого и косвенного насилия уничтожающих господств и тиранствующих властей.

Трактовки постколониального состояния и «африканства» множатся. Порой теоретики и практики активизма довольно широко трактуют его и не только как метафору социокультурных устремлений, психофизических свойств или приверженности радикальной демократической повестке. В интервью журналу *Libération* А. Мбембе, отвечая на вопрос о статусе чернокожего человека, диверсифицирует расовый интеграл, разбавляя его классовым содержанием и, фактически, превращая в актуальный извод «изгоев-пролетариев»: «Это класс, или раса, или определенная группа лиц, вне зависимости от цвета кожи, по отношению к которым прежде различие между человеческим субъектом и вещью больше

¹⁵ В данном контексте появляются мысли об исторической перспективе Второго осевого времени [Ясперс 1991, 113–114]. Или, как в свое время более скромно выразился У. Бек, сузив проблематику перемен: «другая Современность» [Beck 1992].

не работает. Все гораздо хуже: это люди, которые не нужны, это лишний класс, который ни один господин не желает держать при себе даже в качестве раба. Проблема не в том, что их эксплуатируют: если бы они даже этого захотели, то вряд ли на их труд нашелся бы спрос»¹⁶ [Мбембе 2016].

Постколониальность, прочитанная как форсированное умножение левой идеи, интегрирует установки постсовременного радикализма и деколониальности с ранними воззрениями К. Маркса¹⁷, обнаруживая так и не найденных им в обществе своего времени «истинных пролетариев», которые в релевантных эпохе революционных сценариях были заменены «рабочим классом». Ее также сопрягают с неомарксистской ревизией стратегии действий и определением субъекта перемен (А.Грамши, представители Франкфуртской школы), которая постулировала тему культурной контргегемонии и революционной роли интеллектуального класса. Затем эта политическая гравитация перемен была помножена на энергетику конфессиональной нетерпимости вкупе с миллениаристскими, манихейскими либо эсхатологическими мотивами, агротескный симбиоз просвещенного интеллектуала-революционера Фанона с облаченной в хиджаб Вандеей был предложен как имманентный глубинный извод. Однако складывающаяся сейчас [Attali 1990] историческая ситуация и антропологический конфликт, которые в настоящее время проглядываются за линиями горизонта [Attali 1990], могут оказаться еще парадоксальней и сложнее.

«Проект глобального масштаба»

Претензия на будущее зависит от обладания настоящим и достигнутого уровня субъектности, однако она не исчерпывается ими. В момент, когда мироустройство ощущает тектонические толчки и начинает меняться, «темнокожесть» оказывается характеристикой, которая определяет позицию нового инициативного класса, занимающего политически важную нишу и стратегически значимую позицию.

Совокупная постколониальная страта сегодня охватывает правительства и населения многочисленных деколонизированных стран, обретших статус национальных суверенов («мирового большинства»), расселившихся по планете нескольких поколений постколониальных переселенцев и их потомков, которые сегодня представлены в политической, экономической жизни бывших метрополий, в международных организациях, академическом мире и культурном пространстве планеты, а также экономических мигрантов и прибывающих волнами беженцев. Данную ситуацию скорее можно назвать «переселением народов», чем «утечкой мозгов», что подтверждает мысль о появлении нового, многоликого субъекта действия.

Аккумулируя расовое разнообразие, интегральная «темнокожесть» оказывается мозаичным и внутренне противоречивым, но деятельным агентом исторического процесса. Со временем он предельно заполняет демографическую емкость планеты, воздействуя как на мировую повестку, так и на внутриполитические процессы в, парадоксальным образом, «реколонизируемом» мире.

¹⁶ Ашиль Мбембе: «Франции трудно поспеть за меняющимся миром» Гефтер. 07.10.2016. (<http://gefter.ru/archive/1962114.02.2024>).

¹⁷ Ср. динамизм, пластичность, провокативность постколониальной/постсовременной социальной мысли с марксовым определением смысла истории как перманентного транзита популяции в стремлении избежать опредмечивания (воспринимаемого как коллапс) живой жизни: «Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние» [Маркс, Энгельс 1955, 34].

Декларируемый генезис нового инициативного класса знаменует как модификацию мирового электората, так и присутствие уже сейчас в политико-управленческой страте фигур, которые, вне зависимости от их политической ориентации, в немалой степени появились благодаря составу избирателей в крупнейших странах Севера: Б. Обама, К. Харрис, Н. Хейли, В. Рамасвами, Т. Габбард, К. Пауэлл, Л. Остин, Ч. Куинтон Браун, Р. Сунак, Х. Юсуф, С. Хан, Н. Фарадж, П. Патель, К. Ахмат Хан и др. Результат – авторское соучастие в сюжетах цивилизационной навигации.

Параллельно комплексная идентичность нового номадизма становится вызовом «глубоко статичному пониманию идентичности... [когда] человека определяют через нацию» [Cauid 2012, 31]. Т. Селаси, провозвестница идеи афрополитанизма, так охарактеризовала свою сложную идентичность: «я не знаю, откуда я! Родилась в Лондоне. Мой отец из Ганы, но живет в Саудовской Аравии. Моя мать – из Нигерии, но живет в Гане. Я же выросла в Бостоне» [Tuakli-Wosornu 2008, 36]. Подобное отсутствие стойкой земной идентичности¹⁸ и многообразие, которое возникает из-за динамичного образа жизни новых кочевников поверх государственных границ и национальных барьеров, дает им определенные преимущества.

Отношения афрополитов [Mbembe 2017] с исторической родиной отличаются некоторой двусмысленностью, за что их часто критикуют, а они сами вынуждены оправдываться: «Наша обязанность – использовать полученные на Западе знания для того, чтобы помочь Африке справиться с трудностями, поскольку, как гласит пословица ибо, “стыдно не безумцу, а его родственникам, слышащим насмешки”. Нас судят по нашему происхождению. Мы – неофициальные послы нашей культуры. И до тех пор, пока не будет достигнут баланс между развитием Африки и Запада, нас будут воспринимать как слабых вне зависимости от вклада в мировой прогресс»¹⁹.

Декларации и амбиции «темнокожих космополитов» представляют собой моральную рекреацию, освобождение сознания от оккупации прошлым, стремление утвердить собственную стезю и полихромную идентичность в мире вероятностей и возможностей – сумятице происходящих и надвигающихся перемен. Тут можно вспомнить размышления о «глобальной Африке», которые имеют непростые обоснования и на протяжении своей истории неоднократно меняли тональность. В частности, кенийско-американский политический философ А. Мазруи неоднократно высказывался в духе афропессимизма («Глобальная Африка: от аболиционистов к репарационистам») [Mazrui 1994], а затем вновь в более позитивном залоге («От кораблей невольников к космическим кораблям») [Mazrui 1999].

Дальний рубеж – это слияние, ингрессия (по А.А. Богданову) постколониальности с глубинными ренессансными токами, которое образует облачную популяцию деколонизированного космополитизма как интегральную часть трансграничного сообщества с неопределенной структурой²⁰. В политическом аспекте оно выражается в обретении

¹⁸ Ср. «Живут они в своем отечестве, но как пришельцы; имеют участие во всем, как граждане, и все терпят как чужестранцы. Для них всякая чужая страна есть отечество, и всякое отечество – чужая страна». [Св. Иустин-философ 1995, 384].

¹⁹ Virtual African Diaspora (VAD). Manifest. (www.virtualafricandiaspora.com).

²⁰ Преодоление природных ограничений и трансгрессия наблюдаемого социального горизонта представляют собой ось и вектор этой сложной навигации. Естественным пределом для экспансии антропологической вселенной не могут быть количественный рост компонентов или расширение популяции, которое приводит к исчерпанию пространства и конкурентному прочтению физически доступного ареала. Приток энергии происходит в не имеющем внятных пределов индивидуальном и социальном развитии. Иначе говоря, полнота личного суверенитета, усложняя архитектуру антропокосма из любой точки, увеличивает его комплексную размерность

авторского соучастия в сюжетах цивилизационного транзита. В конечном счете постколониальность, обозреваемая сквозь разноцветную призму глобальной деколонизации, – «это фрактальный извод постсовременности. Или, иначе говоря, постсовременность есть универсальная постколониальность (точнее, они когерентны)» [Неклесса 2022]. Результирующая интерференция волн постколониальности, ее принадлежность к постсовременной суперпозиции обретает черты «проекта планетарного масштаба»²¹.

Количество – это особого рода качество; декополиты (деколонизированные космополиты), предвещая и воплощая приливы человеческой популяции, заселяют землю в атмосфере нахлынувшей новизны. Они способны существенно и радикально трансформировать этнические, культурные и конфессиональные профили наций, влияя на вектор и содержание постсовременности, ее смыслообразующую субстанцию и будущие координаты мироустройства. Происходящее на планете – сполохи выразительных предчувствий, приходящая необжитого здания оригинальной, сложной и подвижной архитектуры²². Обитатели же прежнего корпуса цивилизации тоже вовлечены в этот грандиозный «переезд». Они готовы либо участвовать во вселенской реновации, либо противостоять ей или же просто адаптироваться.

Обращая былые обременения в ресурс, «глобальная Африка» – от национальных суверенов до влиятельных представителей афрополитанизма, экономических переселенцев и беженцев (то есть речь идет скорее о «переселении народов», чем об «утечке мозгов») – создает многоликое интернациональное сообщество. Разнообразие, дополняемое конфессиональными неурядицами, вызывает местами взрывное противодействие и аналогичные ответные действия. В итоге формируется многоликое трансграничное сообщество, которое демонстрирует претензию «завоевать мир» и обладает необходимой для этого потенцией. Обретая стратегическую влиятельность, оно перехватывает историческую инициативу²³. Так сбывается предвидение французского демографа и социолога А. Сови, который сравнил потенциал «третьего мира» с силой, которая когда-то разрушила феодально-сословный миропорядок: «Этот третий мир, игнорируемый, эксплуатируемый, презираемый подобно третьему сословию, теперь тоже хочет быть чем-то» [Savy 1952, 14]. В каком-то смысле история повторяется.

А. Мазруи на исходе XX в. по-своему и в идеалистической тональности переписал сюжет об империи, «над которой никогда не заходит солнце» («el imperio en el que nunca

«как бы вглубь»). Осознание индивидом стратегии личностного роста и самосозидания как персонального интереса – лейтмотив этой эмерджентной партитуры, которая усложняется в процессе исполнения, следуя за движениями невидимой руки дирижера исторической симфонии.

²¹ What is Postcolonial Thinking? An interview with Achille Mbembe. Eurozine. 9 January 2008. (<https://www.eurozine.com/what-is-postcolonial-thinking/>).

²² «Об АС-структурах – персонализированных венчурных организациях как перспективном, в становлении, трансграничном социальном феномене (см. подробнее отчеты научно-исследовательских проектов СИНЛА: Перспективы... 1990; Новые измерения... 1990). Социальный дискурс в контексте Большой истории соприкасается с языком природы, а история человечества рассматривается как эволюция, то есть подразделяется на ретрo-историю (сущее/действительное) и футур-историю (должное/вероятное). Вовлечение стран и народов в освоение мира и возникающая при этом новизна становятся ожидаемой инакостью – очередной фазой усложнения социальных взаимодействий и изменения координат сознания» [Неклесса 2021, 42].

²³ Не вдаваясь подробно в феноменологию проблемы, отметим возрастающую гибкость исторической маршрутизации, а из близкого по времени и очевидности укажем на ее колебательные характеристики: развилку избрания на президентский пост А. Гора vs. Дж. Буша, либо прихода В. Путина vs. условного «Аксененко». Также можно указать на принципиальные различия социальной и демографической политики, связанные с проблемой миграции, или же на историческую потенцию умы как взыскуемой Марксом субъектности, отрешенной от уз Современности и нареченной ее могильщиком.

se pone el sol»). Он радикально сместил акценты: «Задолго до рабства мы жили в одной огромной деревне, называемой Африка. Затем пришли чужеземцы и увели многих из нас, рассеяв по земным градам и весям. До прихода чужестранцев та деревня была для нас миром, и другого мы не знали. Сейчас же расселились настолько широко, что солнце никогда не заходит над потомками уроженцев Африки. Теперь весь мир – наше жилище, и в самом ближайшем будущем мы собираемся сделать его человечнее»²⁴.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Африка: постколониальный дискурс. Коллективная монография (2020) Ред.: Гавристова Т.М., Хохолькова Н.Е. М.: Институт Африки РАН. 248 с.

Afrika: postkolonial'nyj diskurs. Kollektivnaja monografija [Africa: Postcolonial Discourse. Collective Monograph] (2020) Ed(s): Gavristova T.M., Hohol'kova N.E. Moscow: Institut Afriki RAN. 248 p. (In Russ.)

Боулс Ч. (1956) Новые проблемы мира. Вып. 2. Moscow: Изд. Иностранной литературы. 206 с.

Bowles Ch. (1956) *Novye problemy mira* [The New Dimensions of Peace]. Vol. 2. Moscow: Izd. Inostrannoj literatury. 206 p. (In Russ.)

Св. Иустин-философ и мученик (1995) Послание к Диогнету // В: Творения. М.: Паломник: Благовест. С. 384–386.

St. Justin-filosof i muchenik (1995) Poslanie k Diognetu [Epistle to Diognetus]. In: *Tvorenija*. Moscow: Palomnik: Blagovest. Pp. 384–386. (In Russ.)

Маркс К. (1955) Тезисы о Фейербахе // В: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. М.: Госполитиздат. С. 1–4.

Marks K. (1955) Tezisy o Fejerbahe [Theses on Feuerbach]. In: Marks K., Engels F. *Sochineniya*. Vol. 3. Moscow: Gospolitizdat. Pp. 1–4. (In Russ.)

Маркс К., Энгельс Ф. (1955) Немецкая идеология // В: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. М.: Госполитиздат. С. 7–544.

Marks K., Engels F. (1955) Nemeckaja ideologija [German's Ideology]. In: Marks K., Engels F. *Sochineniya*. Vol. 3. Moscow: Gospolitizdat. Pp. 7–544. (In Russ.)

Неклесса А.И. (2006) Культура смерти // Азия и Африка сегодня. № 2. С. 3–11.

Neklessa A.I. (2006) Kul'tura smerti [Culture of Death]. *Aziya i Afrika segodnja*. no. 2, pp. 3–11. (In Russ.)

Неклесса А.И. (2013) Прыжок лягушки. Кризис мировидения // СИНЛА/ИНТЕЛПРОС. № 1. 44 с.

Neklessa A.I. (2013) Pryzhok lyagushki. Krizis mirovidenija [The Jump of the Frog. The Crisis of Worldview]. *SYNLA/INTELROS*. no. 1, 44 p. (In Russ.)

Неклесса А.И. (2018) Кризис истории. Мир как незавершенный проект // Полис. Политические исследования. № 1. С. 80–95. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.06>

Neklessa A.I. (2018) Krizis istorii. Mir kak nezavershennyj proekt [The Crisis of History. The World as an Unfinished Project]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. no. 1, pp. 80–95. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.06> (In Russ.)

Неклесса А.И. (2019) Мускулы войны и нервы мира: гибридная метаморфоза. Методологические и прогностические аспекты постсовременного общежития // Полис. Политические исследования. № 4. С. 149–164. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.11>

²⁴ The Africans: A Triple Heritage – Program 9: Global Africa. YouTube. (<https://www.youtube.com/watch?v=Nf25hZe1ZhE>).

Neklessa A.I. (2019) Muskuly vojny i nervy mira: gibridnaja metamorfoza. Metodologicheskie i prognosticheskie aspekty post sovremennogo obshhezhitija [Sinews of War & Nerves of Peace: Hybrid Metamorphosis. Methodological and Prognostic Aspects of the Post-Modernity Co-Existence]. *Polis. Politicheskie issledovanija*. no. 4, pp. 149–164. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.11> (In Russ.)

Неклесса А.И. (2021) Цивилизация как процесс: мультиплицированные субъекты Постмодерна // Полис. Политические исследования. № 5. С. 39–55. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.04>

Neklessa A.I. (2021) Civilizacija kak process: mul'tiplicirovannye sub'ekty Postmoderna [Civilization as a Process: Multiplied Subjects of Postmodernity]. *Polis. Politicheskie issledovanija*. no. 5, pp. 39–55. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.04> (In Russ.)

Неклесса А.И. (2022) Постколониальность как фрактальный извод постсовременности: предмет, методология, прогноз // Полис. Политические исследования. № 2. С. 130–144. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.02.10>

Neklessa A.I. (2022) Postkolonial'nost' kakfraktal'nyjizvodpostsovremennosti: predmet, metodologija, prognoz [Postcoloniality as a Fractal Aspect of Postmodernity: Subject, Methodology, Forecast] *Polis. Politicheskie issledovanija*. no. 2, pp. 130–144. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.02.10> (In Russ.)

Неклесса А.И. (2023) Три глобуса Ойкумены. Эволюционная траектория антропологического космоса // ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. Специальный выпуск «Эволюция». С. 4–25.

Neklessa A.I. (2023) Tri globusa Ojkumeny. Jevoljucionnaja traektorija antropologicheskogo kosmosa [Three Globes of Oecumene. Evolutionary Trajectory of the Anthropological Cosmos]. *INTELROS – Intellektual'naja Rossija. Specialnyj vypusk "Evoljucija"*. Pp. 4–25. (In Russ.)

Саид Э. (2012) Культура и империализм. СПб: Владимир Даль. 734 с.

Said E. (2012) *Kul'tura i imperializm* [Culture and Imperialism]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal'. 734 p. (In Russ.)

Сийес Э.-Ж. (2003). Что такое третье сословие? Аббат Сийес: от Бурбонов к Бонапарту. СПб: Алетейя. 64 с.

Sijes E.-Zh. (2003) *Chto takoe tret'e soslovie? Abbat Sijes: ot Burbonov k Bonapartu* [What is the Third Estate? Abbé Sieyès: From Bourbons to Bonaparte]. Saint-Petersburg: Aleteja. 64 p. (In Russ.)

Тлостанова М. (2020) Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциалистическая медиация // Новое литературное обозрение. № 1. С. 66–84.

Tlostanova M. (2020) Postkolonial'ny judel i dekolonial'nyj vybor: postsocialisticheskaja mediacija [The Postcolonial Condition and the Decolonial Option: A Postsocialist Mediation]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. no. 1, pp. 66–84. (In Russ.)

Хокинг С., Млодинов Л. (2022) Высший замысел. М.: АСТ. 256 с.

Hoking S., Mlodinov L. (2022) *Vysshij zamysel* [The Ultimate Intent]. Moscow: AST. 256 p. (In Russ.)

Ясперс К. (1991) Смысл и назначение истории. М.: Политиздат. 527 с.

Jaspers K. (1991) *Smysl i naznachenie istorii* [The Meaning and Purpose of History]. Moscow: Politizdat. 527 p. (In Russ.)

Attali J. (1990) *Lignes d'horizons*. Paris: Fayard. 214 p.

Beck U. (1992) *Risk Society: Towards a New Modernity*. London: Sage Publications. 260 p.

Biko S. (2002) *I Write What I Like: Selected Writings*. Chicago: University of Chicago Press. 216 p.

Eisenstadt S. (1966) *Modernization, Protests and Change*. Hoboken: Prentice Hall. 166 p.

Eisenstadt S. (2000) Multiple Modernities // *Dædalus. Journal of the American Academy of Arts and Sciences*. Vol. 129. Pp. 1–29.

Foucault M. (1979) *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. New York: Vintage Books. 333 p.

Mafeje A. (1995). "Benign" Recolonization and Malignant Minds in the Service of Imperialism // *CODESRIA Bulletin*. No. 2. Pp. 17–20.

Mamdani M. (1996) *Citizen and Subject: Contemporary Africa and the Legacy of Late Colonialism*. Princeton. New Jersey: Princeton University Press. 353 p.

- Mazrui A. (1994) *Global Africa: From Abolitionists to Reparationists* // *African Studies Review*. Vol. 37. No. 3. Pp. 1–18. <https://doi.org/10.2307/524900>
- Mazrui A. (1999) *From Slave Ship to Space Ship: Africa between Marginalization and Globalization* // *African Studies Quarterly*. Vol. 2. No. 4. Pp. 5–11.
- Mbembe A. (2017) *Afropolitanism* // In: *Cosmopolitanisms*. Ed(s): Robbins B. New York: NYU Press. Pp. 102–107.
- Mignolo W. (2011) *The Darker Side of Western Modernity: Global Futures, Decolonial Options*. Durham: Duke University Press. 458 p. <https://doi.org/10.1215/9780822394501>
- Quijano A. (2010) *Coloniality and Modernity/Rationality* // In: *Globalization and the Decolonial Option*. Ed(s): Mignolo W., Escobar A. London, New York: Routledge. Pp. 22–32.
- Rosenblum B., Kuttner F. (2011) *Quantum Enigma: Physics Encounters Consciousness*. New York: Oxford University Press. 281 p.
- Sauvy A. (1952) *Trois mondes, une planete* // *L'Observateur politique, economique et litteraire*. No. 118. 14 p.
- Tuakli-Wosornu T. (2008) *Bye-bye, Babar (Or: What Is an Afropolitan?)* // *The International Review of African American Art*. Vol. 22. No. 3. Pp. 36–38.
- Wallerstein I. (1991) *Does India Exist?* // In: *Wallerstein I. Unthanking Social Science*. Cambridge: Polity Press. Pp. 130–134.

Информация об авторе

Неклесса Александр Иванович, старший научный сотрудник, руководитель группы «Север – Юг» Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН; председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. Адрес: 123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1. E-mail: neklessa@intelros.ru

About the author

Alexander I. Neklessa, Senior Research Fellow, Head of the “North-South” Group at the Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences; Chair of the Commission on Social & Cultural Issues of Globalization; Academic Council “History of the World Culture” at the Presidium of the Russian Academy of Sciences. Address: 123001, 30/1 Spiridonovka st., Moscow, Russia. E-mail: neklessa@intelros.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 11.04.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 10.07.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 05.08.2024

Оригинальная статья / Original article

Теория систем в международных отношениях: потенциал тектологии Александра Богданова

© А.А. АЛЕШИН

Алешин Александр Андреевич, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия), aleshin.a@imemo.ru. ORCID: 0000-0002-7872-3298

Современная наука о международных отношениях сталкивается с теоретико-методологической фрагментацией, детерминированной онтологическими противоречиями между теориями. В данной ситуации исследовательским потенциалом в объяснении динамичных международно-политических процессов обладает общая теория систем. Однако в практике ее применения в общественных науках исследователи столкнулись с рядом трудностей и противоречий. Тектология А.А. Богданова преодолевает эти трудности и позволяет рассматривать динамику социальных систем на различных уровнях. Проанализированы системные теории в общественных науках и выявлены базовые противоречия между ними. Основные понятия и законы тектологии рассмотрены в контексте изучения международных отношений. Сделан вывод, что тектология предоставляет обширный исследовательский инструментарий для исследования международных отношений, позволяет выделить наиболее общие закономерности развития этой части социального пространства, становится основой для долгосрочного прогнозирования международно-политических процессов.

Ключевые слова: тектология, А. Богданов, теория систем, политические системы, теория международных отношений, системный подход

Цитирование: Алешин А.А. (2024) Теория систем в международных отношениях: потенциал тектологии Александра Богданова // Общественные науки и современность. № 4. С. 40–53. DOI: 10.31857/S0869049924040037, EDN: ZHNMPТ

Systems Theory in International Relations: Alexander Bogdanov's Tektology Potential

© A. ALESHIN

Alexei A. Aleshin, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of RAS (IMEMO) (Moscow, Russia), aleshin.a@imemo.ru. ORCID: 0000-0002-7872-329

Abstract. Modern international relations science is faced with theoretical and methodological fragmentation, determined by ontological contradictions between theories. Systems theory has the research potential to explain dynamic international political processes. However, in the practice of its application in social sciences, researchers have encountered numerous difficulties and contradictions. The hypothesis is that the tektology of Alexander Bogdanov overcomes these difficulties and allows to consider social systems in dynamics and at different levels. System theories in the social sciences are analyzed, their basic contradictions are identified. The basic concepts of tektology are described, its methodology is applied to the study of modern international relations. It is concluded that tektology provides extensive research tools for the study of international relations, allows to identify the most general patterns of development of this part of the social space, and can become the basis for long-term forecasting of international political processes.

Keywords: tektology, Alexander Bogdanov, systems theory, political systems, international relations theory, systems approach

Citation: Aleshin A.A. (2024) Systems Theory in International Relations: Alexander Bogdanov's Tektology Potential. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 40–53. DOI: 10.31857/S08869049924040037, EDN: ZHNMPT (In Russ.)

Современные общественные науки отличаются многомерностью и многоуровневостью объективной и субъективной реальности, которая находится в фокусе их изучения. В отличие от наук естественных, общественные обладают ограниченным набором инструментов сбора объективных эмпирических данных, которые поддаются математической формализации. Знания о природе человека, его мышлении, творчестве и свободе выбора недостаточны, а на общественное развитие влияет значительный объем факторов и переменных. В связи с данным обстоятельством ученым пока не удалось прийти к единому общепринятому онтологическому основанию социальных наук, которое еще сильнее размывается в рамках постнеклассической научной рациональности. Наблюдаются такие противоречия, как дихотомия материального и идеального в общественном развитии, выбор между индивидуально-поведенческим редукционизмом и системным холизмом, проблема агент-структурных отношений, вопрос места и роли исследователя в процессе научного поиска и др. В результате в политической науке и науке о международных отношениях теория фрагментирована, развиваются противоречащие друг другу парадигмы.

Исследователи выделяют ряд онтологических вопросов, которые лежат в основе теорий политической науки и науки о международных отношениях [The Oxford Handbook... 2013]. Каковы характеристики объектов естественных и социальных наук? В какой степени наблюдаемый нами социальный и политический мир соответствует реальности? Является ли разум отражением материей самой себя, или же он существует отдельно от материи? Какова роль идей в историческом и социально-политическом процессе? Существует ли общеисторическая причинная динамика, или же она специфична в каждом конкретном контексте? В какой степени социальные и политические системы обладают системными качествами?

Определяется ли поведение акторов структурным контекстом? Какова природа политического субъекта (индивидуального и коллективного) и его поведенческих мотивов?

Из-за теоретической фрагментации потенциал объяснения и прогнозирования международно-политических процессов ограничен, а случайные и неожиданные факторы, «черные лебеди» и «серые носороги» выходят на передний план. В то же время изменения в международной среде поднимают статус и востребованность науки о международных отношениях, определяют необходимость достоверно объяснять и прогнозировать развитие мировой политики. Сегодня наблюдается трансформация миропорядка, изменения в международных отношениях, мировой экономике, глобальной безопасности. Долгосрочные тренды демонстрируют сокращение совокупной доли государств Запада в мировой экономике на фоне роста незападных акторов. За экономическим ростом последних последовало их политическое и военное усиление. Технологические прорывы 2010–2020-х гг. в различных сферах повысили глобальную конкуренцию, противоречия между государствами, конфликтность и, в конечном счете, угрозу войны с участием ведущих держав.

В данном контексте ни одна из теорий международных отношений не дает целостную картину развития международных отношений. Каждая из них объясняет те или иные аспекты международной среды, игнорируя остальные, которые не соответствуют ей онтологически. Одновременно объединить их достижения едва ли представляется возможным из-за описанных выше межпарадигмальных противоречий.

Представляется актуальным и своевременным вернуться к переосмыслению достижений теории систем применительно к науке о международных отношениях. После Второй мировой войны в контексте междисциплинарного развития общей теории систем и появления кибернетики политическая наука переняла системное видение, был разработан ряд теорий, о которых будет сказано ниже. Те же процессы произошли и в науке о международных отношениях.

Однако в тот период исследователи столкнулись с недостатком знания о природе человека, общества, государства и мировой политики. Специальнонаучные системные теории описывали выборочный, ограниченный пул аспектов международных отношений и отличались высоким уровнем абстракции. В дальнейшем теоретико-методологический поворот в сторону постмодернизма и усиление позиций социального конструктивизма продемонстрировали, что теория систем ограничено применима в социальных науках из-за онтологической неоднозначности исследуемых объектов, эпистемологической неопределенности в субъект-объектных взаимодействиях и сложности математической формализации методов, которые используют в социальных науках.

Сегодня же в рамках постнеклассической научной рациональности, социологического поворота в науке о международных отношениях, существенного увеличения объема доступных эмпирических данных и междисциплинарного обмена накоплен значительный опыт. В свою очередь масштаб стоящих перед наукой задач расширяется. Сложившаяся ситуация позволяет вернуться к теории систем и переосмыслить ее достижения с учетом новых знаний о мире.

Задача данной статьи – выявить оптимальную методологию для системного исследования международных отношений. В статье предложен подход российского исследователя А.А. Богданова, который обладает необходимым для исследования общественного развития категориально-методологическим аппаратом. Пока еще недостаточно оцененная в социальных науках тектология преодолевает перечисленные выше противоречия. Эта статья не нацелена на разработку строгого универсального алгоритма системного анализа международных отношений на основе тектологии, что и невозможно без сочетания со специальнонаучными теориями.

Системный подход в общественных науках

Междисциплинарную системную теорию развивали многие исследователи. Основоположник общей теории систем Л. Фон Берталанфи определил систему как совокупность взаимодействующих или взаимосвязанных элементов, подчеркивая изоморфизм законов, которые ей управляют. Он исследовал концепцию открытых систем, что послужило основой для кибернетики [Bertalanffy 1969]. По мнению отечественного философа В.Н. Садовского, в подходе Берталанфи недостаточно учтены микроструктура и системные свойства. Он также критиковал типологию систем Берталанфи: основанные на динамическом взаимодействии частей; на схеме обратной связи; гомеостатические [Садовский 1974].

Системные теории нашли применение во множестве наук, в том числе и в политической. Американский социолог Т. Парсонс рассматривал политическую систему как подсистему социальной, однако он уделял недостаточное внимание природе изменений [Parsons 1949]. Его подход, как и теории Д. Истона, К. Дойча и Г. Алмонда, рассматривали внутреннюю структуру системы и внешнюю среду крайне абстрактно, делая акцент на функциях групп структурных элементов [Easton 1963; Deutsch 1963; Almond 2009].

Немецкий социолог Н. Луман ввел в общественные науки понятие «аутопозис», которое обозначает самовоспроизводство системы. Он предположил, что социальные системы воспроизводятся без прямого влияния внешней среды, по аналогии с закрытой системой [Luhmann 1984].

Однако проблема закрытых систем вызывает множество вопросов и противоречий. Возможно ли существование закрытой системы в долгосрочной перспективе, может ли она самовоспроизводиться без влияния внешней среды? Существуют ли материальные объекты, которые способны сохранить неизменную целостность в любой среде? Если закрытые термодинамические системы, будучи изолированными от среды, переходят в состояние равновесия с минимумом свободной энергии и максимумом энтропии, то на чем основан механизм самовоспроизводства? Верно ли называть систему закрытой, если в нее не поступает и из нее не выделяется вещество, но происходит обмен энергией, а значит, она все же взаимодействует со средой?

Среди решений, которые способны преодолеть эти противоречия, можно выделить подвижное равновесие, не зависящее от времени состояния открытой системы, при котором все макроскопические величины остаются неизменными, хотя и продолжаются непрерывные процессы обмена со средой. Следовательно, закрытой можно условно назвать лишь подсистему в рамках открытой системы – и то в ограниченном периоде времени.

В международных отношениях также применяли системный подход. Один из его основоположников, американский политолог М. Каплан, охарактеризовал международные отношения как открытую систему, в которой свойства целого не сводятся лишь к свойствам ее частей. Государства представляют собой элементы этой системы, и их безопасность не тождественна безопасности международной [Kaplan 1957]. Системную трактовку международных отношений предлагали представители различных теорий, например, неореализма и неомарксизма. В российской традиции системный подход изначально развивался в рамках марксистско-ленинской теории международных отношений [Поздняков 1976; Основы теории... 2022], в дальнейшем – на основе совмещения различных подходов [Косолапов 1998; Богатуров и др. 2002].

Применение теории систем в общественных науках не лишено противоречий. Существует дискуссия о том, можно ли считать системы (в том числе социальные) объективными, или же они представляют собой лишь исследовательский инструмент. Несмотря на то, что первая позиция опирается на материализм, а вторая – на идеализм, они обе выделяют

системы из реальности, акцентируя те или иные их свойства, не рассматривая их в совокупности со всей внутренней структурой и внешней средой. В данном контексте следует отметить, что объект не перестанет быть собой, если исследователь будет рассматривать его с физического, химического, социального, идеального или какого-либо еще ракурса.

Также теория систем ограничена при объяснении внутрисистемных общественных процессов и выявлении внутренних законов развития и распада. Кроме того, внешняя среда общественной системы трактуется абстрактно, внимание фокусируется на обмене информацией и ресурсами со средой без должного анализа последней.

Как правило, в системных теориях применяют принцип холизма, согласно которому целое обладает приоритетом над его частями. Так, классический системный подход подразумевает обязательное выявление системного качества. Однако этот принцип ограничивает изучение динамики систем, в которых происходит не только прогресс, но и регресс и распад. Закономерен вопрос о том, можно ли считать системой совокупность элементов, которые находятся в процессе распада, но все еще сохраняют связи.

Потенциал тектологии в исследовании международных отношений

В 1920-е гг. отечественный ученый А.А. Богданов разработал тектологию – мета-теорию, которая развивала марксистскую диалектику и опиралась на передовые научные открытия начала XX в. [Богданов 2019]. Онтологические и эпистемологические основания теории, предложенные Богдановым, опередили свое время: подобные идеи начали массово входить в научное знание примерно с 1970-х гг. в рамках постнеклассической научной рациональности. Считается, что методология тектологии стала основой для трудов Л. фон Берталанфи, Н. Винера и других теоретиков в области общей теории систем и кибернетики. В то же время онтология и эпистемология Богданова сегодня представляются более современными. Они соответствуют этапу развития научного знания, которое опирается на относительность пространства и времени, эволюционность, нелинейность и коэволюционность развития, условности закономерностей и индетерминизм. Соответствующие преимущества тектологии перед общей теорией систем отмечали исследователи М.И. Сетров [Сетров 1967], Г.Н. Поваров [Поваров 1983], Дж. Горелик [Gorelik 1986], В.Н. Садовский [Садовский 1998] и др.

Методологию Богданов описывал в своей книге «Тектология. Всеобщая организационная наука», также ее анализировали множество исследователей, в том числе и автор данной статьи [Алешин 2023, 39-44]. В рамках данного исследования следует остановиться на наиболее общих положениях этой теории, после чего те или иные законы и термины теории Богданова будут соотнесены с примерами из международных отношений.

В тектологии вся реальность представляет собой совокупность сложносоставных систем (организационных комплексов), которые динамично взаимодействуют друг с другом и стремятся к внутреннему равновесию. Системами считаются два или более объекта, материальных или идеальных, которые находятся в связи любого рода. Граница системы пролегает там, где отсутствует связь. Одновременно каждый из объектов сам представляет собой систему, состоит из структурных элементов – также систем.

Любая система существует во внешней среде, которая представляет собой совокупность окружающих ее систем. Она обменивается с ней ресурсами (материальными, энергетическими, информационными) и противодействует вредным внешним воздействиям – опасной активности других систем. Богданов называет этот процесс системным подбором по аналогии с естественным отбором из теории эволюции. Системный подбор выступает основным фактором динамики систем, их адаптации к среде.

В результате динамического взаимодействия множества систем формируются как организованные, холистические системы, сумма элементов которых меньше целого, так и нейтральные и дезорганизованные системы, где сумма элементов превышает целое. Одна и та же система в динамике может переходить из одного в другое качественное состояние и обратно – в ответ на изменения среды, чем обусловлена структурная динамика.

Структурно система может состоять как из однородных, так и из разнородных элементов. Инструментами адаптации к среде служат механизмы специализации структурных элементов, контрдифференциации – преодоления внутрисистемных противоречий путем образования новых структурных связей, а также бирегулятора – комбинации элементов, которые обеспечивают обратные связи, саморегуляцию системы. Может образовываться более высокоорганизованный, но менее устойчивый к воздействиям внешней среды элемент (эгрессия), который отвечает за управление, а также менее высокоорганизованный, но более устойчивый «каркасный» элемент (дегрессия). Критерием уровня организации системы, организационного прогресса служит не усложнение ее структуры, а эффективность адаптации к изменчивой среде.

Любое преобразование системы происходит в результате перехода количества внешних воздействий в качество и называется кризисом. Существует два их типа: *C* – нейтрализация границы (образование связи), и *D* – образование границы (разрыв связи). В зависимости от исследовательской задачи кризис может состоять из целой череды кризисов *C* и *D* в любой последовательности. При этом кризис *C* всегда первый, а кризис *D* – всегда завершающий.

Организационный акт представляет собой триаду из взаимодействия системы со средой, системных противоречий и последующей консолидации или же распада. Объективно такие акты происходят в любом объекте, материальном или идеальном, в любой отрезок времени – даже мельчайший. В зависимости же от объекта и предмета исследования, то есть от определения изучаемых связей, можно выделить необходимый временной интервал и степень «увеличения» объекта (по аналогии с увеличением микроскопа).

В наиболее общем виде механизмы организации и дезорганизации системы представлены на рис. 1–2. Изначально две отдельные системы (комплекса) 1 и 2 проявляют активность в среде (конъюгация) и противостоят ее воздействиям (рис. 1). При образовании между ними связи (ингрессия) они объединяются в новую систему. Когда процесс объединения завершен, начинают действовать внутрискруктурные механизмы, образуются управляющий элемент (эгрессия) и «каркасный» элемент (дегрессия).

На рис. 2 показано, что взаимодействие с внешней средой приводит к внутрисистемным противоречиям, системным кризисам *C* и *D*. На их преодоление направлены механизмы специализации, контрдифференциации и бирегулятора. При изменениях среды могут значительно возрасти вредные воздействия на систему, одновременно ассимилируемые ею полезные ресурсы будут сокращаться. Формируется кризис системы, при котором вначале нейтрализуются связи между наименее устойчивыми элементами, после – между наиболее устойчивыми. Кризисы нейтрализации границы *C* сменяются кризисами образования новой границы *D*. Далее возможны два варианта развития: разделение системы на две или более отдельных систем либо преобразование системы на основе механизмов преодоления внутрисистемных противоречий. Тем не менее в обоих случаях новые системы будут отличаться от предыдущих, являться иными.

Онтология тектологии материалистична и детерминистична: системы существуют объективно, и это можно обосновать на основе идей классического марксизма – концепций общественно-производственной практики, опредмечивания субъективного и распредмечивания объективного. В то же время эпистемология тектологии индетерминистична: одни

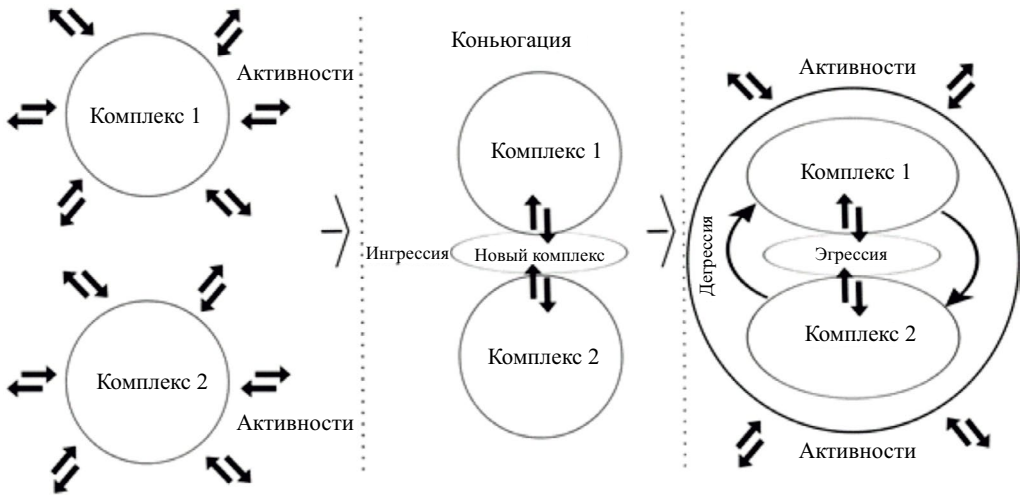

Рисунок 1. Процесс образования системы

Figure 1. System formation process

Источник: [Алешин 2023, 42].

Source: [Aleshin 2023, 42].

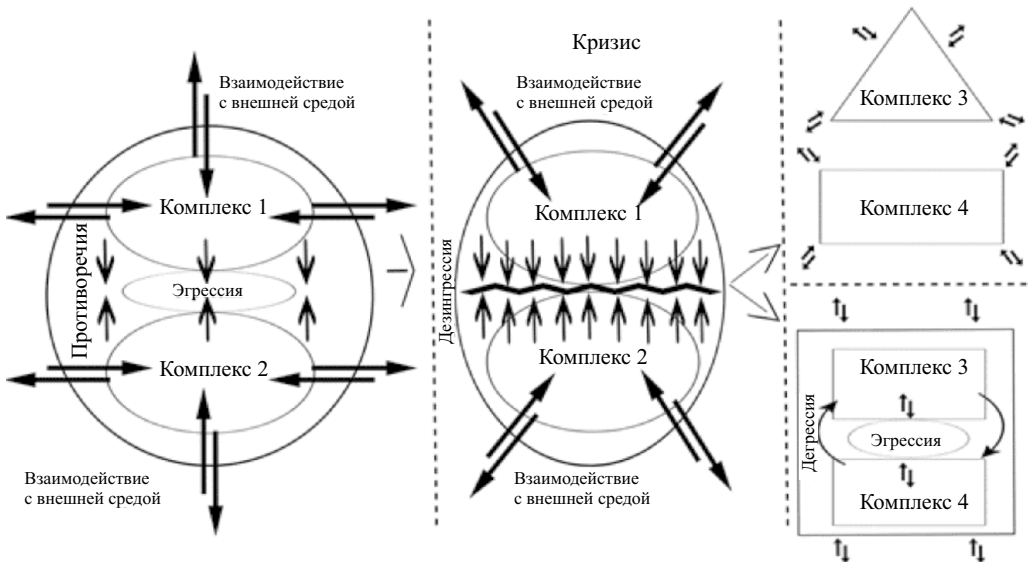

Рисунок 2. Процесс распада системы

Figure 2. System collapse process

Источник: [Алешин 2023, 43].

Source: [Aleshin 2023, 43].

и те же объекты могут рассматриваться и как отдельные системы, и как части одной или нескольких систем. В основе данного положения лежит разработанная Богдановым философская концепция эмпириомонизма. В соответствии с ней объективное знание о физическом мире конструируется в результате социально организованного психического опыта. Оно носит intersubjective характер, а условием формирования объективности, как и наших познавательных возможностей, выступает социально-исторический опыт.

Как следствие, объективность знания неабсолютна, она может меняться с накоплением социального опыта. Таким образом, важное значение в методологии Богданова имеет точное выделение объекта и предмета исследования, четкая постановка научной проблемы.

Выше представлен лишь краткий и поверхностный обзор тектологии. Однако он демонстрирует, как теория Богданова преодолевает следующие из вышеназванных противоречий общей теории систем. Во-первых, системы объективны, но наше знание о них основано на социально-историческом опыте, что делает его не абсолютно объективным. Во-вторых, тектология предоставляет необходимый исследовательский инструментарий для изучения внутрисистемных процессов. В-третьих, она делает акцент на внешней среде. Можно сказать, что предметом тектологии выступают не системы как таковые, а динамичные процессы организации: взаимодействие систем, прежде всего образование и разрушение связей. В-четвертых, опираясь на динамичность мира, Богданов обосновал, что система может и не быть холистической, а неорганизованная система (обратная холистической) – не обязательно идет по пути распада.

Тектология представляет собой метатеорию, которая анализирует структуру, средства выражения и методы построения класса системных теорий, формулирует знание, которое относится ко всему классу специальных теорий систем. Может показаться, что тектология в какой-то степени конкурирует с общей теорией систем в связи с ее онтологическими и эпистемологическими особенностями. Однако последняя имеет широкий набор инструментов математической формализации знания, а также разработанные методы построения структуры класса специальнаучных системных теорий. В ее структуру входит множество различных специальнаучных теорий с разными основаниями, однако связь тектологии со специальными науками практически не разработана. В связи с чем верным представляется включать тектологию в рамки общей теории систем как ее философско-методологическое ответвление.

В то же время методология тектологии обладает необходимым набором инструментов, чтобы анализировать процессы организации в любых сферах, в особенности в развитии общества, в том числе и международных отношений. Она позволяет определить онтологическую однозначность объектов исследования, преодолеть эпистемологическую неопределенность в субъект-объектных отношениях, исключить задачу математической формализации методов социальных наук. Следовательно, при изучении общественных процессов тектология позволяет избежать чрезмерных формализма и абстракции, которые свойственны упомянутым выше системным теориям в политической науке. Потенциально тектология могла бы сыграть роль метатеории для системных исследований, прежде всего в общественных науках.

Практическое применение тектологии в международных отношениях

Для иллюстрации тектологии Богданов приводил примеры из различных наук – физики, химии, биологии, психологии, а также из наук об обществе. Когда он разрабатывал свою теорию, научная дисциплина о международных отношениях еще только зарождалась и не была выделена как отдельная. Различные аспекты международных отно-

шений в тот период изучали в рамках теорий империализма – либеральной и марксистской, военной теории, исторической науки, политологии, социологии, географии. Сам Богданов был убежденным марксистом. Применяя тектологию к исследованию общественного развития, он фокусировал внимание на феноменах, которые интересовали марксистских авторов: классовая борьба, социальная психология, развитие общественных институтов, военное дело, империализм, макроэкономика, организация труда. Он рассматривал сферу политического в жестких рамках стадияльной теории общественно-экономических формаций, о международных отношениях автор практически не писал¹.

Однако представляется, что тектология вышла за рамки марксизма и могла бы претендовать на роль междисциплинарной метатеории. Можно отметить хотя бы критику марксовской диалектики (формальной, словами Богданова) в последней главе «Тектологии»². Автор указывал на ее недостаточную динамичность, формализм, неопределенность и произвольность ее применения. Автор противопоставлял ей предложенную им самим триаду организационного акта, характеризуя диалектику как ее философское, неточное, предварительное выражение.

Для иллюстрации вышесказанного в таблице 1 приведены основные термины тектологии и соответствующие примеры из международных отношений.

В контексте практического применения тектологии важно отметить, что эта теория довольно абстрактна, она предлагает наиболее общие законы организации систем. Чтобы эффективно применить ее в научном исследовании, тектологию необходимо совмещать со специальнонаучными теориями, которые не противоречат ей, о чем писал и сам Богданов. Такая конфигурация позволит выявлять особые явления и закономерности, присущие тем или иным наукам – например, только развитию общества, мира политического. Современные исследователи международных отношений уже совмещали тектологию, например, с неореализмом, мир-системным подходом, постфункционализмом и умеренным социальным конструктивизмом. Подобные совмещения используют также специалисты в области мировой экономики [Никонова 2019; Jackson 2022] и управления социальными системами [Lepskiy, Malakhova 2022].

Так, российский политолог М.В. Стрежнева провела сравнительный анализ неореализма в версии К. Уолтца и его последователей. Она пришла к выводу, что приверженцы этой теории упустили из виду вопросы из сферы философии познания, осуществили радикальный крен в позитивистском направлении и уделяли гипертрофированное внимание внешним материальным структурным моментам. В то же время совмещение неореализма с теорией Богданова позволяет сочетать деятельностный материалистический монизм, эпистемологический конструктивизм и приверженность индивидуалистической доктрине [Стрежнева 2022a]. В другой своей статье исследовательница предложила применять тектологию к анализу брекзита и выявила дифференцированную интеграцию в системных комплексах, которые объединяют ЕС и третьи страны; частичную дезинтеграцию Великобритании в Ирландском море; ингрессивную связку Великобритании с ЕС; дифференцированную дезинтеграцию ЕС как отдельного системного комплекса [Стрежнева 2022b].

Политолог А.В. Борейко отметил пересечения между тектологией и мир-системным подходом. Такое сравнение более чем уместно ввиду того, что взгляды Богданова формировались под влиянием классического марксизма, тогда как мир-системный подход пред-

¹ Это относится именно к «Тектологии». В своих ранних работах, особенно в «Кратком курсе экономической науки», Богданов изучал теорию империализма. В них его трактовка соответствовала классическому марксизму, что сближало его с работами Р. Гильфердинга, Р. Люксембург, В.И. Ленина, Н.И. Бухарина и др.

² Имеется в виду Глава IX. Организационная диалектика, § 2. Диалектика формальная и организационная.

Основные понятия тектологии с примерами из международных отношений

Basic concepts of tektology with examples from international relations

Понятие	Примеры
Организационный комплекс	Государство, международная организация, транснациональная идентичность, международный режим
Конъюгация	Естественные торговые и миграционные контакты людей на приграничных территориях, формирование общей идентичности на географической основе
Ингрессия	Создание дипломатического представительства, заключение международного договора, использование вооруженных сил в конфликте
Дезингрессия	Отзыв дипломатической миссии, денонсация международного договора, вывод войск
Эгрессия	Наднациональные институты ЕС, СБ ООН
Дегрессия	Сотрудничество государств в G20, международное право, Устав ООН
Бирегулятор	Государства, группы политической элиты
Системный подбор	Поиск государства-партнера, способного предложить наиболее выгодные условия сотрудничества, противодействия глобальным и региональным вызовам и угрозам.
Системные противоречия	Противоречия между США и Турцией в НАТО, противоречия ЕС с Венгрией или Польшей, снижение эффективности СБ ООН
Системная специализация	Предоставление военного персонала для миротворческих миссий ООН преимущественно развивающимися странами, «Европа двух скоростей», деление на развитые и развивающиеся страны
Системная контр-дифференциация	Расширение функций Европарламента, сотрудничество Индии и Пакистана в рамках ШОС, создание США и СССР системы стратегической стабильности
Кризис C	Вступление государства в международную организацию, заключение международного договора, ввод войск на чужую территорию, формирование транснациональной идентичности
Кризис D	Выход из международной организации, подписание соглашения о границах, объявление войны, распад государства
Организованный комплекс	Интеграционное объединение с наднациональными институтами, специализированная региональная международная организация с распределением обязанностей между членами (напр. НАТО)
Нейтральный комплекс	Две страны, не установившие дипломатические отношения, консенсусное голосование по резолюции СБ ООН, в Совете ЕС
Дезорганизованный комплекс	СБ ООН в вопросах разрешения чувствительных для его постоянных членов проблем, разделенная на зоны оккупации Германия после окончания II МВ, отношения РФ и ЕС после начала СВО

Источник: *составлено автором.*

Source: *compiled by the author.*

ставляет собой ответвление неомарксизма. Исследователь пришел к выводу, что закономерности, выявленные мир-системщиками, например, роль экономической подсистемы как объективной основы социальной связи, зависимость развития политических и культурных систем от развития экономической системы на глобальном уровне и динамика технологических циклов, выделенные Н.А. Кондратьевым и Й. Шумпетером, представляют собой частные случаи общих законов развития социальных систем, описанных Богдановым [Борейко 2024].

Российский исследователь Д.Э. Моисеева проанализировала современные теоретико-методологические подходы в исследованиях европейской интеграции, включая пост-функционализм. Как отмечает автор, они сосредоточены на изучении движущих сил интеграции, а не на том, что может повернуть ее вспять. Она также указывает на их ограниченность, которая заключается в экстенсивном расширении предметного поля. Совместив эти подходы с тектологией, можно сместить фокус внимания с частного на систему в целом, т.е. на ЕС, выделить способность политической системы к саморегулированию и адаптации. На примере брекзита исследовательница ввела методологию тектологии и приступила к описанию глубокого системного процесса в ЕС, в результате которого целое отторгает инородное частное и продолжает свое развитие [Моисеева 2023].

Автор данной статьи применил тектологию в изучении взаимоотношений ЕС и НАТО, совместив ее с пространственным подходом (в рамках умеренного социального конструктивизма). Была построена динамичная модель развития системного комплекса ЕС-НАТО в контексте его институционально-идентитарной динамики с учетом влияния среды, нарастания системных противоречий и функционирования механизмов специализации, контрдифференциации и бирегулятора. Такой подход позволил разработать долгосрочный прогноз развития взаимоотношений ЕС-НАТО [Алешин 2023]. В той же работе было проанализировано развитие конфликта между ЕС, НАТО и Россией, выделен системный комплекс Россия-ЕС-НАТО и выявлено, как изменения внешней среды повлияли на развитие системного кризиса в данном комплексе в первой четверти XXI в. [Алешин 2023, 186–190].

* * *

Подводя итог, можно отметить, что тектология А.А. Богданова, значительно опередив свое время, сегодня обретает новую актуальность. Для этого сложились все необходимые предпосылки: развилась постнеклассическая научная рациональность, накопились эмпирические данные, расширилась междисциплинарность в исследованиях. С помощью тектологии можно преодолеть ряд противоречий общей теории систем. Она позволяет: признать объективность систем при неабсолютной объективности нашего знания о них; развивать не только структурно-функциональный подход, но и методы изучения и понимания внешней среды и сути внутренней структуры; отказаться от примата холистического видения систем вследствие системной динамики. Предметом тектологии выступает процесс формирования и распада связей со средой. Причем среда в данном контексте понимается не абстрактно, а конкретно и в динамике.

Особое значение тектология обретает для общественных наук в контексте актуальных сегодня проблем объективности, агент-структурных отношений, роли субъекта в процессе исследования, сложности математической формализации знания. Она позволяет определить онтологическую однозначность объектов исследования, преодолеть эпистемологическую неопределенность в субъект-объектных отношениях, а также исключить задачу математической формализации методов социальных наук за счет опоры на качественные методы. Противоречия теории систем, которые были вызваны постмодернистским пово-

ротом и укреплением социального конструктивизма в социальных науках, сегодня становятся преимуществом тектологии, которая обладает особыми онтологическими и эпистемологическими основаниями. Сделан вывод о том, что тектология, которая представляет собой ответвление общей теории систем, имеет потенциал занять роль метатеории для системных исследований в общественных науках.

Теория Богданова не позволит преодолеть межпарадигмальные противоречия в науке о международных отношениях. Однако она может стать основой для системного исследования мировой политики, унификации соответствующей методологии. К этому призывал сам Богданов, когда писал, что тектология – прежде всего образ мышления.

Тектологию необходимо совмещать со специальнаучными теориями, используя ее как методологическую базу, которая позволяет точно выделить объект и предмет исследования, а также четко сформулировать научную проблему, выбрать исследовательский ракурс. Практика показала, что подобные комбинации позволяют эффективно выстраивать долгосрочные прогнозы развития в мировой политике. Сегодня появляется все больше научных работ по международным отношениям, в которых теория Богданова совмещается с теми или иными специальнаучными теориями – от неореализма до социального конструктивизма, от мир-системного подхода до постфункционализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алешин А.А. (2023) Великобритания – Евросоюз – НАТО: Реорганизация «трансатлантического пространства безопасности». М.: Аспект Пресс. 317 с.

Aleshin A.A. (2023) *Velikobritaniya – Evrosoyuz – NATO: Reorganizatsiya “transatlanticheskogo prostranstva bezopasnosti”* [Britain – the European Union – NATO: Reorganization of the “Transatlantic Security Space”]. Moscow: Aspect Press. 317 p. (In Russ.)

Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. (2002) Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО. 390 с.

Bogaturov A.D., Kosolapov N.A., Khrustaleva M.A. (2002) *Ocherki teorii i metodologii politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnoshenii* [Essays on the Theory and Methodology of Political Analysis of International Relations]. Moscow: NOFMO. 390 p. (In Russ.)

Богданов А.А. (2019) Тектология. Всеобщая организационная наука. М.: Академический проект. 712 с.

Bogdanov A.A. (2019) *Tektologiya. Vseobshchaya organizatsionnaya nauka* [Tektology. General Organizational Science]. Moscow: Academic Project. 712 p. (In Russ.)

Борейко А.В. (2024) Тектология А. Богданова и мир-системный анализ в ТМО // Общественные науки и современность. № 2. С. 52–62. <https://doi.org/10.31857/S0869049924020045>

Boreyko A.V. (2024) Tektologiya A. Bogdanova i mir-sistemnyi analiz v TMO [Tektology of A. Bogdanov and World-system Analysis in IR Theory]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. no. 2, pp. 52–62. <https://doi.org/10.31857/S0869049924020045> (In Russ.)

Косолапов Н.А. (1998) Тема 7. Субъекты мировой политики и международных отношений: явление, критерии, основы типологии // Мировая экономика и международные отношения. № 12. С. 123–134. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-1998-12-123-134>

Kosolapov N.A. (1998) Tema 7. Sub'ekty mirovoi politiki i mezhdunarodnykh otnoshenii: yavlenie, kriterii, osnovy tipologii [Theme 7. Subjects of World Politics and International Relations: Phenomenon, Criteria, Basics of Typology]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. no. 12, pp. 123–134. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-1998-12-123-134> (In Russ.)

Никонова А.А. (2019) О принципе ингрессии в системном мире А.А. Богданова, или нет пророка в своем отечестве // Хроноэкономика. № 7. С. 32–40.

Nikonova A.A. (2019) O printsipeingressii v sistemnom mire A.A. Bogdanova, ili net proroka v svoem otechestve [On the Ingression Principle in the System World of A.A. Bogdanov, or no Man Is a Prophet in His Own Country]. *Hronoeconomics*. no. 7, pp. 32–40. (In Russ.)

Основы теории международных отношений: Опыт ИМЭМО в 1970-е годы (2022) Ред.: Иноземцев Н.Н. М.: Аспект Пресс. 623 с.

Osnovy teorii mezhdunarodnykh otnoshenii: Opyt IMEMO v 1970-e gody [The Fundamentals of the Theory of the International Relations: the experience of the IMEMO in the 1970s] (2022) Ed(s): Inozemtsev N.N. Moscow: Aspect Press. 623 p. (In Russ.)

Поваров Г.Н. (1983) Норберт Винер и его «Кибернетика». М.: Наука. 343 с.

Povarov G.N. (1983) *Norbert Viner i ego "Kibernetika"* [Norbert Wiener and his "Cybernetics"]. Moscow: Nauka. 343 p. (In Russ.)

Поздняков Э.А. (1976) Системный подход и международные отношения. М.: Наука. 157 с.

Pozdnyakov E.A. (1976) *Sistemnyi podkhod i mezhdunarodnye otnosheniya* [Systems Approach and International Relations]. Moscow: Nauka. 157 p. (In Russ.)

Садовский В.Н. (1974) Основания общей теории систем. М.: Наука. 276 с.

Sadovskii V.N. (1974) *Osnovaniya obshchei teorii sistem* [Foundations of General Systems Theory]. Moscow: Nauka. 276 p. (In Russ.)

Садовский В.Н. (1998) Эмпириомонизм и тектология А.А. Богданова: становление системной парадигмы // Информационный бюллетень РФФИ. № 6.

Sadovskii V.N. (1998) *Empiriomonizm i tektologiya A.A. Bogdanova: stanovlenie sistemnoi paradigmy* [Empiriomonism and Tektology of A.A. Bogdanov: The Formation of a Systemic Paradigm]. *Informatsionnyi byulleten' RFFI*. no. 6. (In Russ.)

Сетров М.И. (1967) Об общих элементах тектологии А. Богданова, кибернетики и теории систем // Уч. зап. кафедр общественных наук вузов Ленинграда. Сер. «Философия». № 8. С. 59.

Setrov M.I. (1967) *Ob obshchikh elementakh tektologii A. Bogdanova, kibernetiki i teorii sistem* [On Common Elements of A. Bogdanov's Tektology, Cybernetics and Systems Theory]. *Uch. zap. kafedr obshchestvennykh nauk vuzov Leningrada. Ser. "Filosofiya"*. no. 8, p. 59. (In Russ.)

Стрежнева М.В. (2022а) Реальность, онтология и подстановка в теории организации Александра Богданова // Мировая экономика и международные отношения. Т. 66. № 8. С. 101–110. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-8-101-110>

Strezhneva M.V. (2022a) *Real'nost', ontologiyaipodstanovka v teoriiorganizatsii Aleksandra Bogdanova* [Reality, Ontology and Substitution in the Organization Theory by Alexandr Bogdanov]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. vol. 66, no. 8, pp. 101–110. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-8-101-110> (In Russ.)

Стрежнева М.В. (2022b) Дифференцированная региональная (дез) интеграция после Брексита // Вестник МГИМО-Университета. № 15. С. 39–60. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-3-84-39-60>

Strezhneva M.V. (2022b) *Differentsirovannaya regional'naya (dez) integratsiya после Breksita* [Differentiated Regional (Dis) Integration Post Brexit]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. no. 15, pp. 39–60. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-3-84-39-60> (In Russ.)

Almond G.A., Powell G.B.Jr., Dalton R.J., Strom K. (2009) *Comparative Politics Today: A World View* 9th Edition. New York.: Longman. 800 p.

Bertalanffy L. von. (1969) *General System Theory: Foundations, Development Applications*. New York: George Braziller. 296 p.

Deutsch K.W. (1965) *The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control with a New Introduction*. New York : Free Press. 344 p.

Easton D. (1953) *The Political System. An Inquiry into the State of Political Science*. New York: Knopf. 377 p.

Gorelik G. (1986) Bogdanov's Tektologia, General Systems Theory, and Cybernetics // *Cybernetics and Systems: An International Journal*. No. 2. Pp. 157–175. <https://doi.org/10.1080/01969728708902134>

Jackson M.C. (2022) Alexander Bogdanov, Stafford Beer and Intimations of a Post-capitalist Future // *Systems Research and Behavioral Science*. Vol. 40. Pp. 1–15. <https://doi.org/10.1002/sres.2911>

Kaplan M.A. (1957) *System and Process in International Politics*. New York: John Wiley & Sons. 260 p.

Kleiner G.B. (2023) The Methodology of A. Bogdanov's Tektology in the Context of Modern Systems Economic Theory // *Systems Research and Behavioral Science*. Pp. 1–14. <https://doi.org/10.1002/sres.2933>

Lepskiy V., Malakhova E. (2022) Alexander Bogdanov's Tektology, Anticipating the Evolution of Social Systems Control // *Systems Research and Behavioral Science*. Pp. 1–12. <https://doi.org/10.1002/sres.2918>

Luhmann N. (1984) *Soziale Systeme. Grundriß einer allgemeinen Theorie*. Frankfurt: Suhrkamp. 674 p.

Parsons T. (1949) *The Structure of Social Action*. New York: Free Press. 817 p.

The Oxford Handbook of Political Science (2013) Ed(s): Goodin R.E. 1312 p.

Информация об авторе

Алешин Александр Андреевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела международно-политических проблем, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. Адрес: 117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., 23. E-mail: aleshin.a@imemo.ru

About the author

Alexander A. Aleshin, Candidate of Political Science, Senior Research Fellow, Department of International Political Problems, National Research Institute of World Economy and International Relations of the RAS. Address: 117997, 23 Profsoyuznaya str., Moscow, Russia. E-mail: aleshin.a@imemo.ru

Статья поступила в редакцию/ Received: 16.06.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 10.07.2024

Статья принята к публикации/ Accepted: 01.08.2024

Оригинальная статья / Original article

Организационная теория в осмыслении дезинтеграции (на примере брекзита)

© Д.Э. МОИСЕЕВА

Моисеева Дарья Эдуардовна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия), moiseeva.d17@gmail.com. ORCID: 0000-0003-1575-4019

Организационная теория А.А. Богданова предстает в качестве альтернативы теориям европейской интеграции для объяснения трансформации Европейского союза (ЕС). Формирующие и регулирующие механизмы теории рассмотрены применительно к интеграции/дезинтеграции. Среди преимуществ теории А.А. Богданова отмечены системность, универсальность и стройная логическая структура. Через призму организационной теории рассмотрен выход Великобритании из ЕС. Сделан вывод, что настоящий разрыв связи (дезинтегрессия) между двумя сторонами не произошел. Брекзит следует считать перестройкой связи (транзакцией), в результате чего образовался новый организационный комплекс, в котором участвуют Великобритания и ЕС. Протокол об Ирландии и Северной Ирландии изменил взаимодействие элементов нового комплекса таким образом, что тектологическая (организационная) граница между ЕС и Соединенным Королевством фактически пролегла в Ирландском море, сделав Северную Ирландию частью ЕС. Сформулирован вывод о потенциале теории Богданова для анализа международных отношений. Эта теория отражает трансграничность и всеобщую взаимосвязанность нашего мира.

Ключевые слова: тектология, теория, европейская интеграция, организационная теория, Александр Богданов, Европейский союз, брекзит, дезинтеграция

Цитирование: Моисеева Д.Э. (2024) Организационная теория в осмыслении дезинтеграции на примере брекзита // Общественные науки и современность. № 4. С. 54–64. DOI: 10.31857/S0869049924040048, EDN: ZHCUWJ

Organizational Theory In Understanding Disintegration (the Case of Brexit)

© D. MOISEEVA

Daria E. Moiseeva, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, RAS (Moscow, Russia), moiseeva.d17@gmail.com. ORCID: 0000-0003-1575-4019

Abstract. The organizational theory of A.A. Bogdanov appears as an alternative to theories of European integration to explain the transformation of the European Union (EU). The formative and regulatory mechanisms of the theory are studied in relation to integration/disintegration. Among the advantages of the theory of A.A. Bogdanov are noted systematicity, universality and harmonious logical structure. Through the prism of the organizational theory the UK's exit from the EU is examined. It is concluded that there was no real break in communication (disingression) between the two sides. What happened should be considered as a restructuring of communications (transaction), resulting in the formation of a new complex in which the UK and the EU participate. The Protocol on Ireland and Northern Ireland changed the organizational connection between the elements of the new complex in such a way that the tectological (organizational) border between the EU and the United Kingdom actually lays in the Irish Sea, making Northern Ireland part of the EU. A conclusion is formulated about the potential of Bogdanov's theory for the analysis of international relations. This theory reflects the transboundary nature and universal interconnectedness of our world.

Keywords: tectology, theories of integration, organizational theory, Alexander Bogdanov, European Union, Brexit, disintegration

Citation: Moiseeva D.E. (2024) Organizational Theory In Understanding Disintegration (the Case of Brexit). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 54–64. DOI: 10.31857/S0869049924040048, EDN: ZHCUWJ (In Russ.)

В изучении интеграционных процессов настолько утвердился приоритет теорий европейской интеграции, что все альтернативные подходы к объяснению углубленного межгосударственного сотрудничества стали чем-то экстравагантным, если не маргинальным. Классические теории европейской интеграции вкупе с теориями среднего уровня (подходами и концепциями для теоретического объяснения отдельных явлений интеграции) оформились в своего рода мейнстрим. Даже на фоне очевидной слабости в объяснении кризисов интеграции и имевшей место дезинтеграции абсолютное большинство исследователей продолжают их использовать [Моисеева 2022].

В то же время было бы полезно взглянуть на интеграцию/дезинтеграцию сквозь призму организационной теории Александра Богданова. Цель настоящего исследования – продемонстрировать потенциал и преимущества тектологии Богданова в объяснении трансформации в Европе. В первой части статьи будут рассмотрены формирующие и регулирующие механизмы теории А.А. Богданова в применении к организационной трансформации Европейского союза (ЕС). Вторая часть посвящена анализу выхода Великобритании из ЕС с позиции организационной теории. На этом примере будет предпринята попытка выявить разницу между дезинтеграцией (полным разрывом связи) и транзакцией (перестройкой связи) и определить, какой тип связи установился между двумя политическими системами в результате брекзита.

(Де)интеграция с точки зрения тектологии

Организационная теория Александра Богданова обладает потенциалом для объяснения причин дезинтеграции – именно в этом западные конвенциональные интеграционные теории демонстрируют свою слабость [Моисеева 2023]. В основополагающей работе «Тектология: всеобщая организационная наука» Богданов описывает универсальные организационные механизмы, свойственные всему живому и неживому миру вещей и миру идей: формирующие и регулирующие. Примечательно, что великим всеобщим организатором Богданов считает природу, а человека – ее учеником и подражателем. Иными словами, подтверждение действия формирующих и регулирующих механизмов можно найти не только в мире природы, но и в социальной среде: эта деятельность организована человеком, а «методы человеческие не могут выйти за пределы методов природы» [Богданов 1989, 142].

В рамках формирующего механизма Богданов выделяет следующие «принципы» (понятия, законы, методы – точного определения первоисточник не дает): конъюгация, цепная связь, ингрессия и дезингрессия. Конъюгация – это соединение комплексов, основа формирующего тектологического механизма, «первичный момент, порождающий изменение, возникновение, разрушение, развитие организационных форм» [Богданов 1989, 144]. С точки зрения социальных наук, конъюгация означает любое взаимодействие во времени и пространстве, за которым обязательно последует нечто новое, например, сотрудничество. Богданов считает конъюгацию частным случаем сложения. Процесс конъюгации сопровождается непременным преобразованием вступивших в него комплексов, иногда столь радикальным, что в измененных комплексах уже трудно узнать их первичный прообраз. Крайними случаями конъюгации считают уничтожение или радикальную реорганизацию, однако в большинстве случаев комплексы продолжают существовать в измененном, но вполне узнаваемом виде, сохраняя свои изначальные черты.

Комплексы организуются средствами цепной (организационной) связи. Цепная связь представляет собой звенья, связующие элементы, по которым комплексы совпадают. Например, стремление к достижению общей цели можно считать организационной связью между двумя комплексами. При этом цепная связь может быть двух типов: однородная (симметричная) или неоднородная (асимметричная). Тип связи определяет отношение комплексов друг к другу: либо у них одна природа и они относятся к элементам одного порядка, как нити толстого каната или рядовые работники предприятия, либо они не одинаковы и отношение одного к другому у них разное, как у начальника и подчиненного, как у винта и гайки. Фактически организационная связь – это то, как мы себе объясняем образование комплексов, объективные причины их существования.

Основным типом организационной связи является ингрессия – включение элементов в состав более сложной системы (организованного комплекса). Например, присоединение новых стран-участниц к ЕС является ингрессией. В результате ингрессии изменяются оба комплекса, вступившие во взаимодействие. Ингрессия служит ключом к решению фактически любых задач, где требуется организация людей, элементов, комплексов в более сложные системы. Однако далеко не все комплексы могут стать единым целым. Для установления такого типа организационной связи необходимо наличие общих элементов, общей цели, как было сказано выше. Чем больше у комплексов общих звеньев, тем легче им вступать во взаимодействие, образуя новый комплекс. Однако так бывает далеко не всегда. Зачастую для связывания двух комплексов может потребоваться введение опосредствующего комплекса. Особенность последнего состоит в том, что он обладает общими элементами с каждым из комплексов, которые не имеют общих звеньев или

их недостаточно для ингрессии. Примером опосредствующего комплекса может служить Европейская политика соседства, цель которой – распространение европейских ценностей в странах, иногда не имеющих общей границы с ЕС (Иордания, Азербайджан) [*Стрежнева, Моисеева* 2016, 165]. Тем не менее участие в Европейской политике соседства позволяет заинтересованным странам устанавливать с ЕС более тесные связи.

Наконец, дезингрессия означает разрыв организационной (тектологической) связи, распад комплекса или исключение элемента из состава более сложной системы. В теории общественной организации А.А. Богданов описывает дезингрессию как процесс выхода или отторжения от сложившейся формы общественной организации, когда существующие институты и структуры устаревают и перестают удовлетворять потребности общества. Дезингрессия может привести к изменению общественной системы и созданию новых форм организации, более соответствующих изменившимся обстоятельствам [*Богданов* 1921, 44]. Пример – разрыв отношений между Россией и ЕС, когда институциональная основа сотрудничества в виде Постоянного совета партнерства и Комитета парламентского сотрудничества Россия–ЕС полностью прекратила свою деятельность, и любые контакты между официальными лицами обеих сторон были прерваны.

Момент, когда комплекс распадается и его части отделяются друг от друга, Богданов определяет как тектологическую границу. Это граница либо между двумя комплексами, либо между комплексом и окружающей средой. Ни один из организованных комплексов не остается неизменным, даже если со стороны может казаться, что с ним ничего не происходит. В каждый момент времени система противостоит внешним или внутренним воздействиям (сопротивлениям), которые могут разрушить ее структуру. Это деятельность, направленная на достижение целей комплекса или выполнение определенных функций внутри системы. Соотношение активностей-сопротивлений определяет дальнейший путь развития комплекса: будет ли он существовать дальше, трансформируясь, либо будет деградировать и разрушаться.

Тектологическая граница означает отсутствие активностей-сопротивлений между двумя (или более) комплексами, то есть полную дезингрессию. Такое состояние долго поддерживаться не может, поскольку комплексы пребывают не в вакууме – они окружены другими комплексами, с которыми взаимодействуют: «Разрыв тектологической границы между двумя комплексами есть вообще начало их конъюгации, момент, с которого они перестают быть тем, чем они были, – тектологическими отдельностями, и образуют какую-то новую систему, с дальнейшими преобразованиями, возникновением связей, дезингрессий частичных или полных, – словом, это организационный кризис данных комплексов. Образование тектологической границы, создавая из данной системы новые отдельности, также делает ее, в организационном смысле, не тем, чем она была; это также ее кризис, только другого типа» [*Богданов* 1921, 45].

Наконец, необходимо рассмотреть понятие трансакции, которое означает взаимодействие и обмен элементами системы. Часто трансакцию трактуют упрощенно – для описания обмена информацией, энергией, материями и другими ресурсами внутри сложных систем. Однако в этом случае во внимание не принимают главное, а именно тот факт, что обмен ведет к внутренней реорганизации системы за счет усиления одних связей и ослабления других. Таким образом, трансакция – это реконструкция системы, возникающая как следствие усиления взаимосвязей между одними частями системы в сравнении с другими [*Рисполи* 2014]. Трансакция наступает в стремлении к новому эволюционному единству. Важный фактор здесь – взаимодействие с материалом, который можно охарактеризовать как «несознательный» или избыточный, так как он включен в организационные процессы не активно, а присутствует в латентной или резервной форме. При определенных обстоя-

ятельствах этот «несознательный» материал можно функционально использовать для целей, не предусмотренных системой заранее, часто как результат воздействия случайных факторов. Таким образом, трансакция представляет собой свойство развивающихся систем, способных к самоорганизации и функционально-коррелирующей реорганизации, где адаптивные и разадаптивные тенденции взаимодействуют.

Применительно к ЕС трансакциями можно считать дифференцированную интеграцию, Шенгенскую зону, еврозону, Экономический и валютный союз, то есть комплексы с более тесными связями внутри более крупного комплекса. Концепция «Европа разных скоростей» показывает, что элементы одной системы могут иметь друг с другом связи разного качества: более сложные и прогрессивные, либо менее сложные и даже номинальные. Тем не менее целостность системы от этого не страдает, напротив, это свидетельствует о ее высокой адаптивности.

Европейская интеграция может быть рассмотрена с точки зрения организационной науки, поскольку история создания и эволюции европейских сообществ – это бесконечная история действия законов ингрессии, дезингрессии, конъюгации, образования цепных связей и трансакций. Однако на этом потенциал организационной теории для рассмотрения европейской интеграции не исчерпан, ведь Богданов описал и второй – регулирующий – организационный механизм.

В рамках регулирующего механизма выделены три принципа (метода, закона): консервативный подбор, подвижное равновесие и прогрессивный подбор. Богданов считает консервативный подбор (допустимо также отбор) простейшим и универсальным принципом развития всего сущего, который сводится к дилемме: сохранение или уничтожение. Частным примером консервативного подбора можно считать естественный отбор в биологии. Механизм подбора состоит из трех элементов: 1) объект подбора (то, что подвергается подбору); 2) деятель, или фактор, подбора (то, что действует на объект подбора); 3) базис подбора (те свойства объекта, от которых зависит результат подбора). Например, в случае с расширением ЕС объектом подбора выступают страны-кандидаты на вступление, фактором подбора будут Копенгагенские критерии, а основой – степень соответствия стран-кандидатов Копенгагенским критериям. Таким образом, интеграционное объединение трансформируется вследствие подбора.

Заслуживает внимания и принцип подвижного равновесия, который Богданов сформулировал для организованных комплексов. В соответствии с этим принципом не существует форм, которые сохраняются неизменными. Кажущаяся неизменность достигается за счет того, что каждое изменение уравновешено противоположным ему. Не называя данного принципа, его описывает видный итальянский теоретик европейской интеграции С. Бартолини в книге, название которой звучит весьма по-Богдановски, – «Реструктурируя Европу: формирование центра, строительство системы и политическое структурирование взаимодействий между национальным государством и Европейским союзом» [Bartolini 2005]. Бартолини полагает, что интеграция, как и дезинтеграция, – процесс многомерный и разнонаправленный. Интеграция на уровне ЕС означает одновременную дезинтеграцию на национальном уровне, равно как и передача суверенных полномочий с национального на наднациональный уровень – все это бесчисленные процессы ассимиляции и дезассимиляции, происходящие на разных уровнях управления ЕС. Именно поэтому известная концепция многоуровневого управления Л. Хуг и Г. Маркса предстает частной попыткой упорядочить эти процессы [Hooghe, Marks 2001]. Ведь в результате интеграции происходит оформление новой политической системы, в которой власть, влияние, полномочия и компетенции ассимилируются и дезассимилируются, будучи распределены между несколькими уровнями управления – субнациональным, национальным и наднациональным.

Наконец, принцип прогрессивного подбора воплощен непосредственно в интеграции. В данном случае «прогрессивный» (от «прогрессии») означает непрерывный ряд событий, идущих в одну или другую сторону. Очевидный результат прогрессивного подбора – количественное уменьшение или увеличение элементов комплекса. Однако не следует понимать это буквально. Учитывая, что все комплексы в любой момент времени существуют в изменяющейся среде, с которой они непрерывно взаимодействуют, единственное, что может обеспечивать «относительную гарантию сохранения – это возрастание суммы активностей, перевес ассимиляции: тогда новые неблагоприятные воздействия встречают не прежнее, а увеличенное сопротивление» [Богданов 1989, 200]. Другими словами, расширение (интеграционного) комплекса, нарастание количества и качества связей внутри него и с внешним миром – это единственный путь, обеспечивающий его самосохранение. Из этого складывается организационная устойчивость форм, и именно таким путем развивалась европейская интеграция. Однако следует иметь в виду, что, разрастаясь, комплекс одновременно становится более уязвимым, подобно капле росы, которая во влажной среде увеличивается до тех пор, пока не скатится с поверхности по оси вниз.

Прогрессивный подбор делает неизбежными, естественными амбиции ЕС играть глобальную роль, равно как и объясняет стремление ЕС взаимодействовать с международными организациями, минуя свои страны-члены [Моисеева 2018], или выстраивать сложную архитектуру внешней политики для сотрудничества с третьими странами [Стрежнева, Руденкова 2016]. Эти действия призваны обеспечить самосохранение комплекса. Прогрессивный положительный подбор ведет к возрастанию количественной устойчивости: «Комплекс, охватывающий более значительную сумму элементов, тем самым характеризуется как более устойчивый по отношению к среде, но, очевидно, точно в прямом количественном смысле, т.е. как обладающий большей суммой активностей-сопротивлений, противостоящих этой среде» [Богданов 1989, 207].

Брекзит и его последствия в контексте организационной теории А.А. Богданова

Рассмотрим выход Великобритании из ЕС через призму теории А.А. Богданова. Не вдаваясь в подробности брекзита и его последствий для обеих сторон, обозначим, что с точки зрения организационной теории вопрос стоит следующим образом: считать ли брекзит трансакцией (перестройкой связи) или дезинтегрессией (разрывом связи)? Именно на этот вопрос мы постараемся найти ответ.

С юридической точки зрения, Великобритания действительно воспользовалась ст. 50 Договора о Европейском союзе и инициировала свой выход из состава союза в соответствии с результатами референдума (2016 г.) о членстве Соединенного Королевства. На первый взгляд, прекращение членства можно расценить как дезинтегрессию, однако события, последовавшие за референдумом (растянувшиеся на годы переговоры о выходе, которые по длительности можно сравнить только с переговорами о вступлении Великобритании в ЕС), свидетельствуют, скорее, о сложной институциональной и правовой реорганизации отношений между Великобританией и ЕС. Собственно, об этом прямо написано в преамбуле к Соглашению о выходе Соединенного Королевства из ЕС: «Преисполненные решимости обеспечить упорядоченный выход путем принятия различных положений о разделении, направленных на предотвращение нарушений и обеспечение правовой определенности для граждан и экономических субъектов <...> Считая, что в интересах как Союза, так и Соединенного Королевства определить пере-

ходный или имплементационный период...»¹. Скрепленное обеими сторонами намерение сделать выход упорядоченным и постепенным указывает на перестройку организационной связи, а не на ее разрыв.

Сегодня в правовом поле отношения Великобритании и ЕС регулируют четыре договора.

- Соглашение о выходе Соединенного Королевства из ЕС (включая Протокол об Ирландии и Северной Ирландии)², которое вступило в силу 1 февраля 2020 г., призвано обеспечить упорядоченный выход Великобритании, защитить права граждан ЕС и подданных Великобритании, финансовые интересы ЕС, а также мир и стабильность в Ирландии.

- Соглашение о торговле и сотрудничестве между ЕС и Великобританией³, действующее в предварительном порядке с 1 января 2021 г. и охватывающее ряд областей, которые представляют взаимный интерес для ЕС и Великобритании. Соглашение состоит из нескольких частей, включая Соглашение о свободной торговле, учреждение партнерства для безопасности граждан с созданием Совместного совета партнерства для урегулирования споров и разъяснения надлежащего правоприменения условий соглашения. Данное соглашение охватывает сотрудничество в экономической, социальной и экологической сферах, а также в вопросах рыболовства и содержит главу об эффективном управлении, которая имеет обязательную силу, предусматривает механизмы урегулирования споров и защитные меры в случае невыполнения обязательств.

- Соглашение об информационной безопасности между ЕС и Великобританией⁴, привязанное к институциональной структуре Соглашения о торговле и сотрудничестве между ЕС и Великобританией, временно применяемое с 1 января 2021 г. Данное соглашение призвано обеспечить обмен секретной информацией между ЕС и Великобританией с соблюдением высоких стандартов по защите и обработке информации.

- Соглашение между ЕС и Великобританией о сотрудничестве в области безопасного и мирного использования ядерной энергии⁵, также временно применяемое с 1 января 2021 г., предусматривает широкомасштабное сотрудничество в области ядерной безопасности и мирного использования ядерной энергии, подкрепленное гарантиями того, что обе стороны будут соблюдать международные обязательства по нераспространению и не будут снижать текущий уровень стандартов ядерной безопасности.

Наибольший интерес из перечисленных соглашений представляет Соглашение о свободной торговле, которое очерчивает новую форму экономического и социального партнерства между ЕС и Великобританией, и Протокол об Ирландии и Северной Ирландии.

¹ Agreement on the withdrawal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland from the European Union and the European Atomic Energy Community (2019). European Commission. 12.11.2019. (https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/relations-non-eu-countries/relations-united-kingdom/eu-uk-withdrawal-agreement_en).

² Ibid.

³ Trade and Cooperation Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community, of the one part, and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, of the other part (2020). European Commission. 30.04.2021. (https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/relations-non-eu-countries/relations-united-kingdom/eu-uk-trade-and-cooperation-agreement_en).

⁴ Agreement between the European Union and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland concerning security procedures for exchanging and protecting classified information (2020). European Commission. 30.04.2021. (https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/relations-non-eu-countries/relations-united-kingdom/eu-uk-trade-and-cooperation-agreement/eu-uk-security-information-agreement_en).

⁵ The EU-UK Agreement for cooperation on the safe and peaceful uses of nuclear energy (2020). European Commission. 30.04.2021. (https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/relations-non-eu-countries/relations-united-kingdom/eu-uk-trade-and-cooperation-agreement/eu-uk-agreement-cooperation-safe-and-peaceful-uses-nuclear-energy_en).

Соглашение о свободной торговле вводит нулевые тарифы и нулевые квоты на все товары, удовлетворяющие правилам происхождения. Кроме того, оно охватывает не только торговлю товарами и услугами, но и широкий спектр других областей, представляющих интерес для ЕС, таких как инвестиции, конкуренция, государственная помощь, прозрачность налогообложения, воздушный и автомобильный транспорт, энергетика и устойчивое развитие, рыболовство, защита данных и координация социального обеспечения. Иными словами, Великобритания покидает ЕС не с пустыми руками, а с новым обширным регулированием, которое прямо или косвенно вынуждает британских производителей, бизнесменов, инвесторов и т.д. соответствовать нормам и стандартам ЕС во всех тех случаях, когда они соприкасаются с союзом. Внимания заслуживают некоторые формулировки из преамбулы к соглашению: «Признавая важность глобального сотрудничества для решения вопросов, представляющих общий интерес <...> Учитывая важность трансграничного сообщения воздушным, автомобильным и морским транспортом для пассажиров и грузов, а также необходимость обеспечения высоких стандартов при оказании транспортных услуг между Сторонами <...> Отмечая заинтересованность Сторон в создании основы для содействия техническому сотрудничеству и разработке новых торговых механизмов для межсетевых соединений, которые обеспечивали бы надежные и эффективные результаты на всех отрезках времени...»⁶. Таким образом, стороны очерчивают разделяемые ими принципы, на которых будет строиться их дальнейшее взаимодействие. Эти принципы хорошо известны, поскольку закреплены в *acquis communautaire* – системе правовых норм ЕС.

Однако декларацией одних только принципов соглашение не ограничивается. В ст. 3 Соглашения о торговле и сотрудничестве прописана новая обширная институциональная база взаимодействия сторон, включая создание Совета партнерства, 19 профильных комитетов, 4 рабочих групп, Парламентской партнерской ассамблеи и Форума гражданского общества⁷. Вообще же, не зная контекста, можно подумать, что речь идет не о выходе определенной страны из какого-то сообщества, а об установлении теснейших и всеобъемлющих связей между двумя сторонами. Таким образом, ни о какой дезинтеграции (полном разрыве связи), «обретении независимости» или «возвращении суверенитета» (что бы под этим ни подразумевалось) речь не идет, поскольку организационная (тектологическая) связь не была разорвана, но была реорганизована, что прямо следует из соглашений. Изменился тип цепной связи между Великобританией и ЕС – она стала неоднородной, асимметричной, между тем как до брекзита связь между странами-членами ЕС можно было охарактеризовать как связь между элементами одного порядка, то есть она была однородной, симметричной. С изменением типа цепной связи Великобритания и ЕС представляют собой новый организованный комплекс.

Другой важный вопрос касается того, где теперь пролегает тектологическая (организационная) граница между ЕС и Великобританией. До брекзита эта проблема не возникала, потому что регулирование ЕС распространялось на всю территорию Великобритании. Протокол об Ирландии и Северной Ирландии изменил ситуацию таким образом, что отныне часть Соединенного Королевства (Северная Ирландия) фактически продолжает существовать как часть ЕС, потому что в ходе переговоров о выходе из союза Великобри-

⁶ Trade and Cooperation Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community, of the one part, and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, of the other part (2020). European Commission. 30.04.2021. (https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/relations-non-eu-countries/relations-uk/eu-uk-trade-and-cooperation-agreement_en).

⁷ Ibid.

тания и ЕС сошлись на невозможности установить жесткую границу (пункты пограничного контроля с досмотром товаров и проверкой документов) между Республикой Ирландия и Северной Ирландией. Таким образом, Протокол об Ирландии и Северной Ирландии не противоречит Соглашению Страстной пятницы 1998 г., согласно которому контрольно-пропускные пункты, неоднократно подвергавшиеся нападениям военизированных группировок, были упразднены. Поэтому в настоящее время грузовики с товарами свободно пересекают сухопутную границу между Великобританией и Ирландской Республикой, что сохраняет принадлежность Северной Ирландии к таможенному союзу ЕС. Поскольку Великобритания больше не член ЕС, постольку британским товарам, ввозимым в ЕС, не избежать таможенных проверок. Теперь досмотр товаров, прибывающих из Великобритании морским путем, проводят на территории Северной Ирландии, что фактически создает между Соединенным Королевством и ЕС невидимую границу, пролегающую в Ирландском море, то есть внутри самой Великобритании.

С позиции тектологии, Великобритания и ЕС после брекзита представляют собой новый комплекс, как уже было сказано выше. Однако и внутри этого комплекса произошла реорганизация цепной связи. Сложный переговорный процесс, в ходе которого полномочия и компетенции возвращались с наднационального уровня на национальный, заставил Вестминстер и Стормонт вести себя экстраординарным образом в борьбе за соответствующие полномочия [Strezhneva, Moiseeva 2021]. В результате тектологическая граница между Соединенным Королевством и ЕС пролегла между Англией, Уэльсом и Шотландией, с одной стороны, и Северной Ирландией, с другой. После дезинтеграции ЕС образовались два новых комплекса: политическая система Великобритании и политическая система ЕС. Северная Ирландия стала выполнять функцию опосредствующего комплекса. Так образовался новый интеграционный комплекс, который, несмотря на брекзит, по-прежнему объединяет Соединенное Королевство и ЕС, но уже с другим типом связи внутри комплекса.

* * *

В настоящей статье в качестве заслуживающей внимания альтернативы конвенциональным интеграционным теориям предложена организационная теория А.А. Богданова. Описанные им механизмы, закономерности и принципы формирования, развития и распада систем следует признать более адекватными для изучения (дез)интеграции, чем теории мейнстрима. Теория Богданова обладает рядом важных преимуществ: она является системной, выведенные в ней организационные механизмы универсальны и действуют применительно к самым разным формам и масштабам (дез)интеграционной практики.

С позиции организационной науки брекзит представляет собой распад одного организационного комплекса (ЕС) на два (ЕС и Великобритания), которые совместно образовали новый организационный комплекс. В данном комплексе произошла смена цепной связи между элементами с однородной (симметричной) на неоднородную (асимметричную). Особенностью данного комплекса является установление тектологической (организационной) границы между его элементами, которое произошло в результате подписания Протокола об Ирландии и Северной Ирландии таким образом, что граница стала пролегать внутри Великобритании. Фактически Северная Ирландия организационно относится к ЕС, хотя по договору вышла из него вместе с Соединенным Королевством. Великобритания и ЕС сознательно пошли на такую меру, чтобы избежать установления жесткой границы между двумя частями острова, дабы не воскрешать из недавнего прошлого вооруженный конфликт и не нарушать Соглашение Страстной пятницы 1998 г.

В целом трансформация ЕС и образование нового организационного комплекса с Великобританией после брекзита свидетельствуют об организационной пластичности ЕС, его высокой способности адаптироваться к меняющимся условиям не только внешней, но и внутренней среды.

Что касается обретения желанных свобод от европейских норм и стандартов, то эта цель едва ли была достигнута. В соответствии с принципами тектологии новые комплексы возникают, взаимодействуют друг с другом, распадаются, а распавшись, формируют новые связи и т.д. Этот процесс трансграничен, как и международные отношения в новейшее время. Именно поэтому теория Богданова актуальна для анализа не только (дез)интеграции, но и международных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Богданов А.А. (1921) Очерки организационной науки. Самара: Государственное издательство. 297 с.

Bogdanov A. (1921) *Ocherki organizacionnoj nauki* [Essays in Organizational Science]. Samara: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 297 p. (In Russ.)

Богданов А.А. (1989) Тектология: всеобщая организационная наука. М.: Экономика. В 2 т. Т. 1. 304 с.

Bogdanov A. (1989) *Tektologiya: vseobshchaya organizacionnaya nauka* [Tectology: a General Organizational Science]. Moskva: Ekonomika. V 2 t. T. 1. 304 p. (In Russ.)

Моисеева Д.Э. (2018) Взаимодействие европейского союза с международными организациями в контексте организационной теории // Вестник Пермского университета. Политология. Т. 12. № 4. С. 153–165. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2018-4-153-165>

Moiseeva D. (2018) *Vzaimodejstvie evropejskogo soyuza s mezhdunarodnymi organizacijami v kontekste organizacionnoj teorii* [Interaction of the European Union with International Organizations in the Context of Organizational Theory] // *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, vol. 12, no 4, pp. 153–165. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2018-4-153-165> (In Russ.)

Моисеева Д.Э. (2022) Теории европейской интеграции в поисках объяснения дезинтеграции // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. № 2. С. 37–44. <https://doi.org/10.20542/afij-2022-3-37-44>

Moiseeva D.E. (2022) *Teorii evropejskoj integracii v poiskah ob'yasneniya dezintegracii* [Theories of European Integration in Search of an Explanation of Disintegration] // *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN*, no 2, pp. 37–44. <https://doi.org/10.20542/afij-2022-3-37-44> (In Russ.)

Моисеева Д.Э. (2023) Преимущества организационной теории Александра Богданова в объяснении трансформации европейского союза // Полис. Политические исследования. № 3. С. 39–49. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.04>

Moiseeva D.E. (2023) *Preimushchestva organizacionnoj teorii Aleksandra Bogdanova v ob'yasnenii transformacii evropejskogo soyuza* [Advantages of Alexander Bogdanov's Organizational Theory in Explaining the Transformation of the European Union] // *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no 3, pp. 39–49. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.04> (In Russ.)

Рисполи Дж. (2014) Теории систем и эволюционные трансакции в контексте учения А.А. Богданова // Философские науки. № 12. С. 50–65.

Rispoli Dzh. (2014) *Teorii sistem i evolyucionnye transakcii v kontekste ucheniya A.A. Bogdanova* [Systems Theories and Evolutionary Transactions in the Context of the Teachings of A.A. Bogdanov] // *Filosofskie nauki*, no. 12, pp. 50–65. (In Russ.)

Стрежнева М.В., Руденкова Д.Э. (2016) Европейский союз: архитектура внешней политики. М.: ИМЭМО РАН. 135 с.

Strezhneva M.V., Rudenkova D.E. (2016) *Evropejskij sojuz: arhitektura vneshnej politiki* [European Union: Foreign Policy Architecture]. Moskva: IMEMO RAN. 135 p. (In Russ.)

Bartolini S. (2005). *Restructuring Europe: centre formation, system building, and political structuring between the nation state and the European Union*. Oxford: Oxford University Press. 448 p.

Hooghe L., Marks G. (2001) *Multi-Level Governance and European Integration*. Lanham, Rowman & Littlefield. 240 p.

Strezhneva M., Moiseeva D. (2021) Parliamentaryisation of Brexit: legitimization games in the process of regional disintegration. *Parliaments, Estates and Representation*, vol. 41, is. 3, pp. 353–370.
<https://doi.org/10.1080/02606755.2021.1955569>

Информация об авторе

Моисеева Дарья Эдуардовна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра европейских исследований ИМЭМО РАН. Адрес: 117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., 23. E-mail: moiseeva.d17@gmail.com

About the author

Daria E. Moiseeva, Candidate of Sciences (Politics), Senior Research Fellow, Section of the EU Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the RAS. Address: 117997, 23 Profsoyuznaya st., Moscow, Russia. E-mail: moiseeva.d17@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 12.03.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 10.07.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 03.08.2024

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ SOCIAL PHILOSOPHY

Оригинальная статья / Original article

Гражданское общество: в поисках сущности¹

© И.Е. ДИСКИН

Дискин Иосиф Евгеньевич, Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), idiskin9@gmail.com. ORCID:0000-0001-5002-7867

В последнее время в российском обществе активно обсуждают вопрос о характере гражданского общества страны. Более того, позиции в этой дискуссии стали разграничительным маркером для определенных сегментов общественной мысли. Предпринята попытка сделать шаг к пониманию сущности этого концепта, проанализировав тренды макросоциальных изменений на Западе и их влияние на концептуализацию понятия гражданского общества. Значимый тренд концептуализации – преувеличение политического измерения функций гражданского общества, с одной стороны, и элиминирование его нравственно-этического влияния на характер общественного развития – с другой.

Ключевые слова: гражданское общество, социальное развитие, концептуализация, политика, нравственность, этика, культура

Цитирование: Дискин И.Е. (2024) Гражданское общество: в поисках сущности // Общественные науки и современность. № 4. С. 65–79. DOI: 10.31857/S0869049924040059, EDN: ZHCJAJ

¹ Финансирование. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 г. по теме «Эволюция институтов самоорганизации и благотворительности».

Funding. The research was carried out within the framework of the Basic Research Program HSE in 2024 on the topic “The evolution of institutions of self-organization and charity”.

Civil Society: In Search of Essence

© I. DISKIN

Isosif E. Diskin, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia),
idiskin9@gmail.com. ORCID: 0000-0001-5002-7867

Abstract. Recently, the issue of the nature of civil society in Russia has been actively discussed in domestic discourse. Moreover, positions in this debate have become a marker for certain segments of social thought. An attempt is made towards understanding the essence of this concept by analyzing the trends of macro-social changes in the West and their impact on the conceptualization of the concept of civil society. A significant trend in this conceptualization is the exaggeration of the political functions of civil society, on the one hand, and the elimination of its moral and ethical influence on the nature of social development, on the other.

Keywords: civil society, social development, conceptualization, politicsculture, ethics

Citation: Diskin I. (2024) Civil Society: In Search of Essence. *Obschestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 65–79. DOI: 10.31857/S0869049924040059, EDN: ZHCJAJ (In Russ.)

В последнее время актуальность вопроса о гражданском обществе, о его сущности и российской специфике явно возросла. Более того, отношение к концепту «гражданское общество», трактовка его сущности становятся разграничительным маркером для определенных сегментов общественной мысли.

В соответствии с одним из влиятельных подходов, уровень развития гражданского общества выступает критерием общественно-государственного развития, обуславливает его успех. Популярные институционалисты Д. Аджемоглу и Дж.А. Робинсон посвятили монографию необходимости развития гражданского общества и его сотрудничества с государством как ключевых условий успешного продвижения вперед [Аджемоглу, Робинсон 2021].

Альтернативный подход заключается в тотальном отрицании существования гражданского общества в России. В радикальной интерпретации ее изложил А.Г. Дугин: «Гражданского общества в России не может быть даже в теории, поскольку гражданское общество – это социально-политический продукт развития западноевропейской романо-германской цивилизации, двигавшейся по совершенно иной логике. Попытки превратить авторитарным образом социальную организацию россиян в гражданское общество (или его прообразы), что на практике было тождественно его радикальной вестернизации, всякий раз приводило к катастрофическим, апокалиптическим последствиям, к расколу, жестокой диктатуре, отчуждению правящих элит от широких масс» [Дугин 2023].

Можно не соглашаться с этими подходами, но важнее обратить внимание на аргументацию, связывающую трактовку концепта «гражданское общество» с трендами вестернизации. Указание на взаимосвязь формирования понятия «гражданское общество» с характером макросоциального развития создает предпосылки для продвижения к пониманию сущности этого концепта. Ведь при иных, эмпирически верифицированных характеристиках процессов развития и их результатов, возникают и иные ответы на поднятые вопросы, в том числе не только подтверждение теоретической возможности существования гражданского общества в нашей стране, но и признание его наличия. При таком понимании взаимосвязей возможно выявить сущность гражданского общества. Этот путь

связан с анализом макросоциальных проблем, возникавших в общественно-государственном развитии обобщенного Запада, результатом которого и стала концептуализация общественного развития. Часть ее – разработка проблематики гражданского общества.

Следует подчеркнуть, что осознание этой проблемы стало как сильным стимулом для теоретической рефлексии, так и имело определенные теоретические последствия: преувеличение значимости рассматриваемых проблем в контексте общественного развития; поиск новых идейно-теоретических средств анализа; достаточно жесткий отказ от альтернативных, прежде всего предшествующих теоретических концептов. Неудивительно, что подобная ситуация стимулировала идеологические противоречия в обсуждении обозначенных проблем, которые сформировались в устойчивые тренды, создавая эффект «колеи».

Индивидуализация и рационализм

Главным импульсом для актуализации проблем, которые впоследствии привели к концептуализации понятия «гражданское общество», стал распад социальных и политических механизмов, регулировавших отношения в традиционном обществе – макросоциальные изменения Нового времени. Речь идет прежде всего об индивидуализации общественных отношений и связанном с ней рационализме.

Нужно иметь в виду, что указанные перемены носили фундаментальный характер: произошла смена ценностей первого порядка, которые выстраивали всю систему норм и представлений. Для цивилизации средневекового Запада главной ценностью была верность [*Ле Гофф* 2022], но социально-политическая практика позднего средневековья систематически ее дискредитировала, подрывая всю систему основанных на ней социальных отношений [*Шекспир* 1996]. Усложнение социальных связей, рост образованности городского населения и подключение значительной его части к книжной культуре создавали предпосылки для качественно новых механизмов социального регулирования, основанных на индивидуальном рациональном выборе, на повышении статуса личности.

Эти перемены влекли за собой пересмотр базовых общественных отношений и стимулировали формирование концепций государственного управления, построенных на более рациональных основаниях. Яркий пример такой концептуализации – труд Н. Макиавелли «Государь», вся аргументация которого носит сугубо рациональный характер, избегая обращения к религиозным нормам и установлениям [*Макиавелли* 1990].

Существенным стимулом для легитимации новых социальных механизмов стали достижения выдающихся личностей не только на полях бесконечных сражений, но и в ходе Великих географических открытий. Сформировался социальный миф о новом типе личности. Концептуализацией этого мифа стала метафора М. Маффесоли о прометеевской культуре: «Для нее типичны ценности прилежной работы, изобретения, прогресса, универсального продуктивизма, столь соответствовавшего духу эпохи великих открытий» [*Алиева* 1995]. Обобщая анализ этих процессов, Ю. Хабермас настаивал, что гражданское общество – уникальный историко-социальный феномен, корни которого лежат в европейских преобразованиях XVII–XVIII вв. [*Habermas* 1991]. Утверждение индивидуализма и рационализма получило теоретическое обобщение в концепции методологического индивидуализма Й. Шумпетера [*Hodgson* 2009].

Очевидно, что столь кардинальные социальные перемены, подрывавшие основы прежнего социально-государственного порядка, стимулировали появление концепций становления социального порядка, адекватного новой реальности. Так, Т. Гоббс изложил идею гражданского общества как условия перехода от природного (естественного) состояния первозданных необузданных страстей, всеобщей вражды и страха к упорядоченному

обществу, граждане которого дисциплинированы властью государства [Гоббс 1991]. Альтернативой такого общественного устройства является «война всех против всех». Следует обратить внимание на то, что позиция Гоббса основана на гиперболизации уровня рациональности индивида, способного к формированию устойчивых социальных отношений, которые ведут к общему благу. Гиперболизация – продукт духа времени, общего настроения эпохи Просвещения, когда разум был противопоставлен религиозным предрассудкам. Соответственно, в своих проекциях роли разума социальные мыслители обращались к инструментам, в которых рациональность и индивидуальный интерес играли преобладающую роль. Именно поэтому совершенно логичным стало проецировать концепт договора на все общественные отношения. Идея договора в Новое время превратилась в преобладающую. Яркий пример коллизии вокруг норм договора демонстрирует драма Шекспира «Венецианский купец» [Шекспир 1992]. В этом смысле совершенно в духе времени возник концепт общественного договора, который первоначально предложили Гоббс в «Левиафане» и Локк в «Двух трактатах о правлении» [Гоббс 1991, Локк 2014]. Затем он получил развитие у Ж.-Ж. Руссо [Руссо 2023]. Гегель определяет гражданское общество как «объединение членов в качестве самостоятельных, единичных в формальной, таким образом, всеобщности на основе их потребностей и через правовое устройство в качестве средства безопасности лиц и собственности и через внешний порядок для их особенных и общих интересов» [Гегель 1990].

Концептуализация понятия «общественный договор» создает основу для представления гражданского общества как институционально упорядоченного основания для формирования государственных отношений в качестве легитимного участника соответствующего договора.

Общественная мораль и религия

Отмеченная выше гиперболизация рациональных оснований социальной деятельности сделала излишним рассмотрение социокультурных, как мы бы сказали сегодня, условий эффективного функционирования договорных отношений. Дух времени создавал убеждение, что в соответствии с доминировавшей концепцией рационального эгоизма разумные люди, которые следуют собственным интересам, вполне способны не только заключить общественный договор, но и поддерживать его устойчивое соблюдение. Важными факторами формирования подобных представлений стала не только отмеченная выше гиперболизация рациональности, но и тенденция исключать из рассмотрения нравственно-этические основания соблюдения норм договорных отношений. Характерно высказывание Гегеля: «В гражданском обществе каждый для себя – цель, все остальное для него ничто» [Гегель 1990]. Те немногие мыслители, кто вполне осознавал роль общественной морали в преодолении «войны всех против всех», тоже стремились построить нормы этой морали в соответствии с духом времени, т.е. исключительно на рациональных основаниях. Яркий пример – «Теория нравственных чувств» А. Смита [Смит 1997]. Следует учитывать не вполне рефлексированное влияние идей шотландского протестантизма на эту концепцию последовательно рационализированной этики. Много позднее М. Вебер показал связь между доктринальным фундаментом протестантизма, нравственными нормами его последователей, с одной стороны, и ценностными основаниями нового, капиталистического, социально-экономического уклада – с другой [Вебер 1990]. Общим трендом социальной мысли рассматриваемого времени были представления о нравственности как естественном состоянии человека и ее распаде в результате негативного влияния всей системы общественных и государственных установлений [Руссо 2023].

Понимание роли морали в формировании базовых оснований жизни социума обусловило две магистральные линии концептуализации гражданского общества. Первая, выступавшая последовательным развитием идей Просвещения, тесно связана с антиклерикализмом. Ее истоки уходят в эпоху раннего гуманизма и зарождения Ренессанса. Примером могут служить обличения Петраркой и его другом Боккаччо нравов религиозной жизни того времени [*Девятайкина* 1988, *Боккаччо* 1970]. Эта линия получила развитие в либеральной концептуализации, которая принимала все более радикальный характер. Символом антиклерикализма можно считать творчество Вольтера [*Вольтер* 1988], который, однако, вполне осознавал связь религии и общественной морали [*Ильин* 2005]. Логичное развитие это направление получило в социально-политической концептуализации, в которой гражданское общество противопоставлялось религиозным институтам [*Anheier* 2004, *Хабермас* 1995].

В отечественной и зарубежной литературе, посвященной генезису гражданского общества, практически не уделено внимания вкладу религиозных институций и общин в этот процесс. Например, определяя сообщество как социальную сеть, исследователи из Университета Торонто Уэллман, Боаз и Чен называют сообщество эпохи до Интернета однородной группой, взаимодействующей с соседями; сетью межличностных связей, которые обеспечивают общительность, поддержку, информацию, чувство принадлежности и социальную идентичность [*Wellman, Boase, Chen* 2002]. Однако их определение явно относится и к религиозным сообществам. Соответственно следование введенным признакам ведет к включению религиозных сообществ в структуры гражданского общества.

В качестве второго направления можно выделить концептуализацию, основу которой составляют представления об общественной морали как необходимом элементе функционирования гражданского общества. Консервативные сторонники этого подхода убеждены, что в основе нравственных представлений и общественного устройства лежат прежде всего религиозные установления. Отправной точкой служит позиция святого Фомы Аквинского: «Благо отдельного человека, общества и универсума определяется божественным замыслом, и нарушение человеком божественных законов является действием, направленным против его собственного блага»². Эта идея определяла тесную связь между религиозными догматами, с одной стороны, и социальными практиками – с другой. Не будем останавливаться на радикальных проектах воплощения религиозных догматов в социальные практики, примером которых может служить проект иезуитов в Парагвае [*Григулевич* 1977]. Для нас важнее традиции социального служения, заложенные религиозными институтами, прежде всего монастырями и религиозными общинами, которые рассматривали заботу о сирых и убогих как исполнение религиозных заповедей. Так, в течение нескольких столетий в Англии забота об инвалидах, получивших увечья на королевской службе, возлагалась на приходы. Лишь позднее, когда масштаб войн существенно увеличился и эта нагрузка стала непосильной для приходов, возникли иные институциональные решения. При этом следует обратить внимание на кардинально иное отношение к бедным, лишенным возможностей заработка. Здесь действовали крайне жесткие, если не жестокие нормы, воплощением которых были рабочие дома [*Барлова* 2009].

Благодатной почвой для социального обустройства на основе норм религиозной морали стали колонии британской короны в Северной Америке. Здесь возникла сеть общин, созданных религиозными диссидентами, для которых вера служила императивом. В этих

² Св. Аквинский Ф. Из произведений. Электронная библиотека Католической информационной службы Agnuz.info. (http://www.agnuz.info/tl_files/library/books/foma_akvinskii_iz_proizvedenii).

общинах сформировалось напряженное нравственно-этическое отношение ко всем сторонам общественной жизни, что вылилось в сильную взаимную социальную поддержку внутри общин и одновременно в жесткий социальный контроль.

Представляет интерес характеристика подобных социально-нравственных отношений автором, который придерживался принципиально иных взглядов [де Токвиль 1992]. Для графа Алексиса де Токвиля фокусом стало социально-психологическое измерение: «Лишь в процессе общения людей человеческие чувства и идеи обновляются, сердца становятся благороднее, а интеллект получает развитие» [де Токвиль 1992]. Как католик и консерватор де Токвиль вполне оценивал нравственно-этическое влияние религии на характер функционирования наблюдаемых общностей [Дементьев 1992, 12]. Учет нравственно-этического измерения взаимодействия в рамках разного рода ассоциаций и сообществ выступает значимым аргументом в его концепции генезиса гражданского общества и функционирования демократии. Попутно следует обратить внимание на явную связь позиций А. де Токвиля и Ю. Хабермаса в оценке роли коммуникационного взаимодействия как фактора генезиса гражданского общества [Хабермас 1995].

Имея в виду нравственное измерение гражданского общества, следует обратить внимание на масштабы его влияния не только на нравственную атмосферу, но и на структурные сдвиги в социальной жизни. Так, общественные движения в США, прежде всего религиозные организации, провели в 1930-е гг. масштабную кампанию за введение сухого закона. Несмотря на издержки и противоречия правоприменительной практики, принятие сухого закона переломило тенденцию алкоголизации населения, угрожавшую самому существованию американской нации.

Смена оснований легитимности

Следующим фактором, обусловившим изменение как роли и влияния гражданского общества, так и фокуса его теоретической рефлексии, стали перемены в основаниях легитимности институциональной системы, прежде всего государства. На смену религиозному санкционированию легитимности, символом которого служило миропомазание, пришла нация [Дискин 2021]. Был поставлен вопрос об основаниях нации как сообщества. «Совсем неслучайно французские революционеры, возвестившие о наступлении современности, увязывали братство со свободой и равенством: братство – это то чувство, которое способно примирить свободу с равенством. Только в том случае, если мы рассматриваем других как членов того же сообщества, мы соглашаемся с тем, что распределительное налогообложение, необходимое для обеспечения равных возможностей (equity), не ущемляет нашу свободу» [Collier 2014].

В контексте нашего обсуждения следует обратить внимание на то, что исследователи XIX–XX вв. столкнулись с неопределенностью нации как субстанции, ее метафизичностью и даже мифологичностью [Хьюбнер 2001]. Поэтому звучали призывы исключить эту категорию из теоретического анализа. Так, Вебер полагал, что нация – это понятие, которое – если его вообще можно определить однозначно – нельзя описать на основе общих эмпирических качеств, считающихся свойственными ей [Вебер 2022]. Следует отказаться от представлений о нации как о воображаемом сообществе [Anderson 1983]. Во-первых, все сообщества, функционирующие вне непосредственного межличностного взаимодействия, можно отнести к воображаемым. Во-вторых, с учетом теоремы Томаса, этот аргумент мало характеризует регуляторное влияние нации³.

³ Большая российская энциклопедия. (<https://bigenc.ru/c/tomas-uil-iam-aizek-4e119e>).

Подходом, направленным на преодоление возникших теоретических противоречий, стал концепт «политическая нация», который связал легитимирующую функцию нации с политическими реалиями и одновременно позволил дистанцироваться от расовых и этнических коннотаций. По мнению Ю. Хабермаса, политическая нация позволяет строить общественные отношения на «укорененных в политической культуре правовых принципах, а не на особой этнически культурной форме жизни в целом» [Хабермас 1995].

Следует обратить внимание на соображение Л.М. Дробижевой относительно влияния духа времени на концептуализацию: «Для западных исследований характерно “наложение” концептов политической и гражданской идентичности ввиду исторической синхронии процессов формирования политической нации-государства и становления самоуправления народа» [Дробижева 2006].

Такого рода подходы обусловили вполне определенное понимание роли гражданского общества, которая проявляется прежде всего через участие в формировании политической нации. Здесь можно выделить две альтернативы. Первая, идущая от Вебера, состоит в том, что нация стремится создать государство [Вебер 2022]. В соответствии со второй, развернутой в работах И. Валлерстайна, «именно появление государства предшествует появлению нации, а не наоборот» [Валлерстайн 2004]. С точки зрения нашего обсуждения обе эти концепции означают, что фокусом анализа становится политическая роль гражданского общества и характер его взаимодействия с государственными институтами. Это мейнстрим в теоретическом анализе.

В этой связи особую значимость приобретает легитимирующая оценка государства гражданским обществом. Примером может служить ставшая классической работа Г. Алмонда и С. Вербы «Гражданская культура. Политические установки и демократия пяти наций» [Алмонд, Верба 1997]. Однако в их концепции доминирует «эффект колен» – сбрасывают рассмотренные выше подходы, связанные с преобладанием рациональности в такого рода оценках.

Таким образом, можно утверждать, что кардинально изменившиеся основания оценки легитимности государства обусловили усиление рефлексии относительно роли гражданского общества в этом процессе. Легитимирующая роль, как представляется, связана с важной сущностной характеристикой гражданского общества. Дальнейшее продвижение в понимании этой роли предполагает необходимость преодолеть диктат представлений об исключительно рациональных основаниях институтов гражданского общества. Это возможно путем включения в анализ их нравственно-этического измерения.

Экономическая интервенция

Следующим этапом развития представлений о гражданском обществе стала так называемая экономическая интервенция – существенное усиление роли концепций, привнесенных из экономической науки. Появление этого нового ориентира в 1980-х гг. обусловлено рядом факторов. Прежде всего существенно возросли масштабы институционально оформленного социального служения, благотворительности и волонтерства. Соответствующие структуры и институты стали играть заметную роль в социально-экономическом развитии, что потребовало решить целый комплекс проблем в регулировании их деятельности и взаимоотношений с государством. Необходимо было урегулировать их фискальный статус.

Возникновение комплекса такого рода проблем привлекло внимание исследователей, перед которыми встала задача охарактеризовать новый субъект социально-экономических

отношений, выработать принципы его взаимодействия с государством⁴. Так появилась концепция третьего сектора экономики [Мерсиянова 2007]. Новая ситуация существенным образом повлияла на концептуализацию представлений о гражданском обществе. Зачастую мы имеем дело с отождествлением третьего сектора с гражданским обществом как таковым, что неверно.

Одновременно на рассматриваемую систему представлений оказала влияние общая экономическая эпистемологическая интервенция – заимствование представлений, сформированных в рамках экономической теории. Экономическая интервенция стала второй волной заимствования после психологии и психоанализа⁵. Основной теоретико-методологический стимул этой интервенции – все более широкое обращение социальных наук к концепту «интересов», существенно расширившего его исходную марксистскую трактовку [Бернштейн 1902]. Понятие «интересы» стало одним из базовых в социальных науках и оказало значимое влияние на представления о характере гражданского общества. Например, П. Шмиттер определил гражданское общество как «систему самоорганизующихся посреднических групп, которые: 1) относительно независимы как от государственной власти, так и от частных структур производства и воспроизводства, то есть от фирм и семей; 2) способны принимать решения относительно коллективного действия в защиту или продвижение своих интересов; 3) не пытаются подменить собой государственные агентства или частных производителей» [Шмиттер 1996].

Важным стимулом для обращения к социально-экономическому измерению функционирования гражданского общества стал анализ «провалов государства» [Acemoglu 2005]. Было показано, что структуры гражданского общества успешно действуют в тех сегментах, где государство недостаточно эффективно. Альтруистические мотивации, стремление помочь «униженным и оскорбленным», традиционно характерное для структур гражданского общества, позволяют компенсировать провалы государства. Однако встраивание третьего сектора в общий контекст оказания услуг стимулировало появление сопоставительных оценок эффективности конкурирующих сегментов. Возникло стремление оценивать эффективность структур гражданского общества, которая в соответствии с духом времени получила экономическую трактовку.

Этот тренд не обошел и Россию. Так, директор департамента развития социальной сферы и сектора некоммерческих организаций Министерства экономического развития РФ С.О. Сорокин заявил: «Мы в прошлом году впервые провели оценку вклада НКО-сектора в экономику. Оказалось, он составил 1,5% ВВП – около 2 трлн рублей. Это огромные деньги»⁶.

Сильным мотивом для экономической интервенции стало также стремление исследователей уйти от спекулятивных построений и обеспечить эмпирическую верификацию теоретических схем. Стали использовать достижения прикладных экономических исследований и математические методы. Это стимулировало поиск показателей развития гражданского общества, которые отвечали бы требованиям эмпирической верификации. Соответственно, из анализа исчезали качественные характеристики, которые трудно поддаются количественной оценке, что обедняет анализ, затрудняя раскрытие сущности предмета – гражданского общества.

⁴ На эти факторы внимание автора обратил Л.И. Якобсон.

⁵ Наиболее заметны результаты такого заимствования в работах Т. Парсонса, который, прежде чем сосредоточиться на социологической теории, изучал психоанализ.

⁶ НКО и ВВП: какой вклад в экономику вносит третий сектор? (<https://asi.org.ru/2023/06/15/nko-i-vvp-kakoj-vklad-v-ekonomiku-prinosit-tretij-sektor/?ysclid=lu8coyf0np742202312>).

Результатом указанных тенденций явилось ставшее классическим определение структурных элементов третьего сектора Л. Соломона и Г. Анхайера: «Организация должна отвечать пяти признакам: 1) иметь формальный статус, т.е. определенную степень институционализации, которая, как правило, предполагает юридическую регистрацию, а также наличие структуры и целей деятельности; 2) участие в ее деятельности должно быть свободным и добровольным и включать добровольный вклад участников в виде потраченного на деятельность организации времени (для волонтеров) и/или в денежном виде (для доноров-благотворителей); 3) быть независимой от государства в осуществлении своей деятельности и распоряжении денежными средствами, источником которых могут быть государственные выплаты; 4) прибыль от деятельности организации не перераспределяется между ее членами, управляющими или владельцами; 5) в основе лежит самоуправление, предполагающее наличие собственных правил регулирования деятельности организации и механизмы принятия решений» [Salamon, Anheier 1997]. Как видим, это определение сфокусировано на структурно-институциональных аспектах структур гражданского общества и не касается содержательной стороны функционирования третьего сектора.

Существенным вкладом в понимание сущности гражданского общества, который отчасти позволяет преодолеть этот недостаток, стало определение гражданского общества, сформулированное Л.И. Якобсоном и С.В. Сановичем: «совокупность ячеек сотрудничества людей», которому присуща регулярность и организованность. Такое сотрудничество характеризуется: 1) относительно постоянным составом участников, относительно определенными и стабильными целями; 2) цели, как правило, носят альтруистический характер и/или могут преследовать творческую самореализацию участников и/или коллективное обустройство их частной жизни; 3) цели сотрудничества не связаны непосредственно ни с получением прибыли, ни с овладением или применением политической власти; 4) ячейки сотрудничества непосредственно не принадлежат к сферам бизнеса или государства; 5) они возникают, функционируют и исчезают в результате добровольной и сознательной самоорганизации [Якобсон, Санович 2009].

Это пространное определение акцентирует внимание на гуманной, социально ориентированной мотивации деятельности представителей третьего сектора. Однако за пределами рассмотрения оказываются макросоциальная роль и влияние гражданского общества, которые, по-видимому, непосредственно связаны с его природой.

Следует отметить, что результатом экономической интервенции стало существенное расширение эмпирических данных о масштабах и функционировании третьего сектора, мотивах его участников, характере взаимодействия третьего сектора с государством. Можно сказать, что были сформулированы признаки достаточности этого сектора. В то же время дальнейшее продвижение вперед предполагает акцент на результирующем влиянии гражданского общества на общественное развитие, т.е. на признаки его необходимости.

Что же производит гражданское общество?

В последнее время гражданское общество все чаще рассматривают в качестве актора социально-экономического, социально-политического и в целом общественного развития [Дискин 2021], благодаря включению в анализ социокультурных факторов [Александр 1999]. Кроме того, этому способствовало изучение соответствующего круга проблем в рамках институционального подхода к изучению общественного развития [Норт, Уоллис, Вейнгаст 2011, Аджемоглу, Робинсон 2021]. Большую роль сыграли исследования,

направленные на эмпирическую верификацию роли и влияния социокультурных факторов развития. Среди них следует выделить работы Р. Инглхарта. В результате беспрецедентного по масштабам социологического исследования были получены данные о ценностных ориентациях населения во многих странах мира (исследовательские проекты World Values Survey (WVS) и European Values Survey (EVS)). Теоретической основой стала существенная модификация теорий модернизации. Был предложен подход, основанный на социокультурной каузальности общественных изменений: «Ценностная ориентация общества играет ключевую роль в возникновении и развитии демократических институтов. Модернизация превращается в процесс человеческого развития, в рамках которого социально-экономический прогресс ведет к изменениям в культурной сфере, усиливающим вероятность утверждения личной независимости, гендерного равенства и демократии, формируя общество нового типа, способствующее эмансипации людей сразу по многим направлениям» [Инглхарт, Вельцель 2011].

Для нашего обсуждения представляет интерес точка зрения авторов в отношении роли социокультурных факторов, которые обуславливают ориентиры и рамки общественного развития. Следует, конечно, учитывать, что в основе их концепции лежат вестернизированные, априорные представления о таких ориентирах, в то время как альтернативы, связанные с цивилизационной спецификой, они не принимают во внимание. Наш подход предполагает отказ от подобной априорности и, напротив, последовательный учет такой специфики.

Достижения упомянутых подходов, а также результаты нашего анализа позволяют утверждать, что вследствие социокультурных трансформаций изменяется массовая мотивация социальной деятельности и представления об институциональных нормах как ее регуляторах. Следующий шаг – достижение понимания роли гражданского общества в социокультурном регулировании и общественном развитии в целом. В этой связи важно прояснить, каковы характеристики акторов, способных менять массовые социальные представления. Обратимся к результатам социологического исследования⁷.

Данные исследования указывают на главное требование к акторам, способным повлиять на массовые социальные представления, – высокие нравственные качества. Можно выделить ряд факторов, которые позволяют оценить соответствие гражданского общества общественному запросу на нравственное лидерство. Во-первых, структуры гражданского общества рекрутируют в свои ряды людей, нравственные позиции которых отличаются в лучшую сторону по сравнению с массовым сознанием. Во-вторых, участие в деятельности структур гражданского общества, связанных с решением гуманитарных и социальных проблем, уже самим характером этой деятельности задает нравственно-этические ориентиры, обеспечивая социализацию и нравственно-этическую селекцию участников. В-третьих, нравственная атмосфера, характерная для структур гражданского общества, создает предпосылки для горизонтального нравственно-этического контроля деятельности участников.

Требуется прояснения вопрос о доверии к структурам и акторам гражданского общества со стороны тех людей, которые продвигают социальные изменения [Доверие и недоверие 2013]. При такой постановке вопроса проясняется роль третьего сектора в жизни общества: «Государство оказывает такие услуги, но обслуживающий персонал работает

⁷ Исследование проведено под руководством автора в рамках проекта РФФИ–ИСЭПИ «Легитимность российской социально-политической системы: проблемы, специфика, пути упрочения», осуществленного при финансовой поддержке РФФИ проект: 21-011-31887 опп. Всероссийский опрос, квотная случайная выборка. 2021.

за плату, и в этой области – невысокую. В коммерческих же структурах на первом месте заинтересованность в заработке. А в некоммерческий сектор приходят энтузиасты, в этом секторе много и волонтеров, которые будут работать по велению души. И это уже означает, что они будут работать добросовестно, что им можно доверять. Более высокое доверие со стороны граждан и есть основное сравнительное преимущество некоммерческого сектора» [Якобсон 2023].

Возникает гипотеза: нравственный авторитет и влияние гражданского общества обеспечивают базовые предпосылки формирования массовых норм, ценностей и представлений, на основе которых функционирует вся система социальных институтов [Bicchieri 2005]. Идеологи, теоретики, лидеры общественного мнения и другие участники общественного дискурса выдвигают системы ценностей и норм, но необходима среда, в которой эти нормы и ценности могут быть апробированы и получают признание, станут легитимными. Эта гипотеза отнюдь не означает недооценки роли гражданского общества в общественно-политическом развитии. В соответствии с нашим исходным теоретическим ориентиром она означает корректировку фокусировки, возникшей под влиянием духа времени и связанной с преувеличением политического измерения роли гражданского общества, с одной стороны, и недооценкой его нравственно-этического влияния – с другой. В этом случае прослеживается связь между гражданским обществом и нацией, которая выступает источником легитимности. Гражданское общество обеспечивает содержательное наполнение совокупности ценностей, норм и представлений нации, которая затем становится легитимным основанием институциональной системы.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что одной из сущностных характеристик гражданского общества выступает его нравственно-этическое влияние, которое создает предпосылки успешного общественного развития. Такое понимание гражданского общества способствует его дистанцированию от дискредитирующих этот концепт теоретических трендов, связанных с либеральной идеологизацией, возведенной сегодня в ранг своего рода гражданской религии [Дискин 2022].

Следует, однако, оговорить, что предлагаемые выводы справедливы прежде всего применительно к ситуации в России. Здесь сказывается специфика цивилизационного развития нашей страны, связанная с высоким статусом нравственности в массовом сознании [Дискин 2024]. Эта специфика наложила свой отпечаток и на критерии легитимности нашей институциональной системы [Дискин 2022a]. Например, гражданственность становится одной из характеристик общего нравственного состояния общества. В.И. Даль определял «гражданские доблести» как «мирные и миротворные; честь, любовь и правда» [Даль 1955]. С этой точки зрения политическая культура – проекция общих нравственных представлений, а политическая роль гражданского общества – частный случай его макро-социального влияния.

Таким образом, необходимые и достаточные признаки гражданского общества – самоорганизация его структур и их влияние на нравственно-этический фундамент общества, который проявляется в характере функционирования нации. Подобное понимание концепта гражданского общества позволяет встроить его в развиваемые в настоящее время представления об умном консерватизме, призванные преодолеть идеологические крайности и стать основой для выработки ориентиров развития нашего Отечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. (2021) Узкий коридор. М.: АСТ. 704 с.
Adgemoglu D., Robinson J.A. (2021) *Uzkiy koridor* [The Narrow Corridor]. M: AST. 204 p. (In Russ.)
- Александр Дж.С. (1999) Парадоксы гражданского общества // *Социология, теория, методология, маркетинг*. № 1. С. 27–42.
Aleksander J.S. (1999) Paradoxy grazhdanskogo obchestva [The paradoxes of civil society]. *Sociologiya, teoriya, metodologiya, marketing*, no. 1, pp. 27–42. (In Russ.)
- Алиева Д.Я. (1995) Парадигматические сдвиги в социологии повседневности: концепция Мишеля Маффесоли // *Социологический журнал*. № 1. С. 110–121.
Alieva D.Ya. (1995) Paradigmaticheskie sdvigi v sociologii povsednevnosti: koncepciya Mishelya Maffesoli [Paradigmatic shifts in the sociology of everyday life: the concept of Michel Maffesoli]. *Sociologicheskij zhurnal*, no. 1, pp. 110–121. (In Russ.)
- Алмонд Г., Верба С. (1997) Гражданская культура. Политические установки и демократия пяти наций // *Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 2: Зарубежная политическая мысль. XX в. М.* 831 с.
Almond G., Verba S. (1997) Grazhdanskaya kultura. Politicheskiye ustanovki i demokrtiyyi pyati naziyy [Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations]. *Antologiya mirovoy politicheskoy mysli: in 5 v. V. 2. Zarubezhnaya politicheskaya mysl. XX v. Moscow*. 831 p. (In Russ.)
- Алмонд Г.А., Верба С. (1963) *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton: Princeton University Press, 562 p.
- Барлова Ю.Е. (2009) Работные дома в истории английской социальной политики // *Наука и школа*. № 5. С. 73–75.
Barlova Yu.E. (2009) Rabotnyie doma v istorii angliyskoy socialnoy politiki [Workhouses in the History of English Social Policy]. *Nauka i skola*, no. 5, pp. 73–75. (In Russ.)
- Бернштейн Э. (1902) Очерки истории и теории социализма. СПб.: Б.Н. Звонарев. 400 с.
Bernshtein E. (1902) *Ocherki istorii i teorii socializma* [Essays on the History and Theory of Socialism]. St.P.: B.N. Zvonarev. 400 p. (In Russ.)
- Боккаччо Дж. (1970) Декамерон. М.: Художественная литература, 1970. 704 с.
Voccachio J. (1970) *Decameron* [Decameron]. M: Hudogzesvennaya literatura. 704 p.
- Валлерстайн И. (2004) Конструирование народа: раса, нация, этническая группа // Балибар Э., Валлерстайн И. *Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности*. М.: Логос. 288 с.
Valerstain I. (2004) Konstruirovaniye naroda: rasa, natsiya, etnicheskaya gruppa [Construction of the people: race, nation, ethnic group]. In: Balibar E., Valerstayn I. *Rasa, natsiya, klass. Dvusmyslennyye identichnosti* [Race, nation, class. Ambiguous identities]. M: Logos. 288 p.
- Вебер М. (2022) Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. М.: Изд. дом. Высшей школы экономики. 448 с.
Weber M. (2022) *Hozyaistvo i obchestvo. Ocherki ponimayushey sociologii* [Economy and Society. Essays on Understanding Sociology]. M: Higher School of Economics. 448 p.
- Вольтер. (1988) Философские сочинения. М.: Наука. 753 с.
Voltaire. (1988) *Filosofskie sochinenia* [Philosophical Works]. Moscow: Nauka. 753 p.
- Гегель Г.В.Ф. (1990) Философия права. М.: Мысль. 524 с.
Hegel G.V.F. (1990) *Philosophiya prava* [The Philosophy of the Law]. Moscow: Mysl. 524 p.
- Гоббс Т. (1991) Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного или гражданского // Гоббс Т. *Соч.: в 2 т. М., т. 2.* 735 с.
Hobbs T. (1991) *Leviafan, ili materiya, forma i vlast gosudarstva tserkovnogo ili grazhdanskoro* [Leviathan, or Matter, Form and Power of the Church or Civil State]. *Hobbs T. Sochinenia: in 2 v. V. 2. Moscow*. 735 p.

- Григулевич И.Р. (1977) Крест и меч. Католическая церковь в Испанской Америке, XVI–XVIII вв. М.: Наука. 295 с.
- Grigulevich I.R. (1977) *Krest i Mech. Katolicheskaya tserkov v Ispanskoj Amerike, XVI–XVIII vv.* [Cross and sword. The Catholic Church in Spanish America, XVI–XVIII centuries]. Moscow: Nauka. 295 p.
- Даль В.И. (1955) Толковый словарь живого великорусского языка. М.: ГИС. 650 с.
- Dalh V.I. (1955) *Tolkovyi slovar zhivogo velikorussskogo yazyka* [The Dictionary of Great Russian living Language]. Moscow: GIS. 650 p.
- Девятайкина Н.И. (1988) Мировоззрение Петрарки: этические взгляды. Саратов: Изд-во Саратовского университета. 208 с.
- Devyataikina N.I. (1988) *Mirovozzreniye Petrarki: eticheskiye vzglyady* [Petrarch's Worldview: Ethical Views]. Saratov: Izdatelstvo Saratovskogo Universiteta. 208 p.
- Дементьев И.О. (2000) Токвиль и христианство // Культурный слой: Исследования по истории европейской культуры: Сб. науч. тр. Калининград. Вып. 1. С. 8–16.
- Dementyev I.O. (2000) Tokvill i christianstvo [Tocqueville and Christianity]. *Kulturnyi sloj: Issledovaniye po istorii evropeyskoj kultury*. Kaliningrad. Vyp. I, pp. 8–16.
- Дискин И.Е. (2024) Две ипостаси российской цивилизации // Тетради по консерватизму. № 1. С. 15–37.
- Diskin I.E. (2024) *Dve ipostasi rossiyskoj tzivilizaziyi* [Two hypostases of Russian civilization]. *Tetrady po konservatizmu*, no. 1, pp. 15–37.
- Дискин И.Е. (2021) Консервативная модернизация. М.: РОССПЭН. 345 с.
- Diskin I.E. (2021) *Konservativnaya modernizatsiya* [Conservative Modernization]. Moscow: ROSSPEN. 345 p.
- Дискин И.Е. (2022а) Модели легитимации и альтернативы социальной динамики // Общественные науки и современность. № 2. С. 78–94.
- Diskin I.E. (2022a) Modeli legitimatziy i alternativy socialnoy dinamiki [Models of legitimation and alternatives to social dynamics]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 78–94.
- Дискин И.Е. (2021) Нация и легитимность // Общественные науки и современность. № 4. С. 132–145.
- Diskin I.E. (2021) Nazia i legitimnost [Nation and legitimacy]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 132–145.
- Дискин И.Е. (2022b) Понимающая скорбь о крахе либерализма // Тетради по консерватизму. № 4. С. 22–37.
- Diskin I.E. (2022b) Ponimayushaya skorb o krahe liberalizma [Understanding Grief for the Collapse of Liberalism]. *Tetrady po konservatizmu*, no. 4, pp. 22–37.
- Дискин И.Е. (2008) Прорыв. Как нам модернизировать Россию. М.: РОССПЭН. 319 с.
- Diskin I.E. (1998) *Proryv. Kak nam modernizirovat Rossiyu* [Breakthrough. How do we modernize Russia]. M.: ROSSPEN. 319 p.
- Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества (2013) / Отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. М.: Изд-во НИУ ВШЭ. 261 с.
- Doveriye i nedoveriye v usloviyah razvitiya grazhdanskogo obchestva* [Trust and Mistrust in the Context of Civil Society Development] (2013) / F.B. Kupreychenko, I.V. Mersyanova (red.). M.: Izd. NIU HSE. 261 p.
- Дробижева Л.М. (2006) Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России: сб. статей / Под ред. В.С. Магуна, Л.М. Дробижевой, И.М. Кузнецова. М.: Институт социологии РАН. С. 12–13.
- Drobizheva L.M. (2006) Gosudarstvennaya i etnicheskaya identichnost: vybor i podvizhnost [State and Ethnic Identity: Choice and Mobility]. *Grazhdanskiye, etnicheskiye i religioznye identichnomy v sovremen-*

noy Rossii. V.S. Magun, L.M. Drobizheva, I.M. Kuznetsov (red.). Moscow: Institute of Sociology RAS. P. 12–13.

Инглхарт Р., Вельцель К. (2011) Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития М.: Новое издательство. 464 с.

Inglhart R., Welzel K. (2011) *Modernizatsiya, kulturniye izmeneniya i demokratiya: posledovatelnost chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, Cultural Change and Democracy. The Human Development Sequence]. M: Novoe izdatelstvo. 464 p.

Inglehart R., Welzel Ch. (2005) *Modernization, Cultural Change and Democracy. The Human Development Sequence*. N.Y.: Cambridge University Press. 333 p.

Ле Гофф Ж. (2022) Цивилизация средневекового Запада. М.: Издательская группа Альма Матер, Гаудеамус. 400 с.

Le Goff G. (2022) *Civilizaciya srednevekovogo Zapada* [Civilization of the Medieval West]. Moscow: Izdatelskaya gruppa AlmaMater, Gaudeamus. 400 p.

Локк Дж. (2014) Два трактата о правлении. М.; Челябинск: Социум. 480 с.

Locke J. *Dva trakata o pravlenii* [Two treatises of government]. Moscow, Chelyabinsk: Socium. 480 p.

Макиавелли Н. (1990) Государь. М.: Планета. 79 с.

Makkiavelli N. (1990) *Gosudar* [Sovereign]. Moscow: Planeta. 79 p.

Мерсиянова И.В. (2007) Третий сектор: определение, терминология, границы, данные исследований и тенденции развития. М.: Издательский дом ГУ–ВШЭ. 88 с.

Mersyanova I.V. (2007) *Tretiy sektor: opredeleniye, terminologii, dannye issledovaniy i tendentziy razvitiya* [The Third Sector: Definition, Terminology, Boundaries, Research Data and Development Trends]. Moscow: Izdatelskiy Dom GU VSE. 88 p.

Норт Д.К., Уоллис Дж., Вейнгаст Б. (2011) Насилие и социальные порядки. М.: Изд-во Института Гайдара. 480 с.

North D.K., Wallis J., Weingast B. (2009) *Nasiliye i socianye poryadki* [Violence and Social Orders]. M.: Izd. Instituta Gaydara. 480 p.

Руссо Ж.-Ж. (2023) Об общественном договоре или принципы политического права. М.: Юрайт. 146 с.

Russo J.-J. (2023) *Ob obchestvennom dogovore ili principy politicheskogo prava* [On the Social Contract, or Principles of Political Right]. M.: Urait. 146 p.

Смит А. (1997) Теория нравственных чувств. М.: Республика. 350 с.

Smit A. (1997) *Teoriya nravstvennyh chuvstv* [The Theory of Moral Sentiments]. M: Respublica. 350 p.

Токвиль А. де (1992). Демократия в Америке. М.: Прогресс. 559 с.

Tocqueville A. de (1992) *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. Moscow: Progress. 559 p.

Хабермас Ю. (1995) Демократия. Разум. Нравственность. М.: Academia. 244 с.

Habermas J. (1995) *Demokratiya. Razum. Nravstvennost* [Democracy. Mind. Morality]. Moscow: Academia. 559 p.

Хьюбнер К. (2001) Нация: От забвения к возрождению. М.: Канон. 400 с.

Hubner K. (2001) *Natsiya: ot zabveniya k vozrozhdeniyu* [Nation: From Oblivion to Revival]. Moscow: Kanon. 400 p.

Шекспир В. (1992–1996) Полное собрание сочинений в 14 т. М.: Издательство «Тerra».

Shakespear W. (1992–1996) *Polnoe sobraniye sochineniy v 14 t.* [The complete works in 14 v.]. M: Izdatelstvo Terra.

Шмиттер Ф. (1996) Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис. № 5. С. 16–27.

Shmitter F. (1996) *Razmyshleniya o grazhdanskom obshestve i konsolidatsii demokratii* [Reflections on Civil Society and the Consolidation of Democracy]. *Polis*, no. 5, pp. 16–27.

Якобсон Л.И., Санович С.В. (2009) Смена моделей российского третьего сектора: фаза импорто-замещения // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 21–34.

Yakobson L.I., Sanovich S.V. (2009) Smena modeley rossiyskogo tretyego sektora: faza importozamesheniya [Change of models of the Russian third sector: phase of import substitution]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 21–34.

Acemoglu D. (2005) Modeling Inefficient Institutions. *Advances in Economic Theory. Proceedings of the World Congress*. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2007. P. 341–380.

Anderson B. (1983) *Imagined Communities*. London: Verso Publications. 160 p.

Anheier H.K. (2004) *Civil society: Measurement, Evaluation, Policy*. London. 226 p.

Bicchieri C. (2005) *The Grammar of Society: The Nature and Dynamics of Social Norms*. Cambridge University Press. 278 p.

Collier P. (2014) *Exodus: Immigration and Multiculturalism in the 21st Century*. London: Penguin Books. 309 p.

Habermas J. (1991) *The Structural Transformation of the Public Sphere*. Cambridge: The MIT-press. 301 p.

Hodgson G.M. (2009) Meaning of Methodological Individualism. *Journal of Economic Methodology*, no. 14 (2), pp. 2011–226.

Salamon L.M., Anheier H.K. (1997) *Defining the nonprofit sector: A cross-national analysis*. Manchester: Manchester university press. 526 p.

Wellman B., Boase J., Chen W. (2002) The Networked Nature of Community: Online and Offline. *Society*, vol. 1, no. 1, pp. 151–165.

Winston C. (2006) *Government Failure versus Market Failure. Microeconomics Policy Research and Government Performance*. Washington, DC: AEI-Brookings Joint Center for Regulatory Studies. 130 p.

Информация об авторе

Дискин Иосиф Евгеньевич, доктор экономических наук, ведущий эксперт Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 109028, Россия, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11. E-mail: idiskin9@gmail.com

About the author

Iosif E. Diskin, Doctor of Sciences (Economics), Leading Expert, Centre for Civil Society Studies and the Nonprofit Sector, National Research University “Higher School of Economics”. Address: 109028, 11 Pokrovsky Boulevard, Moscow, Russia. E-mail: idiskin9@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 10.04.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 08.06.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 03.07.2024

Оригинальная статья / Original article

Государство и гражданское общество как субъекты конституционного права¹

© С. А. ВАСИЛЬЕВ

Васильев Станислав Александрович, Севастопольский государственный университет (Севастополь, Россия), mnogoslav@mail.ru. ORCID: 0000-0003-2752-240X

Проанализировано соотношение государства и гражданского общества как субъектов конституционного права. Цель исследования – обосновать тезис о том, что данные субъекты, взаимодействуя, оказывают существенное влияние друг на друга, несмотря на невозможность непосредственных правоотношений. Новизна работы состоит в анализе соотношения субъектов конституционного права на примере наиболее абстрактных акторов. Сформулирован вывод, что каждый из указанных субъектов стремится занять выгодное положение для последующего развития. При этом гражданское общество использует имеющиеся юридические инструменты, а государство совершенствует законодательство, формируя таким образом подвластные ему институции.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, теория соотношений, субъект, конституционное право, конституционно-правовые отношения

Цитирование: Васильев С.А. (2024) Государство и гражданское общество как субъекты конституционного права // Общественные науки и современность. № 4. С. 80–93. DOI: 10.31857/S0869049924040061, EDN: ZGYLTZ

¹ Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00016 (<https://rscf.ru/project/24-28-00016/>).

Funding. The research was carried out due to the grant of the Russian Scientific Foundation no. 24-28-00016 (<https://rscf.ru/project/24-28-00016/>).

The State and Civil Society as Subjects of Constitutional Law

© S. VASILIEV

Stanislav Vasiliev, Sevastopol State University (Sevastopol, Russia), mnogoslov@mail.ru. ORCID: 0000-0003-2752-240X

Abstract. The relationship between the state and civil society as subjects of constitutional law is analyzed. The purpose of the study is to substantiate the thesis that these subjects, interacting, have a significant influence on each other, despite the impossibility of direct legal relations. The novelty of the work lies in the analysis of the relationship between subjects of constitutional law using the example of the most abstract actors. The conclusion is formulated that each of these subjects seeks to take an advantageous position for subsequent development. At the same time, civil society uses existing legal instruments, and the state improves legislation, thus forming institutions subject to it.

Keywords: state, civil society, theory of relations, subject, constitutional law, constitutional and legal relations

Citation: Vasiliev S.A. (2024) The State and Civil Society as Subjects of Constitutional Law. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 80–93. DOI: 10.31857/S0869049924040061, EDN: ZGYLTZ (In Russ.)

Соотношение государства и общества издавна занимало умы видных ученых социального и гуманитарного профиля. Дискуссия о первичности, приоритетности и значимости этих субъектов по-прежнему актуальна. К наиболее важным публикациям по этой теме следует отнести фундаментальные труды Гегеля, который первым дал определение гражданского общества. Подробный анализ государства как субъекта конституционного права провели Г. Еллинек и М.А. Рейснер [Еллинек 2004, Рейснер 2018], а также Э. де Ясаи [Ясаи 2016]. Практика государственной деятельности в отношении гражданского общества отражена в монографии «Модернизация юридических форм государственной деятельности» [Тонков 2011]. О.Е. Кутафин во многих своих произведениях рассматривал сущность конституционных правоотношений и иных взаимовлияний соответствующих субъектов [Кутафин 2011; Кутафин 2001]. Л. Зидентоп в книге «Демократия в Европе» [Зидентоп 2004], а Д. Кин в «Демократия и гражданское общество» [Кин 2001] проанализировали взаимоотношения государства и гражданского общества с точки зрения теории, практики и законодательства о народовласти. Технологией воплощения социальных интересов в политике посвятил свой труд А.Ф. Нагайчук [Нагайчук 2005].

Конституционную основу рассматриваемого соотношения составляют нормы ч. 5 ст. 13 отечественного акта высшей юридической силы, в котором на государство возложена обязанность ограничивать создание общественных формирований, нацеленных на деструктивное воздействие в отношении иных субъектов конституционного права. В соответствии с ч. 1 ст. 30 Конституции РФ, имея в виду правовой статус личности, публичная власть должна гарантировать свободу общественных объединений. Значимым элементом гражданского общества выступает коммерческий сектор, государство же создает необходимые условия для развития предпринимательства и ограничения недобросовестного ведения бизнеса согласно ст. 34 Конституции Российской Федерации. Незаконные действия в этой области могут быть обжалованы в суде (ст. 46). Конституционные поправки

2020 г.² также оказали определенное влияние на соотношение общества и государства. Так, в соответствии со ст. 75.1 между указанными субъектами путем общественно значимых мер должно быть сформировано доверие. Пункт «е1» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ возлагает на высший орган исполнительной власти полномочие по поддержке институтов гражданского общества.

Необходимо оговорить, что субъектом конституционного права выступает актор, который обладает юридически закрепленными возможностями, но может и не использовать их. Субъект конституционного правоотношения – тот, кто осуществляет с иными лицами или органами совместную деятельность, урегулированную нормами права. Непосредственно в конституционно-правовых отношениях государство пребывает только в ряде состояний, которые возникают вследствие деятельности уполномоченных органов и должностных лиц. Ярким примером тому может служить гражданство [Кутафин 2011].

Понимание категории «состояние», по справедливому замечанию В.В. Груздева, имеет различные вариации: как юридический факт, как длящееся правоотношение и др. [Груздев 2011]. В данном случае оно основано на ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 15 ноября 1997 года № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»³ и предполагает наличие у субъекта конституционного права правового статуса, обусловленного его участием в правоотношениях с иными акторами. Аналогичный подход принят в практике Верховного Суда Российской Федерации⁴.

Под соотношением субъектов конституционного права мы понимаем совокупность правоотношений, а также иных влияний, которые не предполагают активных действий.

Роль государства во взаимодействии с гражданским обществом

Государство в качестве субъекта конституционного права представляет собой весьма абстрактного актора, который крайне редко вступает в правоотношения, поскольку основную массу активных действий проводит посредством своих органов, должностных лиц и иных субъектов. В соответствии со ст. 2 Конституции РФ оно располагает разнообразными правами [Кутафин 2001, Эбзеев 2017] и обязанностями. Однако привлечь государство к ответственности за неисполнение этой статьи невозможно [Худяков 2012].

Г. Еллинек рассматривает государство как единый организм, как совокупность индивидов и иных субъектов, которые свободно сами его составляют [Еллинек 2004]. Здесь выражена суть изначальных взаимоотношений государства и гражданского общества.

Г. Гегель сравнивал государство с семьей с точки зрения правильной организации деятельности [Гегель 1956, 316]. Этой же позиции придерживался и Б.Н. Чичерин [Чичерин 2010, 37–42], утверждая, что публичная власть обладает самосознанием и нравственностью. Воплотив в себе признаки гражданского общества, государство выражает форму опознанной всеобщности, которая имеет абсолютную цель [Гегель 1956, 316], которая много выше, чем цели отдельно взятых семьи и гражданского общества [Гегель 1956, 321]. По Гегелю, взаимоотношения государства и особенно должностных лиц

² О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. 16 марта. № 11. Ст. 1416.

³ Об актах гражданского состояния: Федеральный закон от 15 ноября 1997 года № 143-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 года) // Собрание законодательства РФ. 1997. 24 ноября. № 47. Ст. 5340.

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 28 марта 2024 года № 303-ЭС22-11382(2) по делу № А73-20851/2020. Документ официально опубликован не был. Приводится по: СПС «Консультант Плюс».

с гражданами должны быть построены подобно тем, что имеют место в семье. Организация взаимодействия общества и государства – прерогатива органов публичной власти и должностных лиц.

А. Шопенгауэр склонялся к тому, что публичное управление необходимо, т.к. «толпа» не способна к мышлению и вынуждена отдаваться во власть видимости и предрассудков [Шопенгауэр 1998, 249]. Именно поэтому нельзя допускать «основного вожделения» большинства – полной свободы воли, что опасно. Все в мире должно следовать определенным правилам, включая каждый отдельно взятый поступок человека [Шопенгауэр 1998, 250]. Данный подход основан на консервативных взглядах, связанных с государственным диктатом, который, однако, не должен выходить за рамки, установленные актом высшей юридической силы, сохраняя конституционализм.

Государство выступает в качестве агента, использующего властные механизмы во благо всего общества путем императивного воздействия на граждан и их союзы [Шевченко 2020, 134]. Поэтому нередко отдельные народы видят в государстве угрозу своей самобытности, устоявшимся традициям, что вынуждает оказывать противодействие созданию и развитию государственной власти [Зидентон 2004, 102]. Противоборство государства и общества в истории неоднократно приводило к тому, что публичная власть применяла репрессивные методы воздействия на человека при помощи тайной полиции, засекреченных расследований, административного вместо судебного производства и пр. [Рейснер 2018, 166]. Баланс между государством и обществом весьма сложно соблюсти, т.к., обладая властью, государство неизбежно стремится довести правопорядок до совершенства путем попрания конституционных свобод других субъектов права. Косвенным подтверждением данного тезиса служит практика Конституционного Суда Российской Федерации, который неоднократно признавал те или иные действия государства по отношению к человеку неконституционными⁵. Очевидна роль гражданского общества в сдерживании произвола лиц, выступающих от имени государства. В то же время очевидна потребность в государстве, поскольку отсутствие арбитра, обладающего карательными функциями, приведет к «войне всех против всех», по Гоббсу. Общество нуждается в государстве и тесном сотрудничестве с ним.

Роль гражданского общества во взаимодействии с государством

Гражданское общество – похожий на государство субъект конституционного права. Оно представляет собой совокупность многообразных институтов, выполняющих публично значимые функции, причем ни один из этих институтов прямо не зависит от государства.

Считается, что впервые понятие «гражданское общество» ввел Г. Гегель, позиционируя данный субъект конституционного права как отличное от государства юридически оформ-

⁵ По делу о проверке конституционности статьи 7 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в связи с жалобой гражданина Н.С. Смирнова: Постановление Конституционного суда РФ от 9 июля 2024 года № 36-П // Собрание законодательства РФ. 2024. 15 июля. № 29 (Часть III). Ст. 4328; По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 6 и пункта 1 статьи 39.20 Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.А. Ермака: Постановление Конституционного суда РФ от 11 июня 2024 года № 29-П // Собрание законодательства РФ. 2024. 24 июня. № 26. Ст. 3743; По делу о проверке конституционности статьи 85, части 4 статьи 87 и статьи 211 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Сергеева: Постановление Конституционного суда РФ от 11 апреля 2024 года № 17-П // Собрание законодательства РФ. 2024. 22 апреля. № 17. Ст. 2393 и др.

ленное объединение многообразия индивидов [Гегель 1990]. Определение в федеральном законодательстве разнообразных общественных палат, общественных советов, общественных наблюдательных комиссий в качестве именно общественных неверно, поскольку государственные органы имеют существенное влияние на подобные объединения, в том числе с точки зрения формирования состава указанных субъектов (см. ст. 8 Федерального закона от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации»⁶). Поэтому целесообразно именовать их в качестве государственно-правовых институций.

Конституционные поправки 2020 г., касающиеся фиксации публичной власти как взаимодействия государства и местного самоуправления при поддержке институтов гражданского общества, позволило отечественным конституционалистам сделать вывод о том, что в своей совокупности институты гражданского общества – это «метасистема» публичной власти. Данный вывод исходит из идеи функционирования общественной власти через таких субъектов, как общественные и государственно-общественные формирования [Гражданин и власть 2023, 38–39]. Похожий подход разделяет Е.А. Кравцова [Кравцова 2021]. Эта идея не противоречит действующему нормативному правовому регулированию и имеет действительное влияние на жизнь общества.

Однако однозначно утверждать, что государственно-общественные формирования (например, местное самоуправление) – это нечто отдельное от государства и тем более противостоящее ему, нельзя. Именно поэтому не следует включать указанные субъекты конституционного права в число институтов гражданского общества, несмотря на положения ст. 12 Конституции Российской Федерации и федерального закона № 32-ФЗ. Гражданское общество выступает в качестве субъекта конституционно-правовых отношений, но оно включает многообразие институтов [Васильев 2019], которые соотносятся со всеми остальными участниками гражданских правоотношений, решая свои задачи.

Соотношение государства и общества имеет большое значение с точки зрения определения гражданского общества как такового. А. де Токвиль указывал на существование двух типов стран: в одних государство полностью подчиняет себе общество, в других власть находится частично в руках государства, частично в руках общества [де Токвиль 1992, 72]. Только в последнем случае может полноценно функционировать гражданское общество и его институты. Здесь следует вспомнить Б. Константа, который в качестве аксиомы определял отсутствие абсолютной власти у всех субъектов конституционно-правовых отношений, включая государство или, например, народ [Constant 1861].

Позитивным зарубежным опытом можно считать конституционное закрепление такого субъекта, как общество или гражданское общество [Ribstein 1995]. В настоящее время редкий теоретик усомнится в справедливости данного подхода, однако отсутствие соответствующего регулирования в законодательстве не позволяет учитывать полный перечень субъектов соотношений и, как следствие, снижает качество правового воздействия.

Многообразие связей государства и гражданского общества: перспективы

На основании существующих социальных норм государство управляет обществом, проводя свою волю. Таким образом строится органическая связь между обществом и публичной властью [Тонков 2011, 117], несмотря на то что, по мнению ряда исследователей, гражданское общество гораздо старше государства [Баев, Калинина 2014, 13]. Существует и противоположная точка зрения, согласно которой именно гражданское

⁶ Об Общественной палате Российской Федерации: Федеральный закон от 4 апреля 2005 года № 32-ФЗ (ред. от 29 декабря 2022 года) // Собрание законодательства РФ. 2005. 11 апреля. № 15. Ст. 1277.

общество за счет социального интереса скрепляет государство, поскольку каждый человек стремится провести в жизнь свои интересы [Маркс, Энгельс 1987, 134]. Публичная же власть руководствуется политикой, стратегическими задачами, стремясь удовлетворить интересы большинства, обеспечивая собственную сохранность. Каждый из указанных участников предпринимает некие шаги, чтобы становилось лучше всем и сразу. Однако для этого необходимы именно скоординированные действия, иначе возникает конкуренция, которая побуждает дискуссию в научных кругах.

Несмотря на то что государство было сформировано обществом, постепенно произошло их размежевание. Более того, по многим вопросам наметилась конфронтация указанных акторов. Надо заметить, что вступить в конституционно-правовые отношения со всеми элементами гражданского общества практически невозможно, поскольку те или иные институты представляют интересы только определенных групп граждан. Конструктивное сотрудничество наблюдается тогда, когда государство выражает интересы наиболее значимых общественных институтов. Именно с этой точки зрения можно судить о степени демократичности публичной власти [Лебедев, Киреев 2007, 71].

Необходимо заметить, что государство существует во многом благодаря тому, что гражданское общество поставляет ему свои ресурсы. Публичная же власть управляет, регулирует поведение каждого, чем оказывает воздействие на общество в целом и его отдельные институты [Шабаров 1994, 71]. Поэтому возникает необходимость конструктивного взаимовыгодного сотрудничества указанных субъектов, что, по мнению И.А. Кравца, можно обеспечить путем установления конституционализма, чтобы не допустить чрезмерного вмешательства публичной власти в дела гражданского общества. В конечном счете таково обязательное условие построения правового государства [Кравец 2004, 10]. Подобному подходу следует Конституционный суд Российской Федерации, акцентируя необходимость сохранить политическую солидарность всех субъектов конституционного права⁷.

Несколько с другой стороны соотношение государства и гражданского общества рассматривал Б.С. Эбзеев, который считал, что, функционируя в государстве, гражданское общество должно осознавать необходимость публичной власти. При этом государственность как таковую следует понимать с точки зрения взаимодействия разнонаправленных сил, в том числе негативного воздействия на политические процессы [Эбзеев 2005, 71]. В таком случае, во-первых, очевидна состоятельность системы публичного управления, во-вторых, все субъекты конституционного права, занимаясь каждый своим делом, укрепляют благополучие народа. В отсутствие угроз и ряда других обстоятельств общество осознало бы бесполезность государства, и оно прекратило бы свое существование за ненадобностью. Государство – это актор, который призван помогать гражданскому обществу, не подменяя функции последнего [Эбзеев 2005, 84]. Публичную власть необходимо использовать во благо человека, его прав и свобод, а также для решения общественно значимых и полезных для всех задач.

Только в тесном взаимодействии обозначенные субъекты формируют направление национального развития, составляющего основу конституционно-правового регулирования. Государство управляет обществом, однако для обеспечения своей стабильности оно должно удовлетворять интересы гражданского общества и его отдельных институтов [Нагайчук 2005, 152–153]. В результате имеет место правовое устройство, которое удов-

⁷ Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного суда Российской Федерации 2020–2023 годов) (одобрено решением Конституционного суда РФ от 14 ноября 2023 года). Документ официально опубликован не был. Приводится по: СПС «Консультант Плюс».

летворяет все стороны. Например, согласно практике Конституционного суда РФ, гражданское общество взаимодействует с государством путем формирования политических партий, формулирования их целей и задач в случае получения мандатов, благодаря чему многонациональный народ Российской Федерации определяет направления собственного развития на основании ст. 3 Основного закона Российской Федерации⁸.

Последние события в мире и стране [Кабышев 2023], связанные с информационными войнами, откровенной ложью, распространяемой на самом высоком уровне, пересмотром истории, насаждением чуждых российскому народу стереотипов⁹, показывают, что государства могут манипулировать сознанием своих граждан, создавая некое единение государства и гражданского общества под полным диктатом публичной власти. В этой связи большое значение имеют средства массовой информации как институты гражданского общества, формирующие общественное мнение. Они все чаще становятся инструментом воздействия на народ, нежели средством давления на власть. Свобода Интернета иллюзорна, в сети постоянно происходит вброс недостоверной информации, проверить которую невозможно. Неслучайно сейчас в стадии обсуждения находится проект федерального закона, который призван регулировать деятельность информационных ресурсов¹⁰. Гораздо чаще именно официальные источники обеспечивают более объективную информацию, что стало очевидно, например, при атаках вооруженных сил Украины в отношении российских территорий в 2022–2024 гг. Таким образом выстроено законодательство¹¹, на основе которого взаимодействуют СМИ и государство. Зарубежные же источники информации часто ориентированы на дестабилизацию социальной солидарности в российском обществе, учитывают межнациональную и межконфессиональную специфику его состава, что обусловило введение соответствующих ограничений Конституционным судом Российской Федерации¹².

Немаловажное значение соотношению государства и гражданского общества уделял австралийский политический философ Дж. Кин. Он отмечал, что удержать публичную власть от деспотизма может разделение властей при условии сильной судебной власти и периодически избираемых представительных органов, однако благополучная жизнь общества достижима только в случае многообразия институтов гражданского общества. В каждом государстве на негосударственный сектор следует возлагать бремя общественного контроля с целью полноценного и всеобъемлющего соблюдения прав и свобод граждан. Занимаясь в обыденной жизни вроде бы повседневными делами, граждане, объединив усилия в специализированных организациях, способны осуществить масштабные

⁸ По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона «О политических партиях» в связи с запросом Коптевского районного суда города Москвы, жалобами общероссийской общественной политической организации «Православная партия России» и граждан И.В. Артемова и Д.А. Савина: Постановление Конституционного суда РФ от 15 декабря 2004 года № 18-П // Собрание законодательства РФ. 2004. 20 декабря. № 51. Ст. 5260.

⁹ Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 // Собрание законодательства РФ. 2022. 14 ноября. № 46. Ст. 7977.

¹⁰ О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Законопроект № 647048-8 // Официальный сайт Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации. (<https://sozd.duma.gov.ru/bill/647048-8>).

¹¹ О средствах массовой информации: Закон РФ от 27 декабря 1991 года № 2124-1 (ред. от 29 декабря 2022 года) // Российская газета. 1992. 8 февраля. № 32.

¹² По делу о проверке конституционности статьи 19.1 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» в связи с жалобой гражданина Е.Г. Финкельштейна: Постановление Конституционного суда РФ от 17 января 2019 года № 4-П // Собрание законодательства РФ. 2019. 28 января. № 4. Ст. 359.

проекты, в том числе взаимодействуя с официальной властью [Кин 2001, 374]. В настоящее время в России получил распространение общественный контроль [Япрыццев 2021], действующий на основании Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»¹³.

Таким образом, благодаря взаимодействию рассматриваемых субъектов конституционно-правовых отношений можно не только проводить взаимный контроль в рамках своей компетенции, очерченной действующим правом, но и претворять в жизнь масштабные социально значимые проекты. В последнее десятилетие, например, на основании Федерального закона от 13 июля 2015 года № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁴ набирает популярность государственно-частное партнерство. В рамках такого сотрудничества государство создает важные для общества объекты, но делает это руками коммерческих организаций, объединяя финансирование и предоставляя таким организациям возможность в дальнейшем получать прибыль от этих объектов при условии поддержания их в работоспособном состоянии. Особое внимание необходимо обращать на конструктивное взаимодействие рассматриваемых субъектов конституционного права, которое обеспечивает общественно полезные результаты. С.П. Перегудов в этой связи замечал, что, по сути, соотношение государства и гражданского общества в передовом современном мире сводится к контролю со стороны публичной власти за поведением негосударственного сектора, в особенности в области экономики [Перегудов 1998, 140].

В целом с течением времени роль публичной власти усиливается. Государство, решая проблемы своих граждан, укрепляя их благополучие, непреднамеренно ослабляет гражданское общество и укрепляет действующую власть [Ясаи 2016, 64]. Эта тенденция четко просматривалась далеко не на всех этапах развития современного общества. Еще несколько лет назад транснациональные корпорации существенным образом ограничивали власть государства, активизируя различные институты гражданского общества. Однако после начала специальной военной операции России на Украине государства и их объединения вновь стали активно проявлять себя, укрепляя собственный суверенитет, в том числе путем ограничения деятельности на своей территории резидентов недружественных стран.

По мнению В.Е. Чиркина, публичную власть с гражданским обществом связывают некоторые общие черты, среди которых он называет коллективизм, индивидуальное и социальное расслоение, общие и частные интересы, единство и противоречия социального характера, а также руководство, причем нередко через принуждение [Чиркин 2019, 65]. Государство вынуждено, с одной стороны, удовлетворять интересы высокообеспеченных слоев населения, чтобы поддерживать экономику, с другой стороны, заботиться о малообеспеченных слоях населения, чтобы не допустить обострения напряженности в обществе. Необходимо постоянно искать баланс, направленный на обеспечение максимально комфортных условий жизни каждого, решая проблемы, актуальные для всех.

¹³ Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 года) // Собрание законодательства РФ. 2014. 28 июля. № 30 (Часть I). Ст. 4213.

¹⁴ О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 224-ФЗ (ред. от 22 июля 2024 года) // Собрание законодательства РФ. 2015. 20 июля. № 29 (часть I). Ст. 4350.

Сопоставляя абсолютную и конституционную монархии, М.А. Рейснер характеризовал последнюю как очень специфичную с точки зрения соотношения власти и крупного бизнеса. Так, в условиях абсолютной монархии можно просто приказать исполнить волю монарха, тогда как в конституционной необходимо создавать механизмы для сохранения капиталов в стране, иначе активы окажутся на территории иностранного государства [Рейснер 2018, 14]. Отношения власти и бизнеса должны быть выстроены на взаимовыгодных условиях, тогда они будут конструктивными. Однако нельзя в угоду пополнению бюджета жертвовать государственным суверенитетом, учитывая, что транснациональные корпорации могут действовать не только в своих собственных интересах, но и в интересах других государств.

В этой связи нельзя не учитывать деструктивное воздействие некоторых общественных сил на публичную власть. Э. де Ясаи отмечает, что государство может стать формальностью, если оно излишне зависит от частного капитала и его владельцев. В этом случае регулирующая функция государства превращается в фикцию, а власть переходит в руки самых богатых подданных [Ясаи 2016, 98] или даже иностранных граждан. Эту ситуацию можно интерпретировать как власть гражданского общества, преобладающую над государственной, несмотря на формальное сохранение роли государства.

Пытаясь систематизировать взаимодействие государства и гражданского общества, следует выделить ключевые культурно-исторические традиции – итальянскую, англо-американскую и немецкую. В силу специфики исторического развития для России была характерна последняя, хотя и не в чистом виде – в 90-е годы прошлого столетия ощущался крен в сторону англо-американской модели [Бабурин 2023, Бабурин 2020]. Имея это в виду, можно определить концептуальные подходы к пониманию природы и формирования гражданского общества: индивидуально-групповой; персональный; корпоративно-групповой. В свою очередь, на этой основе выделяют основные модели взаимодействия гражданского общества и государства: социал-демократическую; корпоративистскую; либеральную [Гурицкая 2007].

Социал-демократическая модель предполагает сильную роль государства, которое превалирует над гражданским обществом посредством активного участия в общественных отношениях, а также благодаря детальной регламентации деятельности субъектов конституционного права.

Корпоративная модель основана на конструктивном взаимодействии основных социальных общностей: бизнес, государство и некоммерческий сектор. В рамках такой модели имеет место относительное равноправие, управление обществом распределено между указанными субъектами, а государство воспринимается в качестве первого среди равных.

Либеральная модель предполагает верховенство прав и законных интересов личности, которому подчинено функционирование всех субъектов конституционного права. Несмотря на то что взаимоотношения личности с государством построены в этом случае на договорных основах [Чумаков 2014, 143–144], публичная власть учитывает приоритет личности в собственной повседневной деятельности, включая правотворчество.

В политологической науке принята модель, согласно которой государство и гражданское общество противостоят друг другу, находясь в состоянии определенного конфликта. Разрешение этого конфликта – основа их взаимоотношений, которые формируют либо влияют на формирование конституционного права. В соответствии с этими взглядами выделяют либеральный, социалистический и авторитарно-консервативный подходы. Либеральный предполагает, что государство представляет собой сумму групп как элементов гражданского общества. Социалистический видит в государстве некий инструмент

определенного этапа развития гражданского общества, которое впоследствии должно поглотить власть. Наконец, в соответствии с авторитарно-консервативным подходом отношения между государством и обществом – это фактически управление массами со стороны элит [Нагайчук 2005, 188].

Что касается России, то в ней, исходя из положений конституционно-правового регулирования, находит воплощение либеральная модель, однако анализ соотношения государства и гражданского общества свидетельствует о наличии элементов социал-демократической и корпоративной моделей, но в контексте либерального подхода.

* * *

Изложенный материал позволяет сделать следующие выводы.

1. Соотношение государства с гражданским обществом представляет собой комплекс многочисленных односторонних воздействий, включая контроль, взаимодействие, влияние, не связанных с непосредственным вступлением в правоотношения. Многое из перечисленного прямо урегулировано правом, но также предполагает политическое, экономическое, духовное и иное воздействие. Сам факт наличия данных субъектов с соответствующими правовыми статусами влияет на поведение, даже если речь не идет о правоотношениях. Вся совокупность нормативных предписаний вместе с возможностями их реализации очерчивает границы вмешательства данных субъектов в дела друг друга.

2. Гражданское общество обладает потенциалом, который позволяет ему занять превалирующее положение по отношению к государству в силу того обстоятельства, что оно априори ближе к народу, более восприимчиво и гибко, менее ограничено конституционно-правовыми нормами. В то же время государство потенциально способно императивными методами навести порядок, установив конституционную власть в стране. Тенденция последнего года в России – стремление общества укрепить публичную власть, отчасти за счет влияния общественных институций. В этом же направлении идет развитие конституционно-правового регулирования. Основные институты гражданского общества открыто выражают солидарность с государственной политикой, нередко допуская легальное вмешательство власти в собственные дела. Активно используются общественные ресурсы для поддержки участников специальной военной операции на Украине.

3. Еще одна данность новейшего времени – появление государственно-общественных формирований для создания видимости единения государства и гражданского общества. На самом деле за этим может быть скрыто грамотно выстроенное государственное управление, которое устраивает всех субъектов конституционного права. Здесь также можно усмотреть некое вмешательство государства в дела гражданского общества, но выбранные формы нивелируют нарушение конституционно-правового порядка. Учитывая многообразие конституционных принципов, следует еще раз напомнить: обеспечение конституционной законности на территории государства невозможно в отрыве от гражданского общества, равно как и гражданское общество вряд ли может существовать вне государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бабурин С.Н. (2023) Культурно-исторические традиции России как основа современного развития государства и права // Актуальные направления развития отраслей права в условиях новой реальности. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Под ред. А.В. Семенова, Т.В. Слюсаренко, В.Г. Голышева. М.: Московский университет им. С.Ю. Витте. С. 44–51.
- Baburin S.N. (2023) Kul'turno-istoricheskiye traditsii Rossii kak osnova sovremennogo razvitiya gosudarstva i prava [Cultural and historical traditions of Russia as the basis for the modern development of the state and law]. *Aktual'nyye napravleniya razvitiya otrasley prava v usloviyakh novoy real'nosti*. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Pod red. A. V. Semenova, T. V. Slyusarenko, V. G. Golyшева. M.: Moskovskiy universitet im. S. Yu. Vitte, pp. 44–51.
- Бабурин С.Н. (2020) О социальных ценностях: влияние римского права на российский конституционализм // Вестник Омского университета. Серия: Право. Т. 17. № 1. С. 5–14.
- Baburin S.N. (2020) O sotsial'nykh tsennostyakh: vliyaniye rimskogo prava na rossiyskiy konstitutsionalizm [On the social values: the influence of Roman law on Russian constitutionalism]. *Vestnik Omskogo universiteta*. Seriya: Pravo, vol. 17, no. 1, pp. 5–14.
- Баев В.Г., Калинина И.А. (2014) О методологических основаниях изучения проблемы соотношения государства и гражданского общества (вариации на заданную тему) // Социально-политические науки. № 2. С. 10–15.
- Bayev V.G., Kalinina I.A. (2014) O metodologicheskikh osnovaniyakh izucheniya problemy sootnosheniya gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva (variatsii na zadannuyu temu) [On the methodological foundations for studying the problem of the relationship between the state and civil society (variations on a given theme)]. *Sotsial'no-politicheskiye nauki*, no. 2, pp. 10–15.
- Васильев С.А. (2019) Соотношение государства и гражданского общества в вопросах осуществления властных функций // Гражданское общество в России и за рубежом. № 4. С. 26–29.
- Vasiliev S.A. (2019) Sootnosheniye gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva v voprosakh osushchestvleniya vlastnykh funktsiy [The relationship between the state and civil society in matters of exercising power functions]. *Grazhdanskoye obshchestvo v Rossii i za rubezhom*, no. 4, pp. 26–29.
- Гегель Г.В.Ф. (1956) Сочинения. Том III. М.: Академия наук СССР. 372 с.
- Gegel' (1956) *Sochineniya* [Works]. T. III. Moscow: Akademiya nauk SSSR. 372 p.
- Гегель Г.В.Ф. (1990) Философия права. М.: Мысль. 524 с.
- Gegel' (1990) *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow: Mysl'. 524 p.
- Гражданин и власть: монография (2023) С.А. Авакьян, Д.А. Авдеев, Е.Ф. Гладун и др. / Под ред. Г.Н. Чеботарева. Тюмень: ТюмГУ-Press. 172 с.
- Grazhdanin i vlast'* [Citizen and authority]: monografiya (2023) S.A. Avak'yan, D.A. Avdeyev, Ye.F. Gladun i dr. / Red. G.N. Chebotarev. Tyumen': TyumGU-Press. 172 p.
- Груздев В.В. (2011) Субстанциональные признаки правовых состояний личности // Российская юстиция. № 4. С. 67–70.
- Gruzdev V.V. (2011) Substantsional'nyye priznaki pravovykh sostoyaniy lichnosti [Substantial features of legal states of an individual]. *Rossiyskaya yustitsiya*, no. 4, pp. 67–70.
- Гурицька М.С. (2007) Основні моделі громадянського суспільства в історії політичної думки // Політологічний вісник. Вип. 30. С. 167–169.
- Gurits'ka M.S. (2007) Osnovní modelí gromadyans'kogo suspíl'stva v ístoríí polítichnoí dumki [The main models of community marriage in the history of political thought]. *Polítologíchniy vísnik*, no. 30, pp. 167–169.
- Еллинек Г. (2004) Общее учение о государстве. СПб.: Юридический центр Пресс. 750 с.
- Yellinek G. (2004) *Obshcheye ucheniye o gosudarstve* [General doctrine of the state]. Saint-Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press. 750 p.

- Зидентоп Л. (2004) Демократия в Европе / Пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос. 360 с.
Zidentop L. (2004) *Demokratiya v Yevrope* [Democracy in Europe] / Per. s angl., pod red. V.L. Inozemtseva. Moscow: Logos. 360 p.
- Кабышев С.В. (2023) О парадигме конституционного права России в новых исторических реалиях // Конституционное и муниципальное право. № 2. С. 2–7.
- Kabyshev S.V. (2023) O paradigme konstitutsionnogo prava Rossii v novykh istoricheskikh realiakh [On the paradigm of constitutional law of Russia in new historical realities]. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo*, no. 2, pp. 2–7.
- Кин Дж. (2001) Демократия и гражданское общество / Пер. с англ.; послесл. М.А. Абрамова. М.: Прогресс-Традиция. 400 с.
- Kin J. (2001) *Demokratiya i grazhdanskoye obshchestvo* [Democracy and civil society] / Per. s angl.; poslesl. M.A. Abramova. Moscow: Progress-Traditsiya. 400 p.
- Кравец И.А. (2004) Российский конституционализм: Проблемы становления, развития и осуществления. СПб.: Юридический центр Пресс. 675 с.
- Kravets I.A. (2004) *Rossiyskiy konstitutsionalizm: Problemy stanovleniya, razvitiya i osushchestvleniya* [Russian constitutionalism: Problems of formation, development and implementation]. Saint-Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press. 675 p.
- Кравцова Е.А. (2021) О соотношении понятий «гражданское общество» и «публичная власть» и отдельных коллизиях в их нормативном регулировании // Конституционное и муниципальное право. № 2. С. 21–23.
- Kravtsova Ye.A. (2021) O sootnoshenii ponyatiy «grazhdanskoye obshchestvo» i «publichnaya vlast'» i otdel'nykh kolliziyakh v ikh normativnom regulirovanii [On the relationship between the concepts of «civil society» and «public authority» and individual collisions in their normative regulation]. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo*, no. 2, pp. 21–23.
- Кутафин О.Е. (2011) Избранные труды: в 7 т. Российское гражданство. М.: Проспект. 587 с.
- Kutafin O.Ye. (2011) *Izbrannyye trudy: v 7 t. Rossiyskoye grazhdanstvo* [Selected works: in 7 volumes. Russian citizenship]. Moscow: Prospekt. 587 p.
- Кутафин О.Е. (2001) Предмет конституционного права. М.: Юрист. 443 с.
- Kutafin O.Ye. (2001) *Predmet konstitutsionnogo prava* [Subject of the constitutional law]. Moscow: Yurist. 443 p.
- Лебедев В.А., Киреев В.В. (2007) Суверенная демократия как конституционная идея современной России. Челябинск: Челябинский государственный университет. 255 с.
- Lebedev V.A., Kireyev V.V. (2007) *Suverennaya demokratiya kak konstitutsionnaya ideya sovremennoy Rossii* [Sovereign democracy as a constitutional idea of modern Russia]. Chelyabinsk: Chelyabinskiy gosudarstvennyy universitet. 255 p.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1987) Сочинения. 2-е изд. Т. 2. М. 630 с.
- Marks K., Engel's F. (1987) *Sochineniya* [Works]. 2-e izd., vol. 2. Moscow. 630 p.
- Нагайчук А.Ф. (2005) Социальные интересы: технологии осуществления в политике. СПб.: Изд-во СПбГУ. 256 с.
- Nagaychuk A.F. (2005) *Sotsial'nyye interesy: tekhnologii osushchestvleniya v politike* [Social interests: technologies of implementation in politics]. Saint-Petersburg: Izd-vo SPbGU. 256 p.
- Перегудов С.П. (1998) Новейшие тенденции в изучении отношений гражданского общества и государства // Полис. № 1. С. 137–148.
- Peregudov S.P. (1998) Noveyshiye tendentsii v izuchenii otnosheniy grazhdanskogo obshchestva i gosudarstva [Latest trends in the study of relations between civil society and the state]. *Polis*, no. 1, pp. 137–148.
- Рейснер М.А. (2018) Государство: Государство и общество. Государственные формы. М.: Ленанд. 296 с.

- Reysner M.A. (2018) *Gosudarstvo: Gosudarstvo i obshchestvo. Gosudarstvennyye formy* [State: State and society. State forms]. Moscow: Lenand. 296 p.
- Токвиль А. де (1992) Демократия в Америке. М.: Прогресс. 559 с.
- Tokvil' A. de (1992) *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. Moscow: Progress. 559 p.
- Тонков Е.Е. (2011) Модернизация юридических форм государственной деятельности: монография. М.: Юрлитинформ. 256 с.
- Tonkov Ye.Ye. (2011) *Modernizatsiya yuridicheskikh form gosudarstvennoy deyatel'nosti* [Modernization of legal forms of state activity]: monografiya. Moscow: Yurlitinform. 256 p.
- Худяков А.В. (2012) Конституционно-правовое регулирование обязанностей государства в России: монография. М. 184 с.
- Khudyakov A.V. (2012) *Konstitutsionno-pravovoye regulirovaniye obyazannostey gosudarstva v Rossii* [Constitutional and legal regulation of state duties in Russia]: monografiya. Moscow. 184 p.
- Чичерин Б.Н. (2010) Собственность и государство. М.: Росспэн. 926 с.
- Chicherin B.N. (2010) *Sobstvennost' i gosudarstvo* [Property and the state]. Moscow: Rosspen. 926 p.
- Чиркин В.Е. (2019) Территориальная организация публичной власти: монография. М.: Норма. 208 с.
- Chirkin V.Ye. (2019) *Territorial'naya organizatsiya publichnoy vlasti* [Territorial organization of public authority]: monografiya. Moscow: Norma. 208 p.
- Чумаков Д.Д. (2014) Изучение моделей взаимодействия гражданского общества и института государства: теоретико-концептуальный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. № 3. С. 142–147.
- Chumakov D.D. (2014) *Izucheniye modeley vzaimodeystviya grazhdanskogo obshchestva i instituta gosudarstva: teoretiko-kontseptual'nyy aspekt* [Study of models of interaction between civil society and the institution of the state: theoretical and conceptual aspect]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov*. Seriya: Politologiya, no. 3, pp. 142–147.
- Шевченко О.К. (2020) Сокрушающая державы (миссия философии власти в середине XXI века). СПб.: Историческое сознание. 256 с.
- Shevchenko O.K. (2020) *Sokrushchayushchaya derzhavy (missiya filosofii vlasti v seredine XXI veka)* [The Crushing Powers (the mission of the philosophy of power in the middle of the 21st century)]. Saint-Petersburg: Istoricheskoye soznaniye. 256 p.
- Шопенгауэр А. (1998) Афоризмы и максимы: Сочинения. М.: Эксмо; Харьков: Фолио. 733 с.
- Shopengauer A. (1998) *Aforizmy i maksimy: Sochineniya* [Aphorisms and maxims: Works]. Moscow: Eksmo; Khar'kov: Folio. 733 p.
- Эбзеев Б.С. (2005) Государственное единство и целостность Российской Федерации (конституционно-правовые проблемы). М.: Экономика. 375 с.
- Ebzeyev B.S. (2005) *Gosudarstvennoye yedinstvo itselostnost' Rossiyskoy Federatsii (konstitutsionno-pravovyye problemy)* [State unity and integrity of the Russian Federation (constitutional and legal problems)]. Moscow: Ekonomika. 375 p.
- Эбзеев Б.С. (2017) Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: монография / 2-е издание, переработанное и дополненное. М.: Проспект. 656 с.
- Ebzeyev B.S. (2017) *Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitutsionnom stroye Rossiyskoy Federatsii* [Man, people, state in the constitutional system of the Russian Federation]: monografiya / 2-e izdaniye, pererabotannoye i dopolnennoye. Moscow: Prospekt. 656 p.
- Япрынцеv И.М. (2021) Общественный контроль в системе гражданских инициатив в Российской Федерации: монография. М.: Проспект. 136 с.
- Yapryntsev I.M. (2021) *Obshchestvennyy kontrol' v sisteme grazhdanskikh initsiativ v Rossiyskoy Federatsii* [Public control in the system of civil initiatives in the Russian Federation]: monografiya. Moscow: Prospekt. 136 p.

Ясаи Э. де (2016) Государство / Пер. с англ. Г. Покатовича, под ред. Ю. Кузнецова. М.; Челябинск: Ирисэн, Социум. 416 с.

Yasai E. de (2016) *Gosudarstvo* [State] / Per. s angl. G. Pokatovicha pod red. Yu. Kuznetsova. Moscow; Chelyabinsk: Irisen, Sotsium. 416 p.

Constant B. (1861) *Cours de politique constitutionnelle: T. 1: ou collection des ouvrages / Publiés sur le gouvernement representatif par Benjamin Constant; avec une introduction et des notes par M. Edouard Laboulaye.* Librairie de Guillaumin et Cie. 559 p.

Ribstein L.E. (1995) The Constitutional Conception of the Corporation. *Supreme Court Economic Review*, vol. 4, pp. 95–140.

Информация об авторе

Васильев Станислав Александрович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Конституционное и административное право» Севастопольского государственного университета. Адрес: 299053, Россия, Севастополь, ул. Университетская, д. 33. E-mail: mnogoslov@mail.ru

About the author

Vasiliev Stanislav Alexandrovich, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of Sevastopol State University. Address: 299053, 33 Universitetskaya str., Sevastopol, Russia. E-mail: mnogoslov@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 19.03.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 10.07.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 03.08.2024

Оригинальная статья / Original article

Гуманистический капитализм. Манипуляция смыслами

© Е.В. АВДЕЕНКО

Авдеенко Евгения Викторовна, Воронежский государственный технический университет (Воронеж, Россия), jjaaanc@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-5224-3149

Рассмотрены особенности современного общественного строя, который называют по-разному: новый капитализм, посткапитализм, гуманистический капитализм. Обсуждены тенденции гуманизации и гуманитаризации общества, их последствия. В центре внимания вопрос о том, каким образом и по каким причинам изменяются аксиологические доминанты современного общества. Манипуляция смыслами выступает как средство преодоления экзистенциальной пустоты. Жизнедеятельность человека в капиталистической парадигме привела к отчуждению труда, которое имеет своим следствием ощущение бессмысленности бытия. Капиталистическое расслоение общества создало условия для тотального овладения благами определенной социальной прослойкой. Разрыв в благосостоянии разных групп населения вызвал ощущение экзистенциальной пустоты как в высших, так и в низших социальных стратах. Безграничность овладения благами, с одной стороны, делает его бессмысленным для обладателя, с другой – делает бессмысленной активность эксплуатируемой прослойки по овладению благами. Это привело к стремлению элит трансформировать систему собственного потребления и создать новые смыслы жизнедеятельности и труда для рабочей прослойки. Возрастающая гуманизация и гуманитаризация современного общества позволила обрести новый смысл – развитие, которое как ценность и цель жизнедеятельности обывателя стало находкой современной теории и практики манипуляции. Вместо конкретных достижимых целей (определенный уровень карьерного/финансового благополучия, признание, власть, независимость) развитие может, а теперь и должно продолжаться бесконечно, его трудно оценить в критериях результата, так как это процесс.

Ключевые слова: капитализм, манипуляция, социальные трансформации, общество, информационное общество, гуманизм, образование, потребление

Цитирование: Авдеенко Е.В. (2024) Гуманистический капитализм. Манипуляция смыслами // Общественные науки и современность. № 4. С. 94–103. DOI: 10.31857/S0869049924040072, EDN: ZGWHTJ

Humanistic Capitalism. Manipulation of Meanings

© E.V. AVDEENKO

Evgeniya V. Avdeenko, Voronezh State Technical University (Voronezh, Russia), jjane@yandex.ru.
ORCID: 0000-0002-5224-3149

Abstract. The features of the modern social system, which has several names (new capitalism, post-capitalism, humanistic capitalism) are examined. The tendencies of humanization and humanitarization of society, their consequences are discussed. The focus is on the question of how and for what reasons the axiological dominants of modern society change. Manipulation of meanings acts as a means of overcoming existential emptiness. Human life in the capitalist paradigm has led to the alienation of labor, which has as its consequence a feeling of meaningless existence. Capitalist stratification of society has created conditions for the total acquisition of benefits by a certain social stratum. The gap in the well-being of different groups of the population has caused a feeling of existential emptiness in both the higher and lower social strata. The limitless acquisition of benefits on the one hand, makes it meaningless for the owner, on the other hand, the activity of acquiring benefits by the exploited stratum is meaningless. This led to the desire of the elites to transform the system of their own consumption and create new meanings of life and work for the working class. The increasing humanization and humanitarization of modern society allowed it to acquire a new meaning – development, which as a value and goal of life for the average person has become a discovery of the modern theory and practice of manipulation. Development can, and now should continue indefinitely, it is difficult to evaluate it in terms of the results, since it is a process. If previously the average person had quite specific goals to achieve (a certain level of career/financial well-being, recognition, power, independence) now development is hard to estimate by the criterion of result since it is a process.

Keywords: manipulation, social transformations, modern society, capitalism, information society, humanism, education, consumption

Citation: Avdeenko E.V. (2024) Humanistic Capitalism. Manipulation of Meanings. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 94–103. DOI: 10.31857/S0869049924040072, EDN: ZGWHJTJ (in Russ.)

В настоящее время все большую популярность приобретают социально-философские понятия, начинающиеся с приставки «пост-»: постиндустриальное общество, посткапитализм, постмодернизм, постдемократия, постправда и т.п. Дело в том, что современное общество заметно отличается от предшествующих, однако довольно трудно четко определить его специфику, дать ему исчерпывающую дефиницию. Возможно, уже в ближайшем будущем ситуация изменится и появится сущностное определение «поздней стадии капитализма» (в терминологии Ф. Джеймсона – late capitalism [Jameson 1991]). Решению этой задачи посвятили свои работы У. Бек [Бек 2000], Д. Белл, В.Л. Иноземцев [Белл, Иноземцев 2007], Т. Бьюз [Бьюз 2016], В.Н. Волков [Волков 2017], А.Г. Дугин [Дугин 2009], Ш. Зубофф [Зубофф 2022], К. Крауч [Крауч 2010], Д.Г. Литинская [Литинская 2013], М. Пени [Пени 2019], Л.В. Сафронова [Сафронова 2019], К. Скиннер [Скиннер 2019], Г. Стэндинг [Стэндинг 2014], Э. Тоффлер [Тоффлер 2004], Ф. Уэбстер [Уэбстер 2004], Р. Флорида [Флорида 2007], С. Фуллер [Фуллер 2021], К. Шваб [Шваб 2018], Дж. Ваттимо [Vattimo 1988] и др.

Если дать обобщенное название рассматриваемому нами тренду, его можно определить как «гуманистический капитализм», где прилагательное «гуманистический» имеет два значения: первое – относящийся к человеку, опирающийся на знание о человеке, использующий такое знание как локомотив своего развития; второе – гуманный, то есть такой, что высоко ценит человека, заботится о благополучии человека, бережет человека. Второе

значение имеет однозначно позитивный в ценностном отношении оттенок, что нельзя сказать о первом. Неразличение, взаимное отражение этих двух граней приводит к тому, что позитивно окрашенным в ценностном плане оказывается и концепт гуманистического капитализма, и лежащий в основе этого концепта феномен. Изначально позитивная ценностная окрашенность камуфлирует негативные стороны гуманистического капитализма.

Гуманистический капитализм – это в первую очередь капитализм, то есть речь идет об общественном строе, ориентированном на постоянное увеличение капитала, на частнособственническую прибыль. Экономически (К. Маркс) и идеологически (А. Грамши) этой прибылью распоряжается доминирующий в обществе класс, который устанавливает порядки, обеспечивающие максимальное производство и аккумуляцию прибавочной стоимости.

Такое распределение прибавочной стоимости, как правило, не устраивает «низший класс», класс (по Марксу) наемных рабочих. Разгорается классовая борьба – борьба «за справедливость», которая нарушает установившиеся порядки, затрудняет бесперебойное движение капитала. По мнению Д.А. Давыдова, «общество движется к посткапитализму неравномерно. В то время как классический марксизм предполагал первостепенную важность удовлетворения базовых потребностей всех без исключения, сегодня лишь относительное меньшинство индивидов достигает состояния “экзистенциальной безопасности”. Данное меньшинство проникается коммунистическими ценностями, однако их антибуржуазный универсальный гуманизм с его широким спектром целей (от идеи “открытых границ” до защиты прав и возможностей “нечеловеческих животных”) часто не актуален в мире, в котором большинство людей все еще сталкиваются с материальной нуждой и дефицитом» [Давыдов 2023].

В работе «Новый дух капитализма» Л. Болтански и Э. Кьяпелло подробно рассматривают характерные особенности современного общественного строя, называемого ими «новый капитализм». Они обращают внимание и на различные аспекты гуманизации (например, появление социальных организаций и рост озабоченности бедностью), и на усиление эксплуататорского давления на обывателя: «Принуждение вовсе не исчезло из мира труда... Напротив, принуждение стало чрезвычайно весомым, хотя в наши дни оно осуществляется в новых формах. Новые формы менеджмента тесно связаны с новыми формами контроля, которые, почти не прибегая к прямому надзору, осуществляемому в прямом противостоянии власть имущих и власти лишенных, менее очевидны, но не менее действенны: самоконтроль, контроль со стороны рынка и дистанционный информационный контроль в режиме реального времени дополняют друг друга, осуществляя на практике постоянное давление на наемных работников» [Болтански, Кьяпелло 2011].

Таким образом, правящему классу приходится предпринимать усилия, чтобы ослабить недовольство наемных рабочих. Эту задачу можно решать посредством социальной манипуляции – формирования в обществе такой культурной атмосферы, которая маскирует эксплуатацию низших классов высшими.

В рамках концепции коммодификации эмоций Е. Иллуз вводит понятие «аффективного капитализма», где товаром становятся эмоции [Illouz 2014]. В книге «Фабрика счастливых граждан» Е. Иллуз и Э. Кабанас утверждают, что «погоня за счастьем является одним из наиболее характерных экспортов и главных политических горизонтов североамериканской культуры, который распространялся и продвигался с помощью широкого круга неполитических деятелей, включая авторов книг по саморазвитию, коучей, предпринимателей, частные организации и фонды, Голливуд, ток-шоу, знаменитостей и, конечно же, психологов. Тем не менее лишь недавно погоня за счастьем перестала быть преимущественно североамериканской политической реальностью и превратилась в многомиллиардную мировую отрасль, работающую наряду с надежной эмпирической наукой» [Иллуз, Каба-

нас 2023]. Эта отрасль стала настоящей индустрией, в основе которой лежат достижения позитивной психологии: «Менее чем за десять лет объем, распространение и влияние академических исследований счастья и связанных с ним тематик, например, субъективное благополучие, сильные стороны и добродетели, положительные эмоции, аутентичность, процветание, оптимизм и жизнестойкость, увеличились в десять раз, охватив не только психологию, но и экономику, образование, терапию, здравоохранение, политику, криминологию, спортивную науку, защиту животных, дизайн, нейронауки, гуманитарные науки, менеджмент и бизнес» [Иллуз, Кабанас 2023].

Внимание к эмоциональной сфере и значимость позитивного самовосприятия в последнее время, бесспорно, усиливаются. Социологический и историко-культурный анализ показывает, что за последние тридцать лет в ведущих странах современного капитализма образовался новый тип капиталистов, который американский социолог Д. Брукс назвал «бобо» (*bourgeois bohemian*, богемная буржуазия). Первый признак богемной буржуазии (бобо) – стирание границ между богемой (люди, не ориентированные на накопление материального богатства, жаждущие духовных свершений, чувств, живущие для самовыражения и путем самовыражения) и буржуазией (люди протестантской этики, рационально и методично увеличивающие материальное и финансовое благополучие, сугубо прагматичные, не склонные поддаваться эмоциям).

В прежние времена богема, облюбовав закоулки центральных улиц городов, исповедовала предельно свободный стиль жизни – от манеры одеваться до манеры поведения. Как правило, богема тяготела к левым революционным взглядам, критически относилась к государственным и властным институтам, мечтала о радикально новом мире, задавалась экзистенциальными вопросами. Буржуазия предпочитала пригороды, вела размеренный, упорядоченный образ жизни, не позволяла себе вольностей ни в одежде, ни в поведении, дорожила статусом ответственного, добродетельного и потому преуспевающего бизнесмена. В области политики буржуазия тяготела к правым, консервативным взглядам, ценила государственный порядок и уважительно относилась к властям пререждающим, имела четкие цели и жизненные ориентиры. Сегодня налицо стремление буржуазии мимикрировать под богему. «Среди людей с высшим образованием протестная позиция весьма хаотично совмещается с желанием подняться по социальной лестнице. Вопреки ожиданиям, а подчас и логике, эти люди совместили представления контркультурных 1960-х и нацеленных на успех 1980-х в единый социальный этос» [Брукс 2013].

Зарождение феномена «бобо» следует отнести к тому времени, когда именно интеллектуальный капитал становится если не гарантией, то, по крайней мере, необходимым условием преуспевания в бизнесе. Это не значит, что наследство и принадлежность к аристократии совсем перестали иметь значение. Правильнее сказать иначе: финансовая и политическая элита прежних времен считает теперь обязательным дать своим детям блестящее образование и в наибольшей степени способствовать их интеллектуальному развитию. Именно таким образом формируется новая элита – меритократы, способные к интеллектуальному труду. Объединяет новую элиту в первую очередь блестящее образование, полученное в престижных университетах.

Надо сказать, что до последней трети XX в. вложения в образование капиталистическая элита ценила не очень высоко (большее значение образованию детей придавали средние слои, поскольку для них это был путь наверх). Еще в 1970-е гг. высшее образование ценилось не как средство повышения интеллектуального уровня и экономической эффективности, а как символ принадлежности к элитарному классу, «закрытому клубу», в котором значение имеют связи, а не знания. Информатизация внесла коррективы в представления людей, и уже в 1980-е гг. обладатели высшего образования стали зарабатывать

на 35% больше, чем те, кто имеет лишь среднее, а в 1990-е разрыв увеличился до 70%. Высшее образование, даже гуманитарное, наглядно повышает экономическую эффективность его обладателя. Кроме того, информационная эпоха породила множество новых высокооплачиваемых специальностей: программист, креативный директор, веб-дизайнер, координатор командного духа, разработчик сюжетов и т.д.

Представители новой элиты, сделавшие ставку на образование, не только хорошо зарабатывают, но занимают все более значительные должности. Внутри этой новой элиты по-прежнему существенную роль играют связи, но теперь успешность и эффективность в большей мере связаны с интеллектуальными достижениями, а не родословной. Успешные и знаменитые транслируют обществу свой путь из низов.

Триумфальное восхождение новой элиты сопровождалось возникновением у ее представителей когнитивного диссонанса. Тяга к знаниям, книгам, духовным ценностям, критическое отношение к мещанству, скаредности, накопительству вступали в противоречие с большими заработками. Преодоление этого противоречия в обществе постмодерна возможно симулятивно (симулякративно [*Бодрийяр* 2015]), т.е. посредством определенного стиля жизни и поведения, который камуфлирует классовые противоречия. Благодаря такому стилю можно сформировать, утвердить в общественном пространстве симулякр равенства и справедливости, затрудняющий не только критический анализ, но и само видение неравенства и несправедливости.

Одно из средств легитимации нового этоса – «демократичное» внешнее оформление себя. Представители интеллектуальных элит теперь не носят драгоценности, надевают джинсы, кеды, серые футболки и черные водолазки. Супруги принцев британской короны покупают себе одежду в массмаркете. Это, однако, не мешает предприимчивым представителям новых элит продавать дорогие вещи и технику по завышенным ценам после кратковременного использования. Характерный пример: А.М. Любимов, генеральный директор «РБК–ТВ», вице-президент Академии российского телевидения, отвечая на вопрос о том, почему он раздарил свои дорогие костюмы, заметил: «Как-то мне пришлось встречать американского миллиардера. Когда его частный самолет приземлился, с трапа спустился тот самый миллиардер, одетый в какие-то «треники», кроссовки и выдавшую виды толстовку. В руках у него был только небольшой чемоданчик, в котором размещался навороченный ноутбук последней модели. В эту минуту я понял, что мне все мои пафосные костюмы совсем не нужны».

Модель экономичного потребления для состоятельных людей обыгрывают в современных российских sitcomах: богатейший русский предприниматель встречает зарубежного партнера черной икрой, но, узнав о его крайне левых взглядах и симпатиях к экономичному потреблению, перестраивает собственное позиционирование – демонстрирует аскетичный образ жизни и экоактивизм. Забавный эпизод: будучи с официальным визитом в Турции в 2007 г., президент Всемирного банка П. Вулфовиц посетил мечеть, и разувшись, продемонстрировал окружающим дырявые носки¹. Новая образованная элита устанавливает свой кодекс потребительского поведения, отрицая то, что Т. Веблен назвал «демонстративным потреблением» [*Веблен* 1984]. Считается вульгарным приобретать предметы роскоши. Материальные ценности рассматривают в основном через призму того, как их можно конвертировать в эмоционально-духовные и интеллектуальные переживания. Однако очевидно, что это лишь новый формат того же демонстративного потребления. Теперь статус определяют не по драгоценностям, а по интеллектуальному и эстетическому потреблению.

¹ Глава Всемирного банка дважды опозорился... (<https://ura.news/news/16577>).

Такой образ жизни отвечает двум задачам. Отказываясь от показной роскоши, точнее, не используя таковую в качестве маркера своего статуса, новые элиты пытаются закамуфлировать классовые конфликты. Внешний вид, образ жизни опрощают. Одеваться в стиле *casual*, говорить с использованием слэнга, просторечных оборотов² – это, по крайней мере на первый взгляд, значит уменьшать дистанцию между собой и «низшими классами», казаться искренним, простым, демократичным, легко входить в доверие к людям самого разного социального статуса и уровня достатка.

С другой стороны, элита не может позволить себе вообще не маркировать себя как элиту. Однако маркировка, в качестве которой используют непомерно дорогой функционал (рабочие инструменты, профессиональная амуниция, средства поддержания здорового образа жизни, физического и умственного развития), доступна только «посвященным», она предназначена для внутреннего пользования. Увидеть и оценить такого рода функционал извне не так просто, необходимо иметь допуск во внутренний круг. На стыке этих тенденций в индустрии моды сформирован, например, стиль *oldmoney* – высококачественная одежда нейтральных оттенков, дизайнерские вещи классических фасонов из дорогостоящих материалов без логотипов.

Вместе с тем образованная элита привнесла не только новый этос организации быта и досуга. Не менее характерным (а в чем-то даже более значимым) для гуманистического капитализма стал внедряемый в жизнь этос организации рабочего времени – в конечном счете этос эксплуатации наемных работников. Именно в этой области в наибольшей мере проявилась первая (из выделяемых нами) грань гуманитарного капитализма – использование достижений социально-гуманитарной науки с целью повысить производительность труда, а следовательно, и увеличить создаваемую в обществе прибавочную стоимость.

В 1956 г. У. Уайт написал книгу «Человек организации» [Whyte 2002], в которой указал на недостатки господствовавшей в то время в Америке организации труда. Человек вписан в работу корпорации (как правило, большой) в качестве шестеренки, он отчужден от конечного продукта, целей и задач корпорации, выполняет свой функционал, действуя по внешнему принуждению и будучи мотивирован только заработной платой или штрафами. В такой ситуации работник, воспринимая свой труд как вынужденную и тяжелую ношу, склонен к оппортунистическому поведению, будет минимизировать свои трудовые усилия, а значит, снижать производительность труда и рост прибавочной стоимости. Т. Рожак в труде «Создание контркультуры» обращает внимание на то, что проблема состоит в самом рационалистическом восприятии мира и человека, которое характерно для технократии [Rozhak 1969].

Критика традиционного индустриализма и рационализма со стороны Уайта и Рожака, а также Дж. Джэкобс («Смерть и жизнь больших американских городов» [Jacobs 1961]) нашла отражение, а, возможно, и стала источником новых идеалов и моральных ориентиров глобальной корпоративной культуры, призванной преодолеть экономические и социальные провалы, связанные с отчуждением труда. Теперь корпоративная ценность – не только и не столько непосредственное участие каждого сотрудника в создании продукта, сколько его собственное развитие и самосовершенствование в процессе трудовой деятельности с акцентом на креативность, видение ситуации в целом и, главное, вовлеченность. «В такой атмосфере, – пишет Д. Брукс, – иначе воспринимается и роль руководителя. Генеральный директор уже не шахматный гроссмейстер, передвигающий фигуры. Теперь он видит себя

² Д. Брукс пишет: «Они используют короткие предложения. Существительные вместо глаголов. Исчезли всякие намеки на беллетризацию, преобладает стиль Керуака. Спонтанность, скорость и свобода. Отбрось литературные, грамматические и синтаксические формальности. Чтобы оставаться честным, нужно сохранить первозданность ... То, что ты чувствуешь, найдет способ проявиться, – утверждал Керуак» [Брукс 2013].

вдохновителем, мотиватором, руководителем оркестра. Сегодняшний генеральный директор хвалится своими усилиями по пробуждению творческого потенциала подчиненных. Хороший директор не столько доминирует, сколько подает пример, как опытный художник своим ученикам» [Брукс 2013]. Ли Клоу, глава рекламной фирмы TBWA Worldwide, пишет: «Иногда меня спрашивают, что я говорю своим сотрудникам, чтоб они приходили на работу по субботам и воскресеньям. Да ничего не говорю. Просто наши творческие сотрудники знают, чего мы от них ждем. Они знают, что в этой огромной песочнице у них есть шанс. Это место должно стимулировать творческую активность, на работе должно быть весело, сотрудники должны взаимодействовать, создавать социальную среду. И не вздумайте называть это каторгой – это песочница! Это не работа – это игра!» [Брукс 2013].

Тот производственный этос, который создает новая интеллектуальная элита, кардинально отличается от традиционного капитализма. Его по крайней мере декларативно заявляемым девизом могли бы стать известные слова из Введения к Программе Коммунистической партии Советского Союза (КПСС), принятой XXII съездом КПСС в 1961 г.: «Все во имя человека, все для блага человека»³. Сейчас среди элит стало немодно зарабатывать ради повышения своего благосостояния, тем более демонстрировать его. Модно создавать смыслы и ценности, демонстрировать ответственное потребление, в том числе собственных подчиненных. Бизнес-консультанты теперь – духовные лидеры-вдохновители, а не «организационные проектанты» по рационализации. Они помогают каждому звену обрести смысл и ценность, хотя еще двадцать лет назад их задачей было найти ключ к максимально эффективному использованию рабочей силы. Оказалось, что рабочая сила тем эффективнее, чем больше смысла и ценности она видит в собственном труде, а материальная система штрафов и поощрений дает минимальный результат в сравнении с аксиологической манипуляцией. Преодоление экзистенциальной пустоты и тревоги, которые обусловлены бессмысленностью существования, принесло колоссальные производительные результаты и дивиденды бенефициарам бизнес-процессов в условиях современного гуманистического капитализма.

* * *

Правомерно определить нынешний этап развития капиталистического общества как время перехода от современности к постсовременности. Одна из важных тенденций такого перехода – возникновение особого феномена, названного нами «гуманистический капитализм». Его отличительная черта – использование современных научных и философских знаний о человеке в организации капиталистического общества и капиталистического производства. Эту тенденцию признают прогрессивной, имея в виду как большую устойчивость, большую эффективность и производительность такого рода социума, так и большую ценность и значимость человека в нем. Современное общество становится все более гуманистическим.

Еще одно направление трансформации современного общества – переоценка смыслов. Общество начинает по-новому использовать смыслы, которые прежде соотносили с истинами и ценностями. Теперь уже сам по себе смысл, обладание им превращаются в абсолютную ценность. В массовом сознании материальные блага и материальные символы обладания утрачивают значимость, в то время как ценным становится владение смыслами. Да, физический комфорт по-прежнему актуален, но он перестал быть целью существования, в развитом мире физически всем примерно одинаково комфортно.

³ Материалы XXII Съезда КПСС. М.: Госполитиздат, 1961. С. 76.

Более полувека назад экзистенциалисты заговорили об экзистенциальном кризисе как следствии отчуждения труда, которое порождало пустоту и страх перед жизнью: если моя жизнедеятельность не воплощается в конечный продукт, не служит достижению определенной цели, она пуста, и смерть – окончательное растворение в этой пустоте. Однако в то время подобные вопросы и переживания были характерны лишь для узкой прослойки интеллектуалов. Драма бессмысленности бытия тревожила лишь тех, кому не нужно было выживать, кто мог позволить себе обратиться к рефлексии, мыслям о тщете собственного существования. Это была незначительная часть населения, и ее склонность к самоанализу не приносила ущерба экономике.

Научно-технический прогресс привел к тому, что жизнь «без выживания» стала доступна широким массам. Среднестатистический обыватель развитой страны в 1990-е гг. утратил необходимость в каждый конкретный момент времени преодолевать препятствия на пути удовлетворения витальных потребностей. И тогда он столкнулся с экзистенциальной пустотой. Общество постмодерна было вынуждено наполнить жизнь людей смыслом. На поверхности этого процесса – деятельность массмедиа и индустрии развлечений. Однако развлечения не могут полностью удовлетворить потребность человека в познании и осмысленном существовании. Во многом именно с этим связан небывалый рост интереса к разного рода эзотерическим практикам. Ретриты, йога, астрология, космоэнергетика, биоэнергетика, саентология, фен-шуй, транссерфинг, оккультизм, нумерология и др. – все это позволяет обрести смысл тем, кому недостает смыслов в новых корпоративных или медийных реалиях.

В то же время экзистенциалисты побудили элиты задуматься о бессмысленности их бытия, и они создали массмаркет ценностей, предлагающий смыслы труда для широких слоев населения. Раньше смысл был предметно опосредован – выживание, обретение благ, свободы, статуса, власти. Капитализм наделил элиты безграничным обладанием, что, как это ни парадоксально, обесценило обладание, в то время как наемные работники столкнулись с отчуждением труда, лишившим смысла их деятельность. Эволюция современного общества позволяет преодолеть эту пустоту, наделив всех представителей социума новым смыслом – смыслом развития, и с точки зрения временной перспективы это продуктивно, так как развитие может быть бесконечным и разнонаправленным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бек У. (2000) Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция. 384 с.
- Beck U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society. On the way to another modernity]. Moscow: Progress-Tradicija. 384 p. (In Russ.)
- Белл Д., Иноземцев В.Л. (2007) Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. М.: Центр исследований постиндустриального общества. 304 с.
- Bell D., Inozemcev V.L. (2007) *Epoha razobshchennosti: Razmyshleniya o mire XXI veka* [An Age of Disunity: Reflections on the 21st Century World]. Moscow: Centr issledovaniy postindustrial'nogo obshchestva. 304 p. (In Russ.)
- Бодрийяр Ж. (2015) Симулякры и симуляция / Пер. А. Качалова. М.: Издательский дом «ПОСТУМ». 240 с.
- Baudrillard J. (2015) *Simulyakry i simulyaciya* [Simulacra and Simulation]. Moscow: Izdatel'skij dom «POSTUM». 240 p. (In Russ.)
- Болтански Л, Кьяпелло Э. (2011) Новый дух капитализма / Пер. с фр. под общей редакцией С. Фокина. М.: Новое литературное обозрение. 976 с.
- Boltanski L., Chiapello E. (2011) *Novyj duh kapitalizma* [New spirit of capitalism]. Moscow: New Literary Review. 976 p. (In Russ.)

- Брукс Д. (2013) Бобо в раю. Откуда берется новая элита. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс». 296 с.
- Bruks D. (2013) *Bobo v rayu. Otkuda beretsya novaya elita* [Bobos in Paradise. The New Upper Class and how They Got There]. Moscow: ООО «Ад Маргинем Пресс». 296 p. (In Russ.)
- Бьюз Т. (2016) Цинизм и постмодерн. М.: ИД «КДУ». 270 с.
- Bewes T. (2016) *Cinizm i postmodern* [Cynicism and Postmodernity]. Moscow: ID «KDU». 270 p. (In Russ.)
- Веблен Т. (1984) Теория праздного класса: экономическое исследование институций. М.: Прогресс. 367 с.
- Veblen T. (1984) *Teoriya prazdnogo klassa: ekonomicheskoe issledovanie institucij* [The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions]. Moscow: Progress. 367 p. (In Russ.)
- Волков В.Н. (2017) Постмодерн и его интерпретации. Монография. М.: Издательские решения. 606 с.
- Volkov V.N. (2017) *Postmodern i ego interpretacii* [Postmodernity and its interpretations. Monograph]. Moscow: Izdatel'skie resheniya. 606 p. (In Russ.)
- Давыдов Д.А. (2023) Левая идеология новых элит: от роскошных убеждений к универсальному гуманизму // *Общественные науки и современность*. № 4. С 7–21. <https://doi.org/10.31857/S0869049923040019>, EDN: OYPQIM.
- Davydov D. (2023) *Levaya ideologiya novyh elit: ot roskoshnyh ubezhdenij k universal'nomu gumanizmu* [The Left-Wing Ideology of the New Elites: From Luxury Beliefs to Universal Humanism]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 7–21. <https://doi.org/10.31857/S0869049923040019>, EDN: OYPQIM. (In Russ.)
- Дугин А.Г. (2009) Постфилософия: три парадигмы в истории философской мысли. М.: Евразийское Движение. 744 с.
- Dugin A.G. (2009) *Postfilosofiya: tri paradigmy v istorii filosofskoj mysli* [Postphilosophy: three paradigms in the history of philosophical thought]. Moscow: «Evrazijskoe Dvizenie». 744 p. (In Russ.)
- Зубофф Ш. (2022) Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара. 784 с.
- Zuboff Sh. (2022) *Epoha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushchee na novyh rubezhah vlasti* [The Age of Surveillance Capitalism]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara. 784 p. (In Russ.)
- Иллуз Е., Кабанас Э. (2023) Фабрика счастливых граждан: как индустрия счастья контролирует нашу жизнь / Пер. А.В. Рахманько. М.: Издательство АСТ. 352 с.
- Ilouz E., Cabanas E. (2023) *Fabrika schastlivykh grazhdan: kak industrija schast'ya kontroliruet nashu zhizn'* [Happycratie. Comment l'industrie du bonheur a pris le controle de nos vies?]. Moscow: Publishing House AST. 352 p. (In Russ.)
- Крауч К. (2010) Постдемократия. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшая школа экономики. 192 с.
- Crouch C. (2010) *Postdemokratiya* [Postdemocracy]. Moscow: Izd. dom Gos.un-ta – Vysshaja shkola ekonomiki. 192 p. (In Russ.)
- Пенн М. (2019) Микротренды, меняющие мир прямо сейчас. М.: Альпина Паблишер. 430 с.
- Penn M. (2019) *Mikrotrendy, menyayushchie mir pryamo sejchas* [Microtrends that are changing the world right now]. Moscow: Al'pina Pablisher. 430 p. (In Russ.)
- Сафронова Л.В. (2009) Постмодернистский текст: поэтика манипуляции. СПб.: ИД «Петрополис». 212 с.
- Safronova L.V. (2009) *Postmodernistskij tekst: poetika manipulyacii* [Postmodern text: poetics of manipulation]. Saint Petersburg: ID «Petropolis». 212 p. (In Russ.)
- Скиннер К. (2019) Человек цифровой. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого. М.: Манн, Иванов и Фербер. 182 с.
- Skinner K. (2019) *Chelovek cifrovoj. Chetvertaya revolyuciya v istorii chelovechestva, kotoraya zatronet kazhdogo* [Digital Human: The Fourth Revolution of Humanity Includes Everyone]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. 182 p. (In Russ.)
- Стэндинг Г. (2014) Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс. 328 с.

- Standing G. (2014) *Prekariat: novyj opasnyj klass* [The Precariat: The New Dangerous Class]. Moscow: Ad Marginem Press. 328 p. (In Russ.)
- Тоффлер Э. (2004) Третья волна. М.: АСТ. 261 с.
- Toffler A. (2004) *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Moscow: AST. 261 p. (In Russ.)
- Уэбстер Ф. (2004) Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс. 399 с.
- Webster F. (2004) *Teorii informacionnogo obshchestva* [Theories of the Information Society]. Moscow: Aspekt Press. 399 p. (In Russ.)
- Флорида Р. (2007) Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Издательский дом «Классика XXI». 421 с.
- Florida R. (2007) *Kreativnyj klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee* [The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life]. Moscow: Izdatel'skij dom «Klassika XXI». 421 p. (In Russ.)
- Фуллер С. (2021) Постправда: Знание как борьба за власть. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 368 с.
- Fuller S. (2021) *Postpravda: Znanie kak bor'ba za vlast'* [Post-Truth: Knowledge as a Power Game]. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki. 368 p. (In Russ.)
- Шваб К., Дэвис Н. (2018) Технологии Четвертой промышленной революции. М.: Эксмо, 2018. 320 с.
- Schwab K., Davis N. (2018) *Tekhnologii CHetvertoj promyshlennoj revolyucii* [Shaping the Fourth Industrial Revolution]. Moscow: Eksmo. 320 p. (In Russ.)
- Illouz E. (2014) *Hard-Core Romance. Fifty Shades of Grey, Best-Sellers, and Society*. Chicago and London: University of Chicago Press. 104 p.
- Jacobs J. (1961) *The Death and Life of Great American Cities*. New York: Random House. 458 p.
- Jameson F. (1991) *Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism*. Duke University Press. 461 p.
- Rozhak T. (1969) *The Making of Counter Culture. Reflections on the Technocratic Society and its Youthful Opposition*. Berkeley: University of California Press. 303 p.
- Vattimo G. (1988) *The End of Modernity: Nihilism and Hermeneutics in Post-Modern Culture*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 190 p.
- Whyte W.H. (2002) *The Organization Man*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 429 p.

Информация об авторе

Авдеенко Евгения Викторовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет». Адрес: 394006, Российская Федерация, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84. E-mail: jjaane@yandex.ru

About the author

Evgeniia V. Avdeenko, Candidate of Sciences (Philosophy), Assistant professor of Philosophy, Sociology and History Department, Voronezh State Technical University. Address: 394006, 84, 20-letiya Oktyabrya str., Voronezh, Russia. E-mail: jjaane@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию/ Received: 05.05.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 16.07.2024

Статья принята к публикации/ Accepted: 03.08.2024

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ POLITICAL AND LEGAL STUDIES

Оригинальная статья / Original article

Влияние методов правового регулирования на конституционализацию политических партий в Российской Федерации

© А.В. КУРОЧКИН

Курочкин Анатолий Васильевич, Набережночелнинский институт Казанского федерального университета (Набережные Челны, Россия), kurochkin.tolik@bk.ru. ORCID: 0000-0001-9006-1111

В исследовании поставлена цель спроецировать теорию конституционализации на правовое регулирование партийных правоотношений. Основополагающее значение получили формально-логический и системный методы, которые позволили проанализировать российское законодательство о политических партиях. Оценка влияния методов права на комплексные правовые институты осуществлена в рамках институциональной теории. Благодаря выявленным теоретическим и правовым особенностям удалось установить зависимость конституционализации объекта партийных правоотношений от методов правового регулирования. Показано, что в случае преобладания императивного подхода объектом государственного вмешательства в партийную деятельность становится широкий круг правоотношений и разнообразные дефекты права. Смешанный метод правового регулирования позволяет достичь фрагментарного государственного участия в конструировании партийных отношений, что усиливает комплексность правового института политических партий.

Ключевые слова: политические партии, партийное право, законодательство, конституционное право, институты, конституционализация, методы правового регулирования

Цитирование: Курочкин А.В. (2024) Влияние методов правового регулирования на конституционализацию политических партий в Российской Федерации // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 104–113. DOI: 10.31857/S0869049924040083, EDN: ZGSQUP

The Influence of Legal Regulation Methods on the Constitutionalization of Political Parties in the Russian Federation

© A. KUROCHKIN

Anatoly Kurochkin, Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University (Naberezhnye Chelny, Russia), kurochkin.tolik@bk.ru, ORCID: 0000-0001-9006-1111

Abstract. The study aims to project the theory of constitutionalization onto the methods of legal regulation of party legal relations. Formal-logical and systemic approaches have acquired fundamental importance, which allow to analyze the impact of legislation in Russia on political parties. The impact of legal methods on complex legal institutions is assessed within the framework of institutional theory. Thanks to the identified theoretical and legal features, it was possible to establish the dependence of the constitutionalization of the object of party legal relations on the methods of legal regulation. It is shown that in the case of prevalence of the imperative approach, a wide range of legal relations and various defects of law become the object of state intervention in party activities. The mixed method of legal regulation allows achieving fragmented state participation in the construction of party relations, which enhances the complexity of the legal institution of political parties.

Keywords: political parties, party law, legislation, constitutional law, institutions, constitutionalization, methods of legal regulation

Citation: Kurochkin A.V. (2024) The Influence of Legal Regulation Methods on the Constitutionalization of Political Parties in the Russian Federation. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 104–113. DOI: 10.31857/S0869049924040083, EDN: ZGSQUP (In Russ.)

Концепт «конституционализация» применительно к отдельным видам правоотношений означает придание им определенной конституционно-правовой формы [Кравец. 2003; Кабакова. 2013; Кузьмин 2014]. Тем самым конституционализация нередко выступает в качестве длительного процесса, направленного на развитие конституционно-правовых институтов. Такой подход соответствует сложившейся институциональной системе конституционного права [Постников 2011; Примова 2023].

Вместе с тем доминирование системного метода в исследовании конституционно-правовых категорий привело к строго формализованному пониманию конституционализации применительно к таким институтам, как политические партии [Маркова 2009; Кочетков 2014]. По нашему мнению, такой методологический подход не является единственно верным. В частности, с точки зрения конституционно-правовых процессов развитие партийных отношений происходит вне зависимости от их формального признания на законодательном уровне [Пресняков 2023; Пономарева 2020]; именно этим можно объяснить отсутствие в нормах Конституции РФ термина «партия», в то время как в ч. 3 ст. 13 использовано понятие «многопартийность».

В обозначенном теоретическом подходе конституционализация не сосредоточена вокруг нормативно-правовых форм, поскольку предшествует им и предопределяет их содержание [Капицын 2013]. Примечательно, что конституционно-правовая форма и конституционно-правовые ценности, к числу которых следует отнести многопартийность,

основаны непосредственно на партийных правоотношениях. Именно в них, а не только в законодательстве, должны быть воплощены конституционные принципы, ценности и гарантии [Бондарь 2006]. Следует отметить, что сущность конституционализации раскрывается в многоступенчатом, сложном процессе обретения партийными правоотношениями определенной конституционной реальности.

Соотношение методов правового регулирования и методов правовой формализации

Главным критерием оценки воплощения конституционного принципа многопартийности служат методы правового регулирования:

- 1) превалирование императивного метода сводит конституционализацию к формализации правоотношений посредством принятия соответствующего нормативно-правового акта, который содержит требования к порядку осуществления партийной деятельности;
- 2) преобладание диспозитивного метода предполагает не только вариативный механизм реализации нормативных предписаний, но и приоритет индивидуально-правового регулирования, основанного на нормах-принципах и развивающего правовые ценности;
- 3) смешанный метод регулирования означает, что правовые нормы, связанные с деятельностью политических партий, разнесены по разным отраслям российского права.

Сопоставив названные методы правового регулирования с процессом конституционализации политических партий, можно выделить две группы проблем. Во-первых, речь идет о формализации конституционно-правовых принципов, которая сдерживает развитие законодательства и трансформирует его в инструмент господствующей политической воли, что можно наглядно проследить по системному преобразованию российского партийного права (частые изменения требований к государственной регистрации политических партий, к порядку осуществления их субъективных прав и обязанностей, в том числе юридической ответственности партийных организаций). Во-вторых, целевой характер конституционализации партийных правоотношений выводит большинство норм за рамки сложившейся системы российского права, что нивелирует традиционное отраслевое его деление и обосновывает усиление комплексных конституционно-правовых институтов.

Таким образом, конституционализацию нельзя свести лишь к реализации конституционно-правовых принципов и ценностей, поскольку в содержательном отношении они носят оценочный (прежде всего для правоприменителя) характер. Такие элементы правоотношений, как их объект и субъект, могут указывать на вектор конституционной реальности для обособленных правовых норм, в число которых входят нормы партийного законодательства.

Вместе с тем конституционализация политических партий как основных участников избирательного процесса и парламентской деятельности в Российской Федерации происходит посредством оформления их возможностей воздействовать на власть и общество, придания субъективным правам и обязанностям партийных организаций определенной формы, что выводит содержание конституционализации из соответствующих правовых норм на фоне их развития в заданном временном диапазоне. Подобным образом, в частности, происходит обоснование системных изменений в партийном и избирательном законодательстве Российской Федерации.

Зависимость партийных отношений от методов правового регулирования в юридической литературе трактуют как определяющий фактор [Гуторова 2020; Мамедова 2017]. В публично-правовых науках подчеркивают возможный или должный характер тех пове-

денческих норм, которые присущи партийным организациям – коллективному субъекту конституционных правоотношений [Васильев 2022; Головинов 2016]. Однако формализацию данных отношений с участием политических партий активно критикуют за вмешательство государства в деятельность партий посредством правовой политики, на которую оказывают влияние участники публичной политики [Дорошко 2015; Попова 2014]. Наиболее отчетливо это прослеживается в конструировании и развитии политической системы вследствие борьбы политических сил [Шамсиева 2014].

Таким образом, формальное выражение конституционализации партийных правоотношений в демократических системах выступает следствием воплощения особых правотворческих механизмов, поскольку политические партии участвуют в разработке и развитии партийного законодательства [Резников 2003; Мусаева, Махачев 2011]. Собственно, зависимость конституционализации от правовой политики государства слабо исследована в российской юридической науке. Соотношение партийного права и правовой политики нередко сводят к соизмерению методов, при помощи которых происходит правовое регулирование партийных отношений [Долгих 2019]. В наиболее конкретизированном виде это позволяет оценить преобладание определенных законодательных технологий [Зимина 2021].

Межотраслевой характер правового регулирования партийных отношений

На наш взгляд, трудно признать правомерность рассмотренного теоретического подхода, поскольку методы правового регулирования не имеют строгой конституционно-правовой принадлежности, они различны в вариативном ряде сложившихся отраслей российского права. Даже в отраслевых рамках непросто выявить особенности тех или иных подходов, характерных для отдельных отраслей права (например, частноправовые и публично-правовые методы). Наглядно данный тезис можно проследить в правовом институте политических партий, в котором задействованы методы различных отраслей права, то есть речь идет о комплексном правовом регулировании. Законодательство о политических партиях затрагивает лишь внешнюю сторону деятельности партийных организаций, в то время как большая часть внутрипартийных правоотношений остается объектом регулирования самой политической партии в соответствии с конституционно-правовыми гарантиями невмешательства государства во внутрипартийные дела.

В этой связи компонентом конституционализации выступают не сами методы правового регулирования, а правовая природа политических партий, которая характеризует и механизм применения принципов партийных правоотношений, и средства правового воздействия на них. В обобщенном виде решение названных задач предопределяет доминирование тех или иных методов правового регулирования [Байтин, Петров 2006]. В конституционно-правовой плоскости регулирование партийных отношений происходит посредством смешанного метода, в котором определяющее значение имеют диспозитивные начала, что отражено в общедозволительном типе правового регулирования [Сорокина 2011]. Однако государство, будучи основным участником конституционно-правовых отношений, устанавливает пределы партийных прав и свобод, определяя специальный порядок партийной деятельности (например, при участии в парламентских или президентских выборах).

Примечательно, что данный механизм заложен в действующем российском законодательстве о политических партиях. Регулирующее воздействие по смыслу ст. 2 Федераль-

ного закона № 95-ФЗ «О политических партиях»¹ имеет детализация предмета субъективного конституционного права граждан на объединение в политические партии, равно как в ст. 9 сформулированы ограничения партийной деятельности. Непосредственно порядок осуществления прав и свобод, связанных с политическими партиями, определен в ст. 11, 15, 23 и др.

Вместе с тем большинство норм, сформулированных в Федеральном законе № 95-ФЗ, регулирует организационно-административные условия создания политических партий, ведения партийной деятельности и ликвидации партий, что связано с разрешительным типом правового регулирования, характерного для административного права [Валяев 2009; Демин 2004]. Поэтому некоторые исследователи акцентируют внимание на доминировании императивного подхода применительно к политическим партиям, поскольку он призван урегулировать отношения между партиями и органами государственной власти [Шшипаренок 2012; Николаев 2006]. Эта особенность дает о себе знать и в распределении норм о партийной деятельности по нормативно-правовым актам разной отраслевой принадлежности (речь идет о финансировании партий, специфике их юридической ответственности, порядке осуществления хозяйственной деятельности и т.п.). Так, разрешительный тип правового регулирования характеризует действующее избирательное законодательство Российской Федерации, которое регламентирует порядок участия политических партий в выборах разного уровня.

Таким образом, правовая природа партий не предопределяет баланс методов регулирования, но диктует меньшее использование частноправовых инструментов, чем в случае других общественных объединений, являющихся юридическими лицами. Отсутствие специфического подхода, присущего только публично-правовым отраслям, позволяет брать за основу регулирования не сами правовые нормы о политических партиях, а его цели применительно к партийным правоотношениям. Объект конституционализации партийных отношений получает отражение в двух направлениях юридикации: во-первых, в осуществлении гражданами конституционного права на политическое объединение, что не зависит от преобладания определенного метода регулирования; во-вторых, в упорядочении партийной деятельности для участия в значимых для государства и общества политических процессах (избирательном, парламентском).

* * *

Методы правового регулирования партийных правоотношений указывают не на их отраслевую принадлежность, а на особенности объекта правового воздействия. В частности, они сформулированы в преамбуле Федерального закона № 95-ФЗ: политическое многообразие; многопартийность; партийное равенство; гарантированное соблюдение прав и законных интересов политических партий. Эти методы содержательно близки к принципам, которые функционально очерчивают границы правового регулирования и соблюдение которых направлено на достижение его целей [Тирских, Черняк 2009]. Неслучайно в ст. 4 Федерального закона № 95-ФЗ определены источники правового регулирования отношений с участием политических партий, а согласно главе X предмет регулирования данного закона носит исключительный характер. Последнее означает, что другие законы, затрагивающие партийные правоотношения, могут быть применены лишь subsidiarily,

¹ Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О политических партиях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 29. Ст. 2950; 2023. № 31 (ч. III). Ст. 5786.

если иное не предусмотрено нормами Федерального закона № 95-ФЗ. Аналогичный подход используют российские суды².

Выделенные теоретические и правовые особенности объекта партийных правоотношений с точки зрения их конституционализации и формализации позволяют сделать вывод о зависимости данных процессов от методов правового регулирования. В случае преобладания императивного метода объектом правового воздействия становится широкий круг правоотношений, чего невозможно достичь без государственного вмешательства в партийную деятельность. Нередко данный вектор конституционализации сопровождается доминированием дефектов права (например, преимущество формы над содержанием). Напротив, смешанное правовое регулирование приводит к фрагментарности государственного участия в конструировании партийных отношений и усиливает комплексный характер данного правового института.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Байтин М.И., Петров Д.Е. (2006) Метод регулирования в системе права: виды и структура // Журнал российского права. № 2 (110). С. 84–95.

Bajtin M.I., Petrov D.E. (2006) Metod regulirovaniya v sisteme prava: vidy i struktura [Method of regulation in the legal system: types and structure]. *Zhurnal rossijskogo prava*, no. 2 (110), pp. 84–95. (In Russ.)

Бондарь Н.С. (2006) Конституционализация социально-экономического развития российской государственности (в контексте решений Конституционного Суда РФ) / Н.С. Бондарь. Москва: Викор-Медиа. 223 с.

Bondar' N.S. (2006) *Konstitucionalizaciya social'no-ekonomicheskogo razvitiya rossijskoj gosudarstvennosti (v kontekste reshenij Konstitucionnogo Suda RF)* [Constitutionalization of the socio-economic development of Russian statehood (in the context of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation)]. N.S. Bondar. Moscow: Viktor-Media, 223 p. (In Russ.)

Валяев Ю.К. (2009) Метод разрешения в административном праве. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва. 187 с.

Valyaev Yu.K. (2009) *Metod razresheniya v administrativnom prave*. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk [Resolution method in administrative law. Dissertation for the degree of candidate of legal sciences]. Moscow, 187 p. (In Russ.)

Васильев С.А. (2022) Соотношение субъектов конституционного права как основа реализации их прав и обязанностей // Вестник Российской правовой академии. № 4. С. 27–35.

Vasil'ev S.A. (2022) Sootnoshenie sub'ektov konstitucionnogo prava kak osnova realizacii ih prav i obyazannostej [Correlation of subjects of constitutional law as the basis for the implementation of their rights and obligations]. *Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii*, no. 4, pp. 27–35. (In Russ.)

Головинов А.В. (2016) Особенности реализации конституционного принципа идеологического многообразия в законодательстве о политических партиях // Известия Алтайского государственного университета. № 3 (91). С. 43–46.

² См., например: Апелляционное определение Московского городского суда от 10.07.2014 по делу № 33-27725 «В удовлетворении требования отказано, поскольку наименование политической партии не соответствует требованиям законодательства РФ»; Кассационное определение Костромского областного суда от 05.10.2011 № 33-1492 «В удовлетворении исковых требований о регистрации обращений и предоставлении ответов отказано правомерно, поскольку действующим законодательством на политические партии не возложена обязанность регистрации обращений граждан и направления на них ответов».

Golovin A.V. (2016) Osobennosti realizacii konstitucionnogo principa ideologicheskogo mnogoobraziya v zakonodatel'stve o politicheskikh partiyaх [Features of the implementation of the constitutional principle of ideological diversity in the legislation on political parties]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (91), pp. 43–46. (In Russ.)

Гуторова А.Н. (2020) Сравнительно-правовой анализ конституционного регулирования основ статуса политических партий в странах постсоциалистического конституционализма // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. Т. 10. № 5. С. 37–44.

Gutorova A.N. (2020) Sravnitel'no-pravovoj analiz konstitucionnogo regulirovaniya osnov statusa politicheskikh partij v stranah postsocialisticheskogo konstitucionalizma [Comparative legal analysis of constitutional regulation of the fundamentals of the status of political parties in countries of post-socialist constitutionalism]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*, vol. 10, no. 5, pp. 37–44. (In Russ.)

Демин А.А. (2004) Метод правового регулирования как критерий ограничения административного права от других отраслей российского права, включая конституционное // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. № 2. С. 21–33.

Demin A.A. (2004) Metod pravovogo regulirovaniya kak kriterij otgranicheniya administrativnogo prava ot drugih otraslej rossijskogo prava, vklyuchaya konstitucionnoe [The method of legal regulation as a criterion for delimiting administrative law from other branches of Russian law, including constitutional]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki*, no. 2, pp. 21–33. (In Russ.)

Долгих Ф.И. (2019) Конституционная регламентация деятельности политических партий в свете глобальных тенденций конституционно-правового развития // Сравнительное конституционное обозрение. № 4 (131). С. 102–115.

Dolgih F.I. (2019) Konstitucionnaya reglamentaciya deyatel'nosti politicheskikh partij v svete global'nyh tendencij konstitucionno-pravovogo razvitiya [Constitutional regulation of the activities of political parties in the light of global trends in constitutional and legal development]. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie*, no. 4 (131), pp. 102–115. (In Russ.)

Дорошко М.П. (2015) Роль институтов гражданского общества в формировании правовой политики современной России // Современное право. № 2. С. 24–29.

Doroshko M.P. (2015) Rol' institutov grazhdanskogo obshchestva v formirovanii pravovoj politiki sovremennoj Rossii [The role of civil society institutions in the formation of legal policy in modern Russia]. *Sovremennoe pravo*, no. 2, pp. 24–29. (In Russ.)

Зими́на Н.В. (2021) Нормативное регулирование деятельности политических партий современной России // Вестник Забайкальского государственного университета. Т. 27. № 4. С. 84–88.

Zimina N.V. (2021) Normativnoe regulirovanie deyatel'nosti politicheskikh partij sovremennoj Rossii [Regulatory regulation of the activities of political parties in modern Russia]. *Vestnik Zabajkalskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 27, no. 4, pp. 84–88. (In Russ.)

Кабакова О.В. (2013) Конституционные ценности и конституционализация всех сфер жизни личности, общества и государства в современных условиях // В сб.: Российский конституционализм: история, теория, практика. Сборник научных статей по материалам межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации. С. 152–160.

Kabakova O.V. (2013) Konstitucionnye cennosti i konstitucionalizaciya vseh sfer zhizni lichnosti, obshchestva i gosudarstva v sovremennyh usloviyah [Constitutional values and constitutionalization of all spheres of life of the individual, society and state in modern conditions]. In: *Rossijskij konstitucionalizm: istoriya, teoriya, praktika. Sbornik nauchnyh statej po materialam mezhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj 20-letiyu Konstitucii Rossijskoj Federacii*, pp. 152–160. (In Russ.)

Капицын В.М. (2013) Символьная конституционализация национальных интересов // Информационные войны. № 1 (25). С. 47–54.

Kapitsyn V.M. (2013) Simvol'naya konstitucionalizatsiya nacional'nyh interesov [Symbolic constitutionalization of national interests]. *Informacionnye vojny*, no. 1 (25), pp. 47–54. (In Russ.)

Кочетков В.В. (2014) М.Я. Острогорский о роли партий в демократическом государстве: к вопросу о конституционализации институтов // Политика и общество. № 7 (115). С. 804–814.

Kochetkov V.V. (2014) M.Y. Ostrogorskiy o roli partij v demokraticheskom gosudarstve: k voprosu o konstitucionalizatsii institutov [M.Ya. Ostrogorsky on the role of parties in a democratic state: on the issue of constitutionalization of institutions]. *Politika i obshchestvo*, no. 7 (115), pp. 804–814. (In Russ.)

Кравец И.А. (2003) Понятие и способы конституционализации правового порядка // Российский юридический журнал. № 4 (40). С. 9–18.

Kravec I.A. (2003) Ponyatie i sposoby konstitucionalizatsii pravovogo poryadka [The concept and methods of constitutionalization of the legal order]. *Rossijskiy yuridicheskij zhurnal*, no. 4 (40), pp. 9–18. (In Russ.)

Кузьмин А.Г. (2014) Конституционализм, конституционализация, конституционная законность: к вопросу о соотношении категорий // Российский судья. № 9. С. 14–20.

Kuz'min A.G. (2014) Konstitucionalizm, konstitucionalizatsiya, konstitucionnaya zakonnost': k voprosu o sootnoshenii kategorij [Constitutionalism, constitutionalization, constitutional legality: on the issue of the relationship between categories]. *Rossijskiy sud'ya*, no. 9, pp. 14–20. (In Russ.)

Мамедова В.Э. (2017) Принципы правового и корпоративного регулирования деятельности политических партий в России // Политика и общество. № 2. С. 41–50.

Mamedova V.E. (2017) Principy pravovogo i korporativnogo regulirovaniya deyatel'nosti politicheskikh partij v Rossii [Principles of legal and corporate regulation of the activities of political parties in Russia]. *Politika i obshchestvo*, no. 2, pp. 41–50. (In Russ.)

Маркова Е.Н. (2009) Конституционализация политических партий в государствах Восточной Европы // Конституционное и муниципальное право. № 15. С. 35–40.

Markova E.N. (2009) Konstitucionalizatsiya politicheskikh partij v gosudarstvakh Vostochnoj Evropy [Constitutionalization of political parties in the states of Eastern Europe]. *Konstitucionnoe i munitsipal'noe pravo*, no. 15, pp. 35–40. (In Russ.)

Мусаева Р.М., Махачев Д.Г. (2011) К вопросу о роли политических партий в формировании законодательной власти Российской Федерации // Юридический вестник ДГУ. № 2. С. 15–17.

Musaeva R.M., Mahachev D.G. (2011) K voprosu o roli politicheskikh partij v formirovanii zakonodatel'noj vlasti Rossijskoj Federacii [On the issue of the role of political parties in the formation of the legislative power of the Russian Federation]. *Yuridicheskij vestnik DGU*, no. 2, pp. 15–17. (In Russ.)

Николаев А.С. (2006) Принципы и формы взаимодействия органов государственной власти и политических партий // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. № 6. С. 45–49.

Nikolaev A.S. (2006) Principy i formy vzaimodejstviya organov gosudarstvennoj vlasti i politicheskikh partij [Principles and forms of interaction between government bodies and political parties]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya*, no. 6, pp. 45–49. (In Russ.)

Пономарева М.А. (2020) К вопросу о содержании правового концепта «конституционализация» // Право и государство: теория и практика. № 7 (187). С. 60–61.

Ponomareva M.A. (2020) K voprosu o soderzhanii pravovogo koncepta «konstitucionalizatsiya» [On the issue of the content of the legal concept «constitutionalization»]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, no. 7 (187), pp. 60–61. (In Russ.)

Попова А.В. (2014) Гражданское общество и лоббизм как институты государственно-правового развития России // Юридическая мысль. № 6 (86). С. 34–38.

Popova A.V. (2014) Grazhdanskoe obshchestvo i lobbizm kak instituty gosudarstvenno-pravovogo razvitiya Rossii [Civil society and lobbying as institutions of state and legal development of Russia]. *Yuridicheskaya mysl'*, no. 6 (86), pp. 34–38. (In Russ.)

Постников А.Е. (2011) Тенденции развития институтов конституционного права // Журнал российского права. № 10 (178). С. 27–34.

Postnikov A.E. (2011) Tendencii razvitiya institutov konstitucionnogo prava [Trends in the development of institutions of constitutional law]. *Zhurnal rossijskogo prava*, no. 10 (178), pp. 27–34. (In Russ.)

Пресняков М.В. (2023) Конституционализация правопорядка vs конституционный позитивизм в современной России // Конституционное и муниципальное право. № 8. С. 2–8.

Presnyakov M.V. (2023) Konstitucionalizaciya pravoporyadka vs konstitucionnyj pozitivizm v sovremennoj Rossii [Constitutionalization of the rule of law vs constitutional positivism in modern Russia]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, no. 8, pp. 2–8. (In Russ.)

Примова Э.Н. (2023) Конституционализация правового пространства России: от исторического опыта к современным реалиям // Образование и право. № 2. С. 56–59.

Primova E.N. (2023) Konstitucionalizaciya pravovogo prostranstva Rossii: ot istoricheskogo opyta k sovremennym realiyam [Constitutionalization of the legal space of Russia: from historical experience to modern realities]. *Obrazovanie i pravo*, no. 2, pp. 56–59. (In Russ.)

Резников Е.В. (2003) Правовое положение политических партий и их правовая институционализация в России // В сб.: Право. Законность. Демократия. Сборник научных трудов / Под ред. И.В. Ростовщикова. Волгоград. С. 181–188.

Reznikov E.V. (2003) Pravovoe polozhenie politicheskikh partij i ih pravovaya institucionalizaciya v Rossii [Legal status of political parties and their legal institutionalization in Russia]. In: *Pravo. Zakonnost'. Demokratiya. Sbornik nauchnyh trudov*. Ed. I.V. Rostovshchikov. Volgograd, pp. 181–188. (In Russ.)

Сорокина Ю.В. (2011) Метод правового регулирования как проявление сущностных свойств права // Вопросы российского и международного права. № 1. С. 6–30.

Sorokina Yu.V. (2011) Metod pravovogo regulirovaniya kak proyavlenie sushchnostnyh svoystv prava [The method of legal regulation as a manifestation of the essential properties of law]. *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava*, no. 1, pp. 6–30. (In Russ.)

Тирских М.Г., Черняк Л.Ю. (2009) Место принципов права в системе российского права // Академический юридический журнал. № 2 (36). С. 4–10.

Tirskih M.G., Chernyak L.Yu. (2009) Mesto principov prava v sisteme rossijskogo prava [The place of principles of law in the system of Russian law]. *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal*, no. 2 (36), pp. 4–10. (In Russ.)

Шамсиева С.С. (2014) Институты гражданского общества и их роль в реализации правовой политики России // Современный юрист. Т. 1. С. 35–40.

Shamsieva S.S. (2014) Instituty grazhdanskogo obshchestva i ih rol' v realizacii pravovoj politiki Rossii [Institutions of civil society and their role in the implementation of legal policy in Russia]. *Sovremennyj yurist*, vol. 1, pp. 35–40. (In Russ.)

Шишпаренко О.Н. (2012) Правовое регулирование взаимодействия государственных органов субъектов Российской Федерации с политическими партиями // Вестник Института законодательства и правовой информации им. М.М. Сперанского. № 2 (17). С. 3–21.

Shishparyonok O.N. (2012) Pravovoe regulirovanie vzaimodejstviya gosudarstvennyh organov sub'ektov Rossijskoj Federacii s politicheskimi partijami [Legal regulation of interaction between state bodies of the constituent entities of the Russian Federation and political parties]. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii im. M.M. Speranskogo*, no. 2 (17), pp. 3–21. (In Russ.)

Информация об авторе

Курочкин Анатолий Васильевич, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры конституционного, административного и международного права Набережночелнинского института Казанского федерального университета. Адрес: 423812, Россия, Набережные Челны, пр. Мира 68/19. E-mail: kurochkin.tolik@bk.ru

About the author

Anatoly V. Kurochkin, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Professor of the Department of Constitutional, Administrative and International Law, Naberezhnye Chelny Institute, Kazan Federal University. Address: 423812, 68/19 Mira prosp., Naberezhnye Chelny, Tatarstan, Russia. E-mail: kurochkin.tolik@bk.ru

Статья поступила в редакцию/ Received: 29.01.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 20.07.2024

Статья принята к публикации/ Accepted: 01.08.2024

ТОЧКА ЗРЕНИЯ POINT OF VIEW

Оригинальная статья / Original article

Проблема «сжатия» российского освоенного пространства и пути ее решения¹

© А.Г. ДРУЖИНИН, О.В. КУЗНЕЦОВА

Дружинин Александр Георгиевич, Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия), Институт географии РАН (Москва, Россия), alexdru9@mail.ru. ORCID: 0000-0002-1642-6335

Кузнецова Ольга Владимировна, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия), kouznetsova_olga@mail.ru. ORCID: 0000-0003-4341-0934

Постсоветские социально-экономические трансформации в сочетании с трендами депопуляции вывели на авансцену национальной повестки проблему «сжатия» (селитебного и хозяйственного) освоенного российского пространства. В условиях перехода к новому миропорядку этот вопрос требует системного осмысления и учета, в том числе в рамках федерального стратегирования пространственного развития. Представлен анализ ретроспективы, идентифицированы присущие современной России основные факторы, тенденции и ареалы «сжатия» освоенного пространства. Продемонстрированы возможности и обоснованы конкретные направления купирования данного процесса, минимизации его негатива. Показано, что социально-экономическое «опустынивание» обширных периферийных территорий сопряжено с хозяйственно-технологическими, демографическими и социокультурными изменениями. Осмыслен, в том числе критически, советский опыт реконструкции сети сельских населенных пунктов в Нечерноземье, обсуждены его уроки применительно к современным реалиям. Сформулированы предложения по учету феномена «сжатия» освоенного пространства в новой Стратегии пространственного развития России. В частности, предложено сместить мониторинговые и регулятивные акценты на муниципальный уровень.

¹ Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00180 «Поливариантность детерминант и трендов экономической динамики муниципальных образований России: концептуализация, идентификация и типологизация в интересах государственного регулирования пространственного развития») в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Funding. The research is done under the grant of the Russian Science Foundation (project No. 23-18-00180 “Multivariety of determinants and trends of economic dynamics of Russian municipalities: conceptualization, identification and typologization in the interests of state regulation of spatial development”) at the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences.

Ключевые слова: сжатие освоенного пространства, депопуляция, урбанизация, экономика, муниципальные образования, пространственное развитие, федеральное регулирование, Россия

Цитирование: Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. (2024) Проблема «сжатия» российского освоенного пространства и пути ее решения // *Общественные науки и современность*. №4. С. 114–127. DOI: 10.31857/S0869049924040094, EDN: ZGSJDO

The Problem of Shrinkage of the Active Space in Russia and the Possibilities of its Solution

© A. DRUZHININ, O. KUZNETSOVA

Alexander G. Druzhinin, North Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems of the Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), alexdru9@mail.ru. ORCID: 0000-0002-1642-6335

Olga V. Kuznetsova, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), kouznetsova_olga@mail.ru. ORCID: 0000-0003-4341-0934

Abstract. Post-Soviet socio-economic transformations combined with prevailing depopulation trends have brought the problem of shrinkage (residential and economic) of the active Russian space to the forefront of the national agenda. Now, in the context of the transition to a new world order, this problem requires systematic reflection and consideration, including within the framework of federal spatial development strategy. The history of said phenomena is analyzed. The main factors, as well as trends and areas of shrinkage of the active space in Russia are identified. Specific directions for curbing this trend and minimizing its negativity are shown and justified. The stable correlation between socio-economic “desertification” of vast peripheral territories and economic, technological and socio-cultural changes is demonstrated. The Soviet experience (in relation to the Non-Chernozem region) of the reconstruction of the network of rural settlements is comprehended (including critically), its lessons are discussed in relation to modern realities. It is proposed to take into account the phenomenon of shrinkage of the active space in the new Spatial Development Strategy of Russia, including shifting monitoring and regulatory accents to the municipal level.

Keywords: shrinkage of the active space, depopulation, urbanization, economy, municipalities, spatial development, federal regulation, Russia

Citation: Druzhinin A.G., Kuznetsova O.V. (2024) The Problem of Shrinkage of the Active Space in Russia and the Possibilities of its Solution. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 114–127. DOI: 10.31857/S0869049924040094, EDN: ZGSJDO (In Russ.)

Для современной России все более значимой и актуальной становится тематика пространственного развития (фундаментальная, по самой сути своей – обществоведческая, междисциплинарная). Весомым подтверждением тому служит активная, зачастую критическая дискуссия, которая развернулась в экспертном сообществе в связи с разработкой Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года (СПР). Документ вступил в действие в 2019 г.² и уже в 2021–2022 гг. подвергся множественной коррек-

² Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 N 207-р (ред. от 30.09.2022) Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (с изменениями и дополнениями). Гарант. (<https://base.garant.ru/72174066/>).

ции. Бурно обсуждается новый аналогичный документ на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г., который сейчас находится в разработке³.

Полноформатное, адекватное современным условиям обновление СПР неизбежно окажется сопряжено с углубленным интересом к тенденции, обозначаемой в научной литературе как социально-экономическое «опустынивание» территорий [*Лексин* 2021]. Это явление, которое в расширительной содержательной тональности также обозначают как «сжатие освоенного пространства», повсеместно проявляется в постсоветской пространственной динамике российского общества [*Ливоваров* 1997; *Трейвиш* 2010].

Термин «сжатие» имеет разные трактовки, о чем будет сказано ниже. В данной статье под «сжатием» освоенного пространства имеется в виду, прежде всего, устойчивая долговременная тенденция сокращения степени населенности и хозяйственной активности той или иной территории, которая несет негативные риски для общества. Эта проблема полимасштабна, но наиболее остро она проявляется в сельской местности, где «сжатие» доходит до полного исчезновения населенных пунктов. Этот процесс привлекает особенное внимание в силу того, что дальнейшее сокращение сельского населения может ухудшить условия для развития сельского хозяйства, которое играет решающую роль в продовольственной безопасности и экспорте страны. Поэтому данная работа концентрируется именно на «сжатии» сельского пространства, а также на мерах по преодолению этого негативного процесса как в селах, так и в малых городах.

Цель статьи – раскрыть основные проявления и причины «сжатия» освоенного пространства в России, показать возможности и обосновать стратегические направления его купирования, минимизации негатива.

«Сжатие» освоенного пространства в современной России: факторы, тенденции, ареалы

Российское пространство (11,5% от мировой суши и 32% от площади Евразии) отличается не только уникальной обширностью, сохраняющаяся даже после распада СССР, но и чрезвычайно слабая освоенность как в селитебном, так и в хозяйственном отношении. Российская Федерация, территориальная организация которой представляет «архипелаг редких центров в океане периферии» [*Трейвиш* 2009, 348], более чем в 6 раз уступает среднемировому показателю по плотности населения – еще в 1990 г. разрыв был лишь четырехкратным. Государство также в 3,4 раза отстает от среднего показателя по плотности экономической активности (согласно данным Всемирного банка о ВВП по ППС за 2022 г.)⁴. Характерно также, что в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах степень демографической «наполненности» пространства еще ниже: она уступает среднемировой в 14 и 45 раз соответственно. Одновременно в России доля пространств «дикой природы» составляет 59,8% [*Бочарников* 2016], а на 2/3 ее территории [*Лола* 2005] отсутствует постоянное население. Данный прореженный и асимметричный социально-экономический конструкт столетиями формировался в рамках парадигмы расширения и, соот-

³ Михаил Мишустин дал поручения по итогам стратегической сессии о стратегии пространственного развития России. Правительство РФ. 23 мая 2024 г. (<http://government.ru/news/51655/>).

⁴ World Bank Open Data (<https://data.worldbank.org>). Именно низкая плотность населения выступает одной из объективных предпосылок для процессов «сжатия» освоенного пространства, поскольку чем ниже плотность населения, тем выше необходимые (в расчете на душу населения) затраты на создание и поддержание дорог, линий электропередач, на доставку товаров до потребителей. Когда у государства отсутствуют достаточные средства на инфраструктуру, население мигрирует в более густо заселенные и потому более комфортные для жизни районы, что еще больше ограничивает возможности ведения бизнеса на периферийных территориях.

ветственно, «освоения» российского пространства. В подобном политико-хозяйственном и культурно-ценностном контексте (исторически обусловленном и географически мотивированном) любого рода проявления «опустынивания» территорий («депопуляция», «вымирание деревень» [Лексин 2021], «ненаселенность» [Королёв 2022] и т.п.) знаменуют безусловный нисходящий тренд. Они представляют собой общенациональный вызов, проблемную ситуацию.

«Обезлюдивание» обширных территорий в различных формах имело место и в прошлом. Так, значительное количество поселений пришло в запустение в эпоху опричнины и Смутного времени [Дегтярёв 1980]. Существенные демографические (от четверти до половины населения) и хозяйственные потери понесли западные регионы РСФСР в период Великой Отечественной войны [Города... 2021]. Однако именно со второй половины XX в., когда страна достигла фактического пика своего геополитического влияния [Суций, Дружинин 1994], а импульс к расширению освоенного пространства начал затухать [Нефедова 2010], феномен «сжатия» не только начал проявляться, но и под воздействием совокупности факторов обрел значительный масштаб.

В соответствии с преобладающими в XX в. трендами индустриализации и урбанизации, сперва возрастающая и территориально расползающаяся деструкция стала проявляться в сельской местности. До 1917 г. 75% населения России было занято в сельском и лесном хозяйстве; в 1940 г. – уже 54% [Ковалёв 2013]. Согласно данным Росстата, к 1995 г. этот показатель сократился до 14,7%, а к 2023 г. – до 6,1%. Повышение эффективности сельского хозяйства и рост производительности труда в этом секторе лишают сельских жителей привычных рабочих мест, а также сильно ограничивают возможности товарного сельского хозяйства за пределами территорий с наиболее благоприятными агроклиматическими условиями.

Испытывая нарастающие структурные изменения на фоне стремительно разрастающейся сети городов (а также связанных с ними видов экономической деятельности), сельское пространство уже с 1950-х гг. стало сжиматься «в отдельные ареалы (очаги), а между ними возникла социально-демографическая пустыня» [Нефедова 2010, 132]. Изначально эта тенденция начала проявляться в Нечерноземье, регионах Русского Севера. Только за 1979–2021 гг. количество сельских населенных пунктов сократилось со 177 047 до 127 373 (если не учитывать 1033 таковых в Крыму) – практически на треть. Соответственно, на протяжении этого периода Россия лишалась 1,2 тыс. сельских населенных пунктов за год в среднем. В то же время, если в Архангельской и Вологодской областях 29% сельских населенных пунктов учтены как «без населения» (данные переписи 2021 г.), то в Ростовской области таких было менее 3%.

Значимым импульсом «сжатия» стали распад СССР и постсоветские экономические трансформации, из-за которых резко возросла «перенаселенность» восточных и северных территорий страны не только в сельской местности, но и в целом. В результате произошел массовый отток ранее локализованного там населения и, соответственно, депопуляция. Так, за 1989–2023 гг. численность жителей в Мурманской области сократилось в 1,74 раза, в Архангельской – 1,63, в Магаданской – в 4 раза, на Камчатке – 1,75, Чукотке – в 3,3 раза.

Дополнительным фактором для «сжатия» освоенного пространства стала депопуляция, которая в постсоветский период охватила подавляющую часть регионов страны. Характерно, что под ее воздействием демографо-экономическую эрозию начала ощущать и сеть городов (табл. 1), многие из которых также лишились части хозяйственных функций в первые постсоветские годы (ведущий отечественный геоурбанист Г.М. Лаппо уподобил новую реальность «урбанистической трагедии» [Ланно 2019]).

Изменение численности населения России за 1960–2021 гг.*

The change in the population of Russia in 1960–2021*

Временные диапазоны	Изменение численности населения, раз			Изменение удельного веса горожан в населении, %
	Все население	Городское население	Сельское население	
1970/1960	1,16	1,51	0,76	с 53,5 до 62,1
1980/1970	1,06	1,19	0,85	с 62,1 до 69,6
1990/1980	1,07	1,13	0,93	с 69,6 до 73,6
2000/1990	0,99	0,98	1,02	с 73,6 до 73,1
2010/2000	0,97	0,98	0,96	с 73,1 до 73,6
2021/2010**	1,01	1,02	0,95	с 73,6 до 74,7

** Без учета Республики Крым и г. Севастополь

Источник: *Rosstat*.

Source: *Rosstat*.

Негатив в основном затронул численно превалирующие малые и средние города – в особенности периферийные, удаленные от ведущих городских агломераций территории (эта ситуация подробно проанализирована в [Карачурина, Мкртчян 2013]). В результате возникла угроза уже непосредственно для ключевых компонентов опорного каркаса расселения на субрегиональном, муниципальном уровне («вторые» и «третьи» города региона, центры муниципальных районов и др.), а также опять активизировалась сельская депопуляция (в силу снижения доступности всех связанных с городами услуг для сельских жителей). Симптоматично, что за последний межпереписной период (2010–2021 гг.) на карте России обозначилось еще более 5,3 тыс. сельских населенных пунктов, в которых нет постоянного населения. Всего таковых сейчас насчитывается 25 тыс. Еще в 52,6 тыс. сел (т.е. 41% от общего количества сельских населенных пунктов с каким-либо населением) постоянно живет не более 25 чел., т.е. в своей массе они также обречены на исчезновение в ближайшие годы.

Реальная перспектива дальнейшей депопуляции России⁵ в матрице сложившихся пространственных центрo-периферийных градиентов (с соответствующими перетоками населения) позволяет воспринимать «сжатие» освоенного пространства как устойчивую и долговременную тенденцию. Ее необходимо учитывать при формировании подходов в области пространственного развития. Весьма ценен в этой связи советский опыт, его позитивные и негативные аспекты, а также возможность его имплементации в условиях современной Российской Федерации.

⁵ Демографический прогноз. Федеральная служба государственной статистики. (<https://rosstat.gov.ru/folder/12781>).

Отечественный опыт противодействия «сжатию» освоенного пространства: подходы и уроки

Противостоять тенденции социально-экономического «опустынивания» той или иной территории возможно, лишь признав эту реальность, распознав ее причинность и выбирая те или иные адаптивные, компенсационные управленческие приоритеты и решения. В данном контексте интересно осмыслить советскую практику (и связанный с ней научный дискурс) в области реконструкции («управляемого сжатия») сельских территорий РСФСР (в частности Нечерноземья) в 1960–1980-х гг.

Проблематику «умирания» российских деревень начали обсуждать еще в начале 1950-х гг. [Алексеев 1988]. Спустя десять лет [Хорев 1988] начала формироваться идея укрупнения сети сельских населенных пунктов, которую в тот период воспринимали как «прогрессивную тенденцию» [Ковалёв 1962]. Их дифференцировали на «неперспективные», жителей которых предполагалось организованным образом переселить, и «перспективные», рассматриваемые в качестве будущих мест концентрации населения и бенефициаров господдержки⁶. Характерно, что подобный подход в целом себя не оправдал. Стабилизировать сельское население не удалось; поток мигрантов из сельских местностей (особенно «неперспективных») возрос, и лишь 2-3% от его объема организовано переселились в «перспективные» поселения [Хорев 1988, Смирнов и др. 2020].

Среди причин неэффективности (и практической безрезультатности) подобного рода политики ее современники [Хорев 1988] выделяли, прежде всего, явно недостаточную обоснованность разделения сельских населенных пунктов на «перспективные» и «неперспективные». К последним нередко относили вполне жизнеспособные поселения: например, большая часть «неперспективных» населенных пунктов Тверской области продолжает существовать и ныне [Смирнов и др. 2020]. Кроме того, административные ограничения для развития «неперспективных» сел зачастую вводили еще до завершения обустройства «перспективных» (что и приводило к миграции не в них, а в города); отсутствовали адекватные установки по развитию инфраструктуры и в целом комплексность подходов; недостаточно учитывался потенциал решения проблем сельской местности за счет увеличения транспортной связанности сельских поселений друг с другом и близлежащими к ним городами. Однако сейчас, на временной дистанции от тех событий, видятся и иные, более общие причины и уроки (со знаком «минус») селитебных и хозяйственных подходов, примененных в Нечерноземье.

В первую очередь следует указать на неизбежность, предопределенность эволюции территориально-хозяйственной и селитебной системы, акцент на которой уже делали [Лексин 2021]. Эту тенденцию сложно административно «переломить» или повернуть вспять – но к ней можно (и нужно) приспособливаться, а также учитывать ее в вопросах пространственного развития.

Также важно понимать, что селитебно-миграционный выбор индивида будет зачастую ориентирован не на ближайшие села и деревни, а преимущественно на города, в том числе дальние и крупные.

Третий важный аспект заключается в том, что крайне нежелательно произвольно ускорять любого рода переустройство территориальной организации общества. Необходим баланс между инерцией и новациями, а также разумной (но не чрезмерной) государственной активностью.

⁶ Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 20.03.1973 № 206 «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР».

Четвертое – в пространственном развитии следует учитывать фундаментальные хозяйственно-технологические и социокультурные изменения (повышение значимости городов, ценности городского образа жизни и др.). Нельзя уповать лишь на упрощенные экономические подходы и резоны. Последними, в частности, объясняли строительство в сельской местности многоквартирных домов [Ковалёв 1962], однако данная мера не способствовала закреплению в ней населения. Не предотвратил миграцию в урбанистические центры и практически достигнутый в 1980-е гг. паритет зарплат в городах и на аграрных предприятиях [Безруков 2006].

Наконец, ситуация в Нечерноземье позднесоветского периода также демонстрирует, что проблему сельских территорий нельзя решать в изоляции, вне увязки с системой городов, в том числе крупнейших. К оценке «перспективности» того или иного населенного пункта (не только сельского, но и городского) необходимо подходить предельно взвешенно: важно учитывать потенциал и эффекты сопряженности поселений, степень их взаимозависимости, позитивные стороны единства. В данном контексте среди ведущих отечественных экономико-географов в 1980-е гг. стало утверждаться понимание того, что необходимо выстраивать некую «единую» систему расселения, которая будет нацелена «на “равноправное”, координированное развитие всех типов поселений в рамках определенных локальных и региональных систем расселения» [Агафонов и др. 1982, 538]. В третьем десятилетии XXI в. данный подход оказывается все более созвучен с установками на межтерриториальную интеграцию [Бухвальд, Кольчугина 2019; Коломак и др. 2018; Лаженцев 2021], в связи с которыми в самом понятии «сжатие освоенного пространства» четче просматривается конструктивный посыл, а не только его изначальная содержательная двойственность. Так, еще Н.Н. Колосовский понимал пространственное «сжатие» как приближение [Колосовский 1932], снятие барьеров, сокращение времени и иных издержек доступности.

Возможности и пути воспрепятствования дальнейшему «сжатию» российского освоенного пространства

«Сжатие» российского освоенного пространства давно привлекает внимание исследователей, однако в силу сложности проблемы решения ее пока не обнаружены. Возможные варианты государственной политики в отношении «сжатия» пространства хорошо сформулировали российские исследователи Т.Г. Нефедова и А.И. Трейвиш [Нефедова, Трейвиш 2020]: 1) не делать ничего, так как оно не влечет за собой дополнительного вреда, но и улучшения ситуации в российских реалиях не будет; 2) ускорять «сжатие», что сохраняет средства за счет укрупнения населенных пунктов, но часто повышает проблемность теряющих население территорий; 3) тормозить «сжатие», что зачастую бывает довольно затратно; 4) искать и поддерживать любую возвратную волну, под которой авторы имеют в виду дачное освоение территорий. Исследователи считают два последних варианта наиболее привлекательными.

Как представляется, предложенные подходы необходимо развивать и дополнять. Дачное освоение представляет собой лишь один из вариантов возвратного освоения сельской местности, причем он свойственен по большей части жителям только крупнейших городов – Москвы и Санкт-Петербурга. В других городах, даже миллионниках, стремление жить в индивидуальном доме вполне можно осуществить в черте города или в ближних к нему пригородах, тогда как материально позволить себе два равноценных по качеству жилья – квартиру и дом – может гораздо меньшая доля населения.

Более того, правильнее говорить не о возвратных волнах, а об официальном признании того, что у многих граждан существует два и даже больше постоянных, более-менее рав-

ноценных мест проживания, что может привести к соответствующим институциональным решениям. Множественность мест проживания может возникать по самым разным причинам, дело не только в дачах. Массовым явлением (масштабы которого, впрочем, сложно оценить однозначно) стало отходничество и вахтовый метод работы, в рамках которых люди выезжают на заработки без ежедневного возвращения домой. Граждане без стационарного рабочего места (например, таксисты), которые работают дистанционно или в смешанном режиме, а также пенсионеры могут иметь недвижимость в разных регионах и перемещаться между ними. Эта особенность касается не только самых обеспеченных слоев населения: так, у детей или, наоборот, родителей может быть недвижимость в регионе, отличном от места официальной регистрации.

У такой многодомности могут быть самые разные причины. Одни стремятся жить в более комфортных условиях, чаще всего природных. Другие работают в разных регионах. Третьи – и таких, скорее всего, большинство – хотят найти более высокооплачиваемую работу (или даже просто работу) без возможности или желания сменить основное место жительства (из-за высокой стоимости жилья по месту работы, стремления жить в собственном доме, социальных связей в родном населенном пункте и др.).

Официальная статистика такую многодомность не учитывает даже в рамках переписей населения. Тем более ее не рассматривают при принятии решений о развитии инфраструктуры, социальных услугах, распределении средств между бюджетами территорий. В частности, можно указать на давно обсуждаемую проблему зачисления (хотя бы частичного) налога на доходы физических лиц по месту жительства, а не работы граждан, которая пока не нашла решения. На сегодняшний день весь НДФЛ как работающих дистанционно, так и отходников попадает в бюджеты тех населенных пунктов, где находится их место работы – т.е. преимущественно крупнейших городов. Сельские территории и малые города, в свою очередь, остаются без соответствующих доходов. Повышение бюджетной обеспеченности могло бы увеличить привлекательность небольших населенных пунктов для жизни, что помогло бы сократить отток населения и привлечь инвесторов.

Другой, не менее важный вопрос – можно ли, учтя недостатки советского опыта, практиковать «управляемое сжатие» на локальном уровне, чтобы сохранить освоенность сельской местности в целом. Важно принимать во внимание, что с развитием автопрома при условии наличия качественных дорог связность пространства повышается: сейчас преодолеть 90 км можно за то же время, что несколько десятилетий назад 60 км. Соответственно, сеть сельских населенных пунктов может быть более разреженной даже при сохранении общей площади освоенного пространства. Кроме того, надо учитывать и инновации в технологиях сельскохозяйственного производства [Аверкиева 2012], которые тоже вполне допускают концентрацию населения.

Основной вопрос в данном случае заключается в том, можно ли поддержкой переезда в крупные сельские населенные пункты из малых умирающих сохранить население в сельской местности, а не спровоцировать миграцию в крупные города. Ответ на него требует глубоких междисциплинарных исследований, поскольку он во многом затрагивает психологию людей.

Против такого подхода говорит уже существующий опыт. Вместе с тем, миграция в крупное село может оказаться привлекательнее переезда в город, если будет поддержана финансово. Например, можно выделять бесплатные земельные участки, выдавать льготную ипотеку, строить социальное жилье в формате индивидуальных домов. Одновременно граждане смогут сохранить свои социальные связи (не надо будет уезжать далеко) и привычный образ жизни. Так, одной из признанных ошибок советского опыта была поддержка переезда в многоквартирные дома, что сельские жители воспринимали

негативно из-за нарушения привычного для них сельского уклада жизни и утраты возможности иметь личное подсобное хозяйство. В наши дни технологии позволяют благоустроить частные дома не хуже многоквартирных.

В любом случае, инфраструктурные объекты неизбежно концентрируются в более крупных селах. Эта тенденция уже нашла отражение в распоряжении Правительства РФ о развитии опорных населенных пунктов⁷. Решение, по всей видимости, неизбежное, однако, как и в советское время, ключевой вопрос заключается в том, как их определять. В [Маркварт и др. 2022] продемонстрировано, что в регионах подошли к решению задачи формально, отнеся к данной категории преимущественно районные центры, не учитывая их доступность для жителей других сельских населенных пунктов.

Федеральные решения по опорным населенным пунктам также не принимают во внимание дифференциацию российских регионов по особенностям сложившейся системы расселения, трендам ее трансформации и объективным условиям дальнейшего развития. Даже если не рассматривать Арктическую зону РФ с ее очаговым характером заселения и малой долей сельского хозяйства, разница между северными, нечерноземными и южными регионами будет очень существенной (что было показано, например, в [Ускова, Патракова 2021]).

Вместе с тем однозначным базовым условием для позитивного «сжатия» пространства (повышение связности территорий) выступает развитие дорожного строительства. Развитию автодорог федерального значения в последние годы уделяется немало внимания, однако ситуация с региональными и местными магистралями заметно хуже. Несмотря на то, что значимость строительства качественных дорог до сельских населенных пунктов декларировали еще в 1980-е гг. [Хорев 1988], ситуация в целом остается неблагоприятной: по существующим оценкам, в России только 12% сельского населения обеспечены относительно благоприятной транспортной доступностью развитых центров (не более 2-х часов езды), а 40% сельского населения вообще лишены удобной доступности городов [Харитонов и др. 2023]. Понятно, что развитие дорожной сети требует немалых затрат, но без них обеспечить реальную освоенность российского пространства невозможно. Кроме того, научные исследования и государственная аналитика совершенно неправомерно обходят стороной вопрос автомобилизации сельского населения и создания условий для развития соответствующей инфраструктуры [Кузнецова 2022]. Статистические данные по регистрации автомобилей существуют и даже общедоступны, но их необходимо агрегировать в единую базу данных.

Развитие дорожного строительства и автомобилизация не только повысят доступность социальных услуг, но и увеличат масштабы маятниковой трудовой миграции, причем для жителей не только сельских населенных пунктов, но и малых городов. Для сельских жителей это особенно важно в связи с тем, что в условиях роста производительности труда в сельском хозяйстве нужно создавать возможности для альтернативной занятости. Приносящие доходы виды экономической деятельности могут развиваться и непосредственно в сельской местности (лесное и рыбное хозяйство, туризм, отдельные виды промышленного производства и др.), но скорее можно рассчитывать именно на маятниковую миграцию в близлежащие города (что даст стимул и для их развития). Важно указать, что только повышением транспортной доступности проблему не решить, необходимы и соответствующие шаги по подготовке кадров.

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 23 декабря 2022 г. № 4132-р Об утверждении методических рекомендаций по критериям определения опорных населенных пунктов и прилегающих территорий. Гарант. (<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405920097/>).

Заключение

Таким образом, для предотвращения дальнейшего «сжатия» освоенного пространства необходимо проработать следующие вопросы:

- признание многодомности граждан с перераспределением бюджетных ресурсов в пользу территорий их проживания,
- целесообразность финансовой поддержки переезда населения из умирающих сел в близлежащие крупные сельские населенные пункты,
- поиск возможностей дальнейшего развития транспортной инфраструктуры и автомобилизации населения в сельской местности и малых городах, нацеленных на повышение доступности социальной инфраструктуры и расширение возможностей маятниковых миграции.

Следует также добавить, что для претворения этих предложений в жизнь необходимо усиливать значимость муниципальной проблематики в федеральной пространственной политике. Прежде всего, следует налаживать аналитический мониторинг пространственного развития в разрезе именно муниципальных образований, а не только субъектов РФ. Его можно осуществлять даже в разрезе относительно крупных территориальных единиц – городских округов и муниципальных округов/районов, но хотя бы с минимальным набором данных по населенным пунктам. Без этого невозможно обоснованно говорить ни о трендах пространственного развития (на сегодняшний день научные исследования вынужденно носят фрагментарный характер), ни о различиях между разными типами территорий.

Необходимо усиливать значимость информационно-аналитического и научного обеспечения решений в рамках пространственной политики. Данный вывод подтверждает и советский, и современный опыт. Зачастую негативные результаты связаны не столько с ошибочностью самих идей, сколько с их реальным воплощением на практике. В частности, об этом говорит пример «перспективных» и «неперспективных» сел, а также данная ошибка рискует повториться с нынешними опорными населенными пунктами, принципы определения которых необходимо пересмотреть.

Важно также усиливать значимость пространственной политики на уровне властей субъектов Федерации. На сегодняшний день пространственную политику не рассматривают как обязательную составляющую деятельности региональных органов власти (в отличие, например, от инвестиционной политики). Такая ситуация не оправдана, и пространственная политика в субъектах Федерации должна обсуждаться не меньше, чем федеральная пространственная политика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

- Аверкиева К.В. (2012) Инновации в сельском хозяйстве Нечерноземной зоны России как ответ на «сжатие пространства» // Известия РАН. Серия географическая. № 4. С. 20–31.
- Averkieva K.V. (2012) Innovacii v sel'skom hozyaystve Nечерноземной зоны Rossii kak oтvet na "szhatie prostranstva" [Innovation in Agriculture of Non-Black Soil Zone of Russia as a Response to the Contraction of Space]. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*. no. 4, pp. 20–31. (In Russ.)
- Агафонов Н.Т., Лавров С.Б., Хорев Б.С. (1982) О некоторых ошибочных концепциях в урбанистике // Известия Всесоюзного географического общества. Вып. 6. С. 533–538.
- Agafonov N.T., Lavrov S.B., Khorev B.S. (1982) O nekotoryh oshibochnyh koncepciyah v urbanistike [About Some Erroneous Concepts in Urbanism]. *Izvestiya Vsesoyuznogo Geograficheskogo Obshchestva*. issue 6, pp. 533–538. (In Russ.)

Алексеев А.И. (1988) Сельское расселение: концепции и реальность // Вопросы географии. Сб. 132. С. 144–182.

Alekseev A.I. (1988) Sel'skoe rasselenie: koncepcii i realnost' [Rural Settlement: Concepts and Reality]. *Voprosy Geografii*. no. 132, pp. 144–182. (In Russ.)

Безруков Л.А. (2006) Сибирские ТПК на рубеже веков: делимитация, значимость, эффективность // В: Пространственная организация хозяйства: ТПК или кластеры? М.: ИГРАН, МАРС. С. 120–131.

Bezrukov L.A. (2006) Sibirskie TPK na rubezhe vekov: delimitaciya, znachimost', effektivnost' [Siberian TPC at the Turn of the Century: Delimitation, Significance, Effectiveness]. In: *Prostranstvennaya organizaciya hozyajstva: TPK ili klastery?* Moscow: IGRAS, MARS. Pp. 120–131. (In Russ.)

Бочарников В.Н. (2016) Геопространство «дикой природы» // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. № 5. С. 165–175.

Bocharnikov V.N. (2016) Geoprostranstvo "dikoj prirody" [Geospatial "Wild Nature"]. *Social'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Associacii rossijskih geografov-obshhestvovedov*. no. 5, pp. 165–175. (In Russ.)

Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В. (2019) Стратегия пространственного развития и приоритеты национальной безопасности Российской Федерации // Экономика региона. Т. 15. Вып. 3. С. 631–643. <https://doi.org/10.17059/2019-3-1>

Buchwald E.M., Kol'chugina A.V. (2019) Strategiya prostranstvennogo razvitiya i prioritety nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii [Spatial Development Strategy and National Security Priorities of the Russian Federation]. *Ekonomika regionov*. vol. 15, no. 3, pp. 631–643. <https://doi.org/10.17059/2019-3-1> (In Russ.)

Города запада России и Великая Отечественная война (2021) Смоленск: Смоленский государственный университет. 408 с.

Goroda zapada Rossii i Velikaya Otechestvennaya vojna [Cities of the West of Russia and the Great Patriotic War] (2021) Smolensk: Smolenskij gosudarstvenny universitet. 408 p. (In Russ.)

Дегтярев А.Я. (1980) Русская деревня в XV–XVII веках: Очерки истории сельского расселения. Л.: Изд-во ЛГУ. 176 с.

Deptyarev A.Ya. (1980) *Russkaya derevnya v XV–XVII vekax: Oчерki istorii sel'skogo rasseleniya* [The Russian Village in the XV–XVII Centuries: Essays on the History of Rural Settlement]. Leningrad: Izd-vo LGU. 176 p. (In Russ.)

Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. (2013) Различия в динамике численности населения по поселениям разного размера и статуса // Вопросы географии. Сб. 135. С. 82–107.

Karachurina L.B., Mkrтчyan N.V. (2013) Razlichiya v dinamike chislenности naseleniya po poseleniyam raznogo razmera i statusa [Differences in Population Dynamics in Settlements of Different Size and Status]. *Voprosy geografii*. no. 135, pp. 82–107. (In Russ.)

Ковалёв С.А. (1962) География сельского расселения в перспективе // Вопросы географии. Вып. 57. С. 89–120.

Kovalyov S.A. (1962) Geografiya selskogo rasseleniya v perspektive [The Geography of Rural Settlement in the Future]. *Voprosy Geografii*. no. 57, pp. 89–120. (In Russ.)

Ковалёв С.А. (2013) Развитие сельского расселения в Советском Союзе // Вопросы географии. Вып. 135. С. 126–146.

Kovalyov S.A. (2013) Razvitie selskogo rasseleniya v Sovetskom Soyuze [Development of Rural Settlement in the Soviet Union]. *Voprosy geografii*. no. 135, pp. 126–146. (In Russ.)

Коломак Е.А., Крюков В.А., Мельникова Л.В., Селиверстов В.Е., Суслов В.И., Суслов Н.И. (2018) Стратегия пространственного развития России: ожидания и реалии // Регион: экономика и социология. № 2. С. 264–287. <https://doi.org/10.15372/REG20180212>

Kolomak E.A., Kryukov V.A., Mel'nikova L.V., Seliverstov V.E., Suslov V.I., Suslov N.I. (2018) Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossii: ozhidaniya i realii [Strategy of Spatial Development of Russia: Expectations and Realities]. *Region: ekonomika i sociologia*. no. 2, pp. 264-287. <https://doi.org/10.15372/REG20180212> (In Russ.)

Колосовский Н.Н. (1932) Будущее Урало-Кузнецкого комбината. М.–Л.: Соцэргиз. 136 с.

Kolosovskij N.N. (1932) *Budushhee Uralo-kuzneczkogo kombinata* [The Future of the Ural-Kuznetsk Combine]. Moscow-Leningrad: Socze'kgiz. 136 p. (In Russ.)

Королёв А.Ю. (2022) Ареалы ненаселенности: структура и функциональное зонирование на примере Северного Урала // Географический вестник. № 2. С. 153–165. <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2022-2-153-165>

Korolyov A.Yu. (2022) Arealny nenaselyonosti: struktura i funktsionalnoe zonirovaniye na primere Severnogo Urala [Areas of Unpopulation: Structure and Functional Zoning on the Example of the Northern Urals]. *Geograficheskiy vestnik*. no. 2, pp. 153-165. <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2022-2-153-165> (In Russ.)

Кузнецова О.В. (2022) Развитие муниципальной проблематики в государственной пространственной политике России // Региональные исследования. № 2. С. 16–24. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-2-2>

Kuznetsova O.V. (2022) Razvitiye municipal'noj problematiki v gosudarstvennoj prostranstvennoj politike Rossii [Development of Municipal Issues in the State Spatial Policy of Russia]. *Regional'nye issledovaniya*. no. 2, pp. 16–24. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-2-2> (In Russ.)

Лаженцев В.Н. (2021) Арктика и Север в контексте пространственного развития России // Экономика региона. Т. 17. Вып. 3. С. 737–754. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.20213-2>

Lazhencev V. N. (2021) Arktika i Sever v kontekste prostranstvennogo razvitiya Rossii [The Arctic and the North in the Context of Russia's Spatial Development]. *Ekonomika regiona*. vol. 17, no. 3, pp. 737–754. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.20213-2> (In Russ.)

Лаппо Г.М. (2019) Разнообразие городов как фактор успешного пространственного развития России // Известия РАН. Серия географическая. № 4. С. 3–23. <https://doi.org/10.31857/S2587-5566201943-23>

Lappo G.M. (2019) Raznoobrazie gorodov kak faktor uspešnogo prostranstvennogo razvitiya Rossii [The Diversity of Cities as a Factor of Successful Spatial Development of Russia]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*. no. 4, pp. 3–23. <https://doi.org/10.31857/S2587-5566201943-23> (In Russ.)

Лексин В.Н. (2021) Системные основания и последствия территориально опосредованной депопуляции // Регион: Экономика и Социология. № 2. С. 101–134. <https://doi.org/10.15372/REG20210205>

Leksin V.N. (2021) Sistemnyye osnovaniya i posledstviya territorialno oposredovannoj depopulyatsii [Systemic Grounds and Consequences of Geographically Mediated Depopulation]. *Region: ekonomika i sotsiologiya*. no. 2, pp. 101–134. <https://doi.org/10.15372/REG20210205> (In Russ.)

Лола А.М. (2005) Основы градovedения и теории города (в российской интерпретации). М.: КомКнига. 324 с.

Lola A.M. (2005) *Osnovy gradovedeniya i teorii goroda (v rossijskoj interpretacii)* [Fundamentals of Urban Studies and Theory of the City (in Russian interpretation)]. Moscow: KomKniga. 324 p. (In Russ.)

Маркварт Э., Киселева Н.Н., Соснин Д.П. (2022) Система опорных населенных пунктов как механизм управления пространственным развитием: теоретические и практические аспекты // Власть. Т. 30. № 2. С. 95–111. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i2.8939>

Markwart E., Kiseleva N.N., Sosnin D.P. (2022) Sistema opornyh naseleennyh punktov kak mehanizmy upravleniya prostranstvennym razvitiem: teoreticheskie i prakticheskie aspekty [The System of Central Settlements as a Management Tool: Theoretical and Practical Aspects]. *Vlast'*. vol. 30, no. 2, pp. 95–111. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i2.8939> (In Russ.)

Нефедова Т.Г. (2010) Сжатие внегородского освоенного пространства России – реальность, а не иллюзия // В: Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. М.: Эслан. С. 128–144.

Nefedova T.G. (2010) Szhatie vnegorodskogo osvoennogo prostranstva Rossii – real'nost', a ne illyuziya [Compression of Russia's Non-urban Developed Space is a Reality, Not an Illusion]. In: *Szhatie social'no-ekonomicheskogo prostranstva: novoe v teorii regional'nogo razvitiya i praktike ego gosudarstvennogo regulirovaniya*. Moscow: Eslan. Pp. 128–144. (In Russ.)

Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. (2020) Поляризация и сжатие освоенных пространств в Центре России: тренды, проблемы, возможные решения // Демографическое обозрение. Том 7. № 2. С. 31–53. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11138>

Nefedova T.G., Trejvish A.I. (2020) Polyarizaciya i szhatie osvoennyh prostranstv v Centre Rossii: trendy, problemy, vozmozhnye resheniya [Polarization and Shrinkage of Active Space in the Core of Russia: Trends, Problems and Possible Solutions]. *Demograficheskoe obozrenie*. vol. 7, no. 2, pp. 31–53. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11138> (In Russ.)

Пивоваров Ю.Л. (1997) Сжатие интенсивно используемого пространства: концепция макрорегионального развития России // Известия РАН. Серия географическая. № 5. С. 114–124.

Pivovarov Yu.L. (1997) Szhatie intensivno ispol'zuemogo prostranstva: koncepciya makroregionalno-go razvitiya Rossii [Compression of Intensively Used Space: The Concept of Macro-regional Development of Russia]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*. no. 5, pp. 114–124. (In Russ.)

Смирнов И.П., Смирнова А.А., Ткаченко А.А. (2020) Итоги проведения политики сселения малых деревень в Нечерноземье (на примере Тверской области) // Вестник Московского университета. Серия 5: География. № 4. С. 105–115.

Smirnov I.P., Smirnova A.A., Tkachenko A.A. (2020) Itogi provedeniya politiki sseleniya malyh der-even' v Nechernozem'e (na primere Tverskoj oblasti) [The Results of the Policy of Settlement of Small Villages in the Non-Chernozem Region (On the Example of the Tver Region)]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*. no. 4, pp. 105–115. (In Russ.)

Суций С.Я., Дружинин А.Г. (1994) Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону: изд-во СКНЦВШ. 576 с.

Sushhij S.Ya., Druzhinin A.G. (1994) *Ocherki geografii russkoj kultury* [Essays on the Geography of Russian Culture.]. Rostov-on-Don: Izd-vo SKNCzVSh. 576 p. (In Russ.)

Трейвиш А.И. (2010) «Сжатие пространства»: трактовки и модели // В: Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. М.: Эслан. С. 16–31.

Trejvish A.I. (2010) “Szhatie prostranstva”: traktovki i modeli [“Compression of Space”: Interpretations and Models]. In: *Szhatie social'no-ekonomicheskogo prostranstva: novoe v teorii regional'nogo razvitiya i praktike ego gosudarstvennogo regulirovaniya*. Moscow: Eslan. Pp. 16–31. (In Russ.)

Трейвиш А.И. (2009) Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф. 372 с.

Trejvish A.I. (2009) *Gorod, rajon, strana i mir. Razvitie Rossii glazami stranoveda* [City, District, Country and World. The Development of Russia Through the Eyes of a Country Scientist]. Moscow: Novyj Hronograf. 372 p. (In Russ.)

Ускова Т.В., Патракова С.С. (2021) Развитие сельских территорий в условиях пространственного сжатия северного региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 5. С. 34–52. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.2>

Uskova T.V., Patrakova S.S. (2021) Razvitie sel'skih territorij v usloviyah prostranstvennogo szhatiya severnogo regiona [Rural Development in the Context of Spatial Compression of a Northern Region]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*. vol. 14, no. 5, pp. 34–52. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.210.15838/esc.2021.5.77.2> (In Russ.)

Харитонов А.В., Бондарев Н.С., Бондарева Г.С. (2023) Формирование механизма устойчивого развития сельских территорий региона на основе сельских агломераций. Томск: Изд-во Том. ун-та. 362 с.

Kharitonov A.V., Bondarev N.S., Bondareva G.S. (2023) *Formirovanie mehanizma ustojchivogo razvitiya sel'skih territorij regiona na osnove sel'skih aglomeracij* [Development of a Mechanism for Sustainable Development of Rural Areas of the Region on the Basis of Rural Agglomerations]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. 362 p. (In Russ.)

Хорев Б.С. (1988) Реконструкция сельского расселения: новый этап научно-технической политики // Вопросы географии. Вып. 132. С. 34–52.

Khorev B.S. (1988) Rekonstrukciya sel'skogo rasseleniya: novyj etap nauchno-tehnicheskoy politiki [Reconstruction of Rural Settlement: A New Stage of Scientific and Technical Policy]. *Voprosy geografii*. no. 132, pp. 34–52. (In Russ.)

Информация об авторах

Дружинин Александр Георгиевич, доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета. Адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42. Ведущий научный сотрудник Института географии РАН. Адрес: 119017, Москва, Старомонетный переулок, дом 29, стр. 4. E-mail: alexdru9@mail.ru

Кузнецова Ольга Владимировна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. Адрес: 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47. E-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

About the authors

Alexander G. Druzhinin, Doctor of Sciences (Geography), Professor, Director, North Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems of the Southern Federal University. Address: 344006, 105/42 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia. Leading Research Fellow, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences. Address: 119017, 29, Staromonetnyi per., Moscow, Russia. E-mail: alexdru9@mail.ru

Olga V. Kuznetsova, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Research Fellow, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences. Address: 117418, 47 Nakhimovsky prosp., Moscow, Russia. E-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 06.03.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 21.07.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 01.08.2024

УДК: 323.1

DOI: 10.31857/S0869049924040109
EDN: ZGSABA

Трибуна молодого ученого ROSTRUM OF A YOUNG SCIENTIST

Оригинальная статья / Original article

Теоретические подходы к изучению языковых режимов

© А.С. ТУЛУМ

Тулум Андрей Сергеевич, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), atulum@hse.ru. ORCID: 0000-0003-1362-6101

Концепция языкового режима появилась в политической науке в конце 1980-х гг., когда в связи с этническими конфликтами и миграцией во многих государствах Европы возникли проблемы в управлении языковым разнообразием, а на международном уровне начались дискуссии о языковых правах. Данные процессы продемонстрировали, что языковые проблемы имеют политическую важность, следовательно, их необходимо изучать. За последние 20 лет ученые внесли значительный вклад в междисциплинарные исследования языковой политики, применяя подходы из политической науки, социолингвистики, права и экономики. Однако такой широкий исследовательский инструментарий привел к методологическим проблемам, главным образом связанным с интерпретацией понятий, которые встречаются сразу в нескольких областях исследований – например, идеологии. В случае языковых режимов полемика разворачивается вокруг самостоятельного употребления этого термина, который не следует рассматривать как эквивалент режима языковой политики или просто языковой политики. Обсуждены ключевые подходы к изучению языковых режимов, а также обосновано независимое использование этого понятия в исследованиях языковой политики.

Ключевые слова: языковая политика, языковой режим, политология, социолингвистика, междисциплинарность

Цитирование: Тулум А.С. (2024) Теоретические подходы к изучению языковых режимов // Общественные науки и современность. № 4. С. 128–136. DOI: 10.31857/S0869049924040109, EDN: ZGSABA

Theoretical Approaches to Language Regimes

© A. TULUM

Andrei S. Tulum, HSE University (Moscow, Russia), atulum@hse.ru. ORCID: 0000-0003-1362-6101

Abstract. The concept of language regime emerged in political science in the late 1980s. Due to the rise of ethnic conflicts and migration many European states faced, new challenges to language diversity management emerged while at international level a discussion about linguistic rights started. All these trends once again highlighted the political importance of language issues and an urgent need to investigate them by bringing together the approaches from different fields of science. Many researchers have made a significant contribution to interdisciplinary language policy studies over the last 20 years by applying methods from political science, sociolinguistics, law and economics. However, such a wide range of approaches has inevitably led to methodological problems, mostly concerned with different interpretations of notions that are grounded in more than one research field, e.g. ideology. As for language regimes, the debate lies in the separate use of this term that should not be considered equivalent to language policy regime or language policy. The article discusses the key approaches to language regimes in both political science and sociolinguistics and justifies the separate use of this notion for language policy research.

Keywords: language policy, language regime, political science, sociolinguistics, interdisciplinarity

Citation: Tulum A.S. (2024) Theoretical Approaches to Language Regimes. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 128–136. DOI: 10.31857/S0869049924040109, EDN: ZGSABA (In Russ.)

Введение

Понятие «языковой режим» возникло в политической науке в конце 1980-х – начале 1990-х гг. В этот период в Европе возникали новые государства, а одновременно с ними зарождались конфликты с очевидной этноязыковой окраской. Попытки их урегулировать существенно развили международное сотрудничество в сфере языковых прав и прав этнических меньшинств, а также усилили дискуссии о возможности пользоваться правами и ограничениях в этой области. В этот период также начался качественно новый этап европейской интеграции: Европейские сообщества преобразовались в Европейский союз (ЕС), количество государств-участников которого за 1990–2000 гг. увеличилось почти вдвое. Как следствие, возросло и количество официальных языков, а их равноправное использование в институтах ЕС стало серьезным вызовом для этого полиэтничного объединения. Кроме того, многие государства Европы впервые столкнулись с феноменом миграции, что сделало вопрос культурной и языковой адаптации новоприбывших одной из центральных политических проблем стран континента на ближайшие десятилетия.

В результате усложнения и политизации этноязыковых процессов появилось четкое понимание того, что проблемы языковой политики теперь представляют собой вопрос не только социолингвистики, к которой традиционно относятся исследования в этой сфере, но и политической науки. Соответственно, методы и подходы обеих дисциплин могут быть ключом к их пониманию и решению. Одной из первых работ, воплотивших эту идею в жизнь, считают книгу «Языковые права и политическая теория» под редакцией В. Кимлики и А. Паттена [Kymlicka, Patten 2003]. В ней собраны результаты исследований, которые связывают язык и различные политические вопросы: от гражданства и национализма до проблем мультикультурализма и политики идентичности. На базе этих идей за последние

два десятилетия было написано много новых работ, посвященных языковой политике и языковым режимам [Cardinal, Sonntag 2015; Carla 2007; Gazzola 2014; Liu 2015; Борисова 2021; Мухарьямов 2017]. Основой для изучения последних чаще всего выступает именно политическая наука, дополнением к которой служит социолингвистика (но не только она).

В связи со сложным правовым устройством ЕС, откуда понятие «языковой режим» и пришло в науку, проблемами языковых прав и особенностями национальных законодательств в рамках данного направления исследований необходимо использовать знания и подходы из области права. Концепции о языке как об экономическом благе, а также проблема издержек и ожидаемых выгод мультилингвизма открывают возможность применять методы экономической науки [Gazzola 2014].

В то же время широта инструментария для изучения языковых режимов приводит к методологическим проблемам. В частности, возникает вопрос релевантности употребления понятия «языковой режим», которое зачастую приравнивают к другим, уже укорененным в науке концепциям, и применяют как их синоним. Прежде всего речь идет о языковой политике и ее режимах, языковой идеологии, языковой ситуации. Соответственно, цель статьи – рассмотреть сложившиеся в науке подходы к языковым режимам и объяснить необходимость обособленного применения понятия «языковой режим» при исследовании политических процессов в языковой сфере и роли языка в политике.

Языковые режимы и политическая наука

Несмотря на то, что языковые режимы упоминались еще в политологических исследованиях конца 1980-х – начала 1990-х гг. [Beer, Jacob 1985; Laitin 1993], четкое определение этому термину дал в своих работах только американский политолог Дж. Пул в 1990-х гг. Рассуждая о взаимозависимости национальных политических и языковых режимов, последние он интерпретирует как наличие в образующем нацию сообществе языка, которым владеет большинство его членов и который выступает основным средством общения внутри сообщества. Иными словами, языковой режим в версии Пула – это статичная ситуация, «совокупность одного или более официальных языков» [Pool 1990], а также, согласно его следующей статье об оптимальных языковых режимах для Европейского союза, «набор правил, регулирующих их использование» [Pool 1996]. В своих работах исследователь представляет языковой режим как следствие языковой политики государства или международной организации. Под ней понимают различные меры, направленные на определение официальных, рабочих и других языков, их стандартизацию, продвижение и изучение.

Такое же толкование языковых режимов можно встретить в исследованиях [Cardinal, Sonntag 2015; Laitin 2007; Liu 2015; Moorman-Kimakova 2016; Rousseau, Dargent 2019]. Как правило, их авторы все же расширяют данное определение, а их подходы преследуют более конкретные цели. К примеру, исследователи Л. Кардинал и С. Зоннтаг [Cardinal, Sonntag 2015] рассматривают языковой режим как «совокупность языковых практик, а также концепций и представлений о языке и его использовании, которые формируются под влиянием государственной политики, а затем воспроизводятся пользователями языка». Похожую трактовку использует и А. Карла [Carlà 2007], который работает в конструктивистской парадигме. Он предлагает рассматривать язык как мировоззрение, которое формируется в отношениях между языковыми группами в определенном контексте и под влиянием структурных изменений, включающих

в том числе языковую политику. Автор различает два типа режимов языковой политики в зависимости от того, какое мировоззрение она создает – происходит ли секьюритизация языкового вопроса. Когда языковой фактор в отношениях между языковыми группами нейтрален, в них устанавливается объединяющий режим, который предусматривает паритетное использование всех языков. При разъединяющем режиме языку приписывают роль фактора идентичности, а члены сообщества четко осознают иерархию языков и следуют ей.

Однако здесь возникает упомянутая выше методологическая проблема, когда в исследованиях понятия «языковой режим» (*language regime*), «режим языковой политики» (*language policy regime*) и «языковая политика» (*language policy*) приравнивают друг к другу. Отечественный специалист Н.В. Борисова, указывая на эту ошибку, отмечает, что представление о правилах как об институциональных практиках (согласно определению Кардинал и Зоннтаг) позволяет определять языковой режим как разновидность социального порядка – рутинизированные и привычные правила и практики употребления языка, в условиях которых существует общество. Однако языковая политика только влияет на языковой режим, а значит, она не может быть его частью [Борисова 2021, 66]. Соответственно, методологически корректно использовать «языковой режим» как отдельное понятие с самостоятельной объяснительной силой.

Иной подход и еще одну типологию языковых режимов можно найти в исследовании американского политолога Э. Лю [Liu 2015], которая рассматривает языковой режим как инструмент институционализации языковых властных полномочий. Изучая режимы в Малайзии и Сингапуре, она предложила типологию языковых режимов в зависимости от количества признанных языков и степени их родства населению. Конкретная конфигурация зависит от состава коалиционного правительства страны и может соответствовать одному из четырех типов: властно-долевой/распределяющий режим (*power-sharing*), когда официальными считаются несколько языков, особенно языки меньшинств; два варианта властно-нейтрализующего режима (*power-neutralising*), когда официальным становится только *lingua franca* либо *lingua franca* и самые распространенные родные языки; властно-концентрирующий режим (*power-concentrating*), когда доминирующая политическая группа может выбрать любой языковой режим. Режим может изменяться только в переходные периоды, или, говоря языком исторического институционализма, критические развилки (*critical junctures*), так как языковые режимы формируются (*path dependent*) именно под влиянием государственных традиций.

Теоретические рамки, которые использовала в своей работе Лю, предложили Л. Кардинал и С. Зоннтаг [Cardinal, Sonntag 2015], чтобы объяснять, как государство выбирает ту или иную модель языковой политики, а не только рассматривать ее последствия. По их мнению, такой подход позволяет изучать исторический, институциональный и нормативный контекст, при котором государство выбирает курс языковой политики, который, в свою очередь, влияет на формирование языкового режима.

Примечательно также, что наработанные в политической науке подходы к языковым режимам часто интегрируют в себя знания из социолингвистики и других дисциплин. В своем определении языкового режима Л. Кардинал и С. Зоннтаг говорят не только о языковых практиках, но и о концепциях и представлениях о языке и его употреблении, то есть о давно укорененных в науке языковых идеологиях. В то же время авторы отмечают, что их самостоятельный объяснительный потенциал недостаточен [Cardinal, Sonntag 2015, 7]. Другим примером можно назвать работу американского политолога Д. Лэйтина [Laitin 2007]. Рассуждая о формировании нации, ученый обращается к концепциям гегемонии и языкового сдвига, рассматривая их через

заимствованную из теории игр модель переломного момента (*tipping game*). В его версии национальный языковой режим складывается в конкретный переломный момент в результате коллективного волеизъявления. В результате либо укрепляются позиции языка национального большинства, либо, наоборот, появляются предпосылки для возникновения новой нации.

Таким образом, вклад политической науки в исследования языковых режимов не ограничивается уточнением и обособлением понятия «языковой режим». Она помещает языковые проблемы в более широкий политический контекст (от проблемы распределения властных полномочий до вопросов нациестроительства), что позволяет применять политологические подходы, которые используют для изучения этих феноменов, и к языковым режимам. Важно также отметить явную междисциплинарность уже проведенных в этой области исследований, чему в первую очередь способствовало заимствование инструментов социолингвистики.

Социолингвистические подходы

Социолингвистика традиционно выступает основным полем для изучения языковой политики, предоставляя значительные аналитико-теоретические возможности для исследования языковых режимов – в том числе благодаря интеграции с правовыми и экономическими подходами.

При дискуссии о языковых режимах социолингвисты обычно ссылаются на коллективную монографию «Режимы языка» [*Kroskriety 2000*]. Ее редактор, американский лингвоантрополог П. Кроскрити, предложил использовать понятие «языковой режим», чтобы интегрировать два отделенных друг от друга исследовательских поля: лингвистического без политики и политологического без языка. Такой подход позволяет лучше понимать роль языковых идеологий и дискурсивных практик в макросоциальных процессах. Под регламентацией (*regimentation*) в языковой сфере Кроскрити понимает контроль, прежде всего политический, над производством и восприятием доминирующих дискурсов. В то же время многие авторы монографии не рассматривают «режим» как нечто, обязательно связанное с контролем и доминированием – скорее с организацией чего-либо, исключением вариаций и лишних элементов [*Gal, Irvine 2019, 71*]. Поэтому, как отмечает французский исследователь Дж. Коста, монография по сути посвящена уже конвенциональным языковым идеологиям. Понятие «языковой режим» в ней не было окончательно концептуализировано и осталось размытым [*Costa 2019, 3*], из-за чего исследователи зачастую воспринимают языковые режимы и идеологии как близкие синонимичные понятия, что неверно. Различие становится очевидным, если посмотреть на определение языковых идеологий как «любого набора представлений о языке, сформулированных его носителями (пользователями) в качестве рационализации или обоснования воспринимаемой ими структуры языка и мотивов его использования» [*Silverstein 1979*].

Однако существуют и методологически более удачные подходы. К примеру, социолингвист Ф. Кулмас, понимая языковой режим как набор ограничений индивидуального языкового поведения, включает в его компоненты привычки, правовые нормы и идеологии. Он подразумевает, что в идеальной картине мира правовые положения отражают привычки, а также их поддерживают идеологии [*Coulmas 2005*]. Из этой теории можно сделать вывод, что режим – это не столько идеи, сколько реальные действия и практики, которые воплощаются в жизнь под влиянием идей. Как отмечает Коста [*Costa 2019, 3*], режим в целом – это непрерывающийся процесс воспроизводства социальных

порядков через повседневные действия, которые определяются идеологиями и обоснованы экономической необходимостью. В этих условиях регламентация становится удобным инструментом для исследования социального действия, который, тем не менее, нуждается в дополнительном изучении практик, идеологий и политической экономии.

Компенсировать данный недостаток могут исследования в сфере экономики языка. Основным фокусом таких работ чаще всего становятся выгоды и издержки, которые приносят разные языковые режимы. Например, рассуждая об измерении их эффективности, британский исследователь М. Гадзола предлагает смотреть на количество людей, которые могут коммуницировать на том или ином языке. Одним из количественных индикаторов может выступать индекс отчужденности (*disenfranchisement rate, DR*), который применяют в посвященных ЕС исследованиях. Он определяет численность европейских граждан, которые могут утратить доступ к информационному полю органов ЕС в случае введения разных языковых режимов, представляющих собой различные наборы рабочих и официальных языков.

Для оценки эффективности языкового режима автор предлагает анализировать так называемую «программную теорию» языкового режима: отслеживать и описывать процесс того, как затраченные на установление определенного языкового режима ресурсы (*inputs*) связаны с производимыми из них благами (*outputs*), а следовательно, и конечными результатами их использования (*outcomes*) [Gazzola 2014, 109–110]. В рамках данной модели языковой режим представляет собой систему принципов и механизмов, используемых для производства многоязычных общественных благ – «документов» в письменной и устной форме.

Исследования в области экономики языка чаще всего посвящены экономическим моделям, которые объясняют различные проявления языкового поведения. К примеру, во многих работах исследуют причины языковой витальности, тогда как авторы других пытаются выяснить, как языковой репертуар детей формируется в зависимости от публичной политики в государстве [Armstrong 2015; Carida, Nemiña, Pinasco, Schiaffino 2013]. Данные модели могут помочь количественно объяснить причины языкового сдвига в выбранном сообществе, а затем и изменения языкового режима, в котором существуют его члены.

Какой подход выбрать?

Большинство представленных в этом обзоре подходов сосредоточены на нормативной составляющей языковой политики, а также на ее результатах и последствиях. Данные аспекты имеют политическое значение, однако ответ на вопрос о причинах выбора конкретной модели языковой политики, а следовательно, и предпосылках формирования соответствующего режима, получить не так легко.

В последнее время для решения этой исследовательской проблемы в основном применяют подход Л. Кардинал и С. Зоннтаг, в котором соединены концепции «языковых режимов» и «государственных традиций». Формулируя его, авторы отсылают к работе Т. Скочпол и ее коллег [Evans, Rueschemeyer, Skocpol 1985], в которой авторы призвали вернуться к изучению роли государств как самостоятельных акторов, которые формулируют и преследуют собственные цели, необязательно отражающие интересы социальных групп или целого общества. По мнению исследователей, эта автономия государства проявляется через концепцию государственных традиций. Под последними авторы понимают институциональный и нормативный опыт, а также исторически сложившиеся паттерны государственного поведения. Вместе они

определяют, на какие принципы государство опирается при выработке политики – в том числе языковой – на определенном историческом этапе. Данный подход, оформленный языком исторического институционализма, обладает значительным объяснительным потенциалом. В частности, его использовали авторы книги «Государственные традиции и языковые режимы» [Cardinal, Sonntag 2015], и многих других работ, вышедших за последние пять лет: о языковой политике в Румынии [Maracz 2017], о формировании языкового режима в Перу [Rousseau, Dargent 2019], о конституционных принципах языкового режима в Швейцарии [Burckhardt 2021], о динамике языкового сдвига в Казахстане [Terlikbayeva, Menlibekova 2021].

Тем не менее, и у него есть свои ограничения. Не все страны обладают стабильными государственными традициями – как минимум из-за того, что у некоторых из них не было опыта государственности, либо период их независимого существования был кратким. Особенно это касается бывших колониальных и постсоциалистических государств со слабым государственным аппаратом, хрупким чувством принадлежности и гражданской лояльности, а также этническим многообразием [Beichelt 2019, 659]. Чтобы преодолеть это ограничение, предлагается рассматривать политико-институциональные и политико-культурные традиции, которые можно проследить и у новых государств. В пользу разделения на институциональный и индивидуальный уровни говорит и необходимость понимать, как пользователи языка воспринимают языковую политику государства. Это особенно важно, если определять языковой режим как набор языковых практик, которые формируются под влиянием не только институциональных паттернов государственной политики, но и представлений о роли языка в обществе.

Для анализа последних может быть полезен подход Карла, который объясняет, как реляционная языковая политика (регулирующая использование языка в социальных отношениях между языковыми группами) влияет на восприятие индивидами проблем языкового разнообразия через концепцию секьюритизации. Кроме того, этот подход позволяет рассматривать языковую политику как вид символической политики, что дает исследователям возможность проанализировать процесс формирования политико-культурных традиций в иной перспективе, исследуя в том числе политику памяти [Малинова, Джонсон 2020]. Например, в постсоветских государствах, которые находятся в процессе активного нациестроительства, политика памяти часто переплетается с «борьбой за язык» – причем как за язык титульной нации, так и за русский в роли языка межнационального общения.

Заключение

Подводя итог рассуждению о подходах к изучению языковых режимов, можно сделать следующие выводы. Прежде всего стало очевидным, что обособленное применение понятия «языковой режим» как самостоятельного (вразрез толкованию его как синонима языковой политики или языковой идеологии) оправдано его большей аналитико-теоретической универсальностью, которая позволяет объяснять связи между языковыми и политическими феноменами. На данный факт указывает то, что политологи и социолингвисты параллельно сформировали понимание языкового режима как разновидности социального порядка. Также необходимо изучать контекст, в котором формируется языковой режим, включая и языковые идеологии, и правовые нормы, и институциональные практики. Кроме того, подтверждена необходимость изучать два уровня социального взаимодействия: властных и социальных отношений между языковыми группами, в результате которых формируются языковые режимы. Если для исследования распределения

доступа к власти инструментария политической науки может быть достаточно, то второй уровень однозначно требует междисциплинарности. Тем не менее, здесь возникает извечная проблема, которую предстоит решить каждому исследователю: как методологически правильно интегрировать подходы, чтобы теоретическая основа новых исследований не представляла собой их нагромождение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/ REFERENCES

- Борисова Н.В. (2021) Факторы вариативности языковой политики и языковых режимов в сложноустроенных полициях. Дис. ... д-р полит. наук: 23.00.02. Пермь. 320 с.
- Borisova N.V. (2021) *Faktory variativnosti yazykovoy politiki i yazykovykh rezhimov v slozhnoustroennykh politiyah* [Factors of Variability of Language Policy and Language Regimes Complex Politics]. Dis. ... d-r polit. nauk: 23.00.02. Perm'. 320 p. (In Russ.)
- Малинова О.Ю., Джонсон Дж. (2020) Символическая политика как предмет political science и Russian studies: исследования политического использования прошлого в постсоветской России // Политическая наука. № 2. С. 15–41. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.02.01>
- Malinova O.Yu., Johnson J. (2020) Simvolicheskaya politika kak predmet political science i Russian studies: issledovaniya politicheskogo ispol'zovaniya proshlogo v postsovetsoj Rossii [Symbolic Politics in Political Science and Russian Studies: Research on the Political Uses of the Past in Post-soviet Russia]. *Politicheskaya nauka*. no. 2. pp. 15–41. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.02.01> (In Russ.)
- Мухарямов Н.М. (2017) Политика языка и языковая политика // В: Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Ред.: Семенов И.С. М: Издательство «Весь Мир». С. 677–684.
- Muharyamov N.M. (2017) Politika yazyka i yazykovaya politika [Language Politics and Language Policy]. In: *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Enciklopedicheskoe izdanie*. Ed(s): Semenenko Y.S. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir». Pp. 677–684. (In Russ.)
- Armstrong A. (2015) Equilibria and Efficiency in Bilingual Labour Markets // *Journal of Economic Behavior & Organization*. Vol. 112. Pp. 204–220.
- Beichelt T. (2019) Stateness // In: *The Handbook of Political, Social, and Economic Transformation*. Ed(s): W. Merkel, R. Kollmorgen, H-J. Wagener. Oxford: Oxford Academic. Pp. 657–660. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198829911.003.0076>
- Burckhardt T. (2021) Linguistic Territoriality in Switzerland: Exploring the Roots of a Constitutional Principle. *Language Problems and Language Planning*. Vol. 45. Issue 2. Pp. 187–217.
- State Traditions and Language Regimes* (2015) Ed(s): Cardinal L., Sonntag S. Montreal: McGill-Queen's University Press. 288 p.
- Carida I., Nemiña F., Pinasco J., Schiaffino P. (2013) Schelling-voter Model: An Application to Language Competition. *Chaos, Solitons & Fractals*. Vol. 56. Pp. 216–221.
- Carlá A. (2007) Living Apart in the Same Room: Analysis of the Management of Linguistic Diversity in Bolzano. *Ethnopolitics*. Vol. 6. Issue 2. Pp. 285–313.
- Costa J. (2019) Introduction: Regimes of language and the social, hierarchized organization of ideologies. *Language & Communication*. Vol. 66. Pp. 1–5.
- Coulmas F. (2005) Changing Language Regimes in Globalizing Environments. *International Journal of the Sociology of Language*. Vol. 2005. Issue 175–176. Pp. 3–15.
- Evans P., Rueschemeyer D., Skocpol T. (eds.) (1985) *Bringing the State Back In*. Cambridge: Cambridge University Press. 404 p.
- Gal S., Irvine J. (2019) *Signs of Difference: Language and Ideology in Social Life*. Cambridge: Cambridge University Press. 326 p.

- Gazzola M. (2014) *The Evaluation of Language Regimes: Theory and Application to Multilingual Patent Organizations*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 380 p.
- Language Rights and Political Theory* (2003) Ed(s): Kymlicka W., Patten A. Oxford: Oxford University Press. 364 p.
- Language Policy and National Unity* (1985) Ed(s): Beer W., Jacob J. Totowa: Rowman & Allanheld. 242 p.
- Laitin D. (1993) *Language Repertoires and State Construction in Africa*. Cambridge: Cambridge University Press. 220 p.
- Laitin D. (2007) *Nations, States, and Violence*. Oxford: Oxford University Press. 168 p.
- Liu A. (2015) The Politics of Language Regimes: Comparative Analysis of Southeast Asia // In: *State Traditions and Language Regimes*. Ed(s): L. Cardinal, S. Sonntag. Montreal: McGill-Queen's University Press. Pp. 137–153.
- Marác L. (2017) Is the EU Accession a Critical Juncture for Romania's Language Policy? *Belvedere Meridionale*. Vol. 29. Issue 4. Pp. 28–42.
- Moormann-Kimáková B. (2016) *Language-related Conflicts in Multinational and Multiethnic Settings: Success and Failure of Language Regimes*. Berlin: Springer VS. 278 p.
- Pool J. (1990) Language Regimes and Political Regimes. In: *Language Policy and Political Development*. Ed(s): B. Weinstein. Norwood: Ablex. Pp. 241–61.
- Pool J. (1996) Optimal Language Regimes for the European Union. *International Journal of the Sociology of Language*. Vol. 121. Pp. 159–180. <https://doi.org/10.1515/ijsl.1996.121.159>
- Regimes of Language: Ideologies, Politics, and Identities* (2000) Ed(s): Kroskirty P. Santa Fe: School of American Research Press. 432 p.
- Rousseau S., Dargent E. (2019) The Construction of Indigenous Language Rights in Peru: A Language Regime Approach. *Journal of Politics in Latin America*. vol. 11. Issue 2. pp. 161–180.
- Silverstein M. (1979) Language Structure and Linguistic Ideology. In: *The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels*. Ed(s): P. Clyne, W. Hanks, C. Hofbauer. Chicago: Chicago Linguistic Society. Pp. 193–247.
- Terlikbayeva N., Menlibekova G. (2021) The Dynamics of Language Shift in Kazakhstan: Review Article. *Journal of English Language Teaching and Applied Linguistics*. vol. 3. Issue 2. pp. 12–22. <https://doi.org/10.32996/jeltal.2021.3.2.2>

Информация об авторе

Тулум Андрей Сергеевич, аспирант Департамента политики и управления Факультета социальных наук, преподаватель Школы иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 109028, Россия, Москва, Покровский бульвар, 11. E-mail: atulum@hse.ru

About the author

Andrei S. Tulum, Doctoral Student, School of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences, Lecturer, School of Foreign Languages, HSE University. Address: 109028, 11 Pokrovsky blvd, Moscow, Russia. E-mail: atulum@hse.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 27.03.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 16.07.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 03.08.2024